

ДРАКОН
В КИТАЕ И ЯПОНИИ

д—р М.В. Де ФИССЕР

Амстердам, 1913

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследователь китайской и японской религии, или фольклора вскоре обнаруживает то могучее влияние, которое индийская мысль оказала на дальневосточное сознание. Буддизм ввел в обиход восточных стран большое количество индийских, причем необязательно буддийских, концепций и легенд, облеченных в буддийские одежды. В Китае даосизм с готовностью воспринял эти иноземные элементы, которые во многих отношениях были созвучны его собственным идеям, или даже являлись однотипными. Таким образом, коллекция китайских легенд стала не только значительно обогащенной, но также смешанной с индийскими фабулами. Тот же процесс происходил и в Японии, когда буддизм, завоевав Корею, достиг в VI в. берегов Дай Ниппон. За менее, чем сто лет японское сознание стало насыщено иноземными идеями, частично китайскими, а частично индийскими. К смешению этих двух элементов добавился третий, состоявший из исходно японских концепций, что сформировало весьма запутанный комплекс. Любопытно, кто изучает японские легенды, сталкивается с трудной задачей анализа этого комплекса по его частям.

Ни одно из мифических существ не является столь же обычным для дальневосточного искусства и литературы, как дракон. Интересно заметить, что в Японии три различных вида драконов — индийского, китайского и японского происхождения — обнаруживаются бок о бок. Для поверхностного наблюдателя все они относятся к одному классу божеств воды, насылающих дождь, гром и бурю, но внимательное исследование показывает, что они отличаются друг от друга.

Индийский змееподобный Нага был идентифицирован в Китае с четырехногим китайским драконом, потому что оба они населяли моря и реки и приносили дождь. Неудивительно, что японцы в этой смеси индийских и китайских идей узнали свою собственную змею, или драконообразных божеств рек и гор, которым они молились о ниспослании дождя во времена засухи. Так древние легенды трех стран соединились, и особенности одной стали использоваться для украшения других. Для того, чтобы пролить свет на эти факты, нам следует исследовать буддийские идеи касательно Нага, которые пришли на восток из Индии. Не будучи знакомы с санскритом, мы вынуждены прибегнуть к работам европейских ученых и к переводам, дабы объяснить западные элементы, обнаруживаемые в китайских и японских легендах о драконах. В отношении Нага это — наша единственная цель, и мы будем рассматривать их только во Введении.

В Книге первой мы систематически приводили самые интересные цитаты относительно драконов в Китае, выбранные из колоссального количества отрывков из китайской литературы с упоминанием этого божественного животного от древнейших времен до современной эпохи. Для того, чтобы изложить оригинальные концепции, мы не цитировали многочисленные стихотворения о драконах, так как последние, хотя и основываются на этих концепциях, гипертрофируют их особым поэтическим образом. Книга II говорит о драконе в Японии в свете фактов, приведенных во Введении и Книге I. <...>

ВВЕДЕНИЕ

НАГА В БУДДИЗМЕ В СВЕТЕ ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ С КИТАЙСКИМ ДРАКОНОМ.

§ 1. Нага в трудах европейских ученых

Для изучения буддийских концепций природы Нага и тех причин, по которым китайцы идентифицировали этого змея со своим четвероногим драконом, нам следует проконсультроваться с некоторыми авторитетными работами по буддизму: Керна, Харди, Грюнведеля и других. Дело в том, что Наги, известные на Дальнем Востоке, облечены в буддийские одеяния, и легенды о них, ставшие популярными в Китае и Японии, все пронизаны буддизмом. Керн в своей «Истории индийского буддизма»¹, заявляет, что Наги занимают восьмую ступень в мировой системе, после Будд, Пратьекабудд, Архатов, Дэва, Брахма, Гандхарва и Гаруда и перед Якшасами, Кумбханда (домовые), Асура (демоны), Ракшаса (гиганты), Прета (духи, призраки) и обитателями ада. «Они — духи вод, представляемые, как правило, в человеческом обличье, со змеиной короной на голове». А в его «Учебнике по индийскому буддизму»² мы читаем, что это — «змееподобные существа, напоминающие облака». Что касается перечисления существ, то оно различается в отдельных текстах, как мы узнаем их примечания в том же «Учебнике»³. В первом предложении всех Авадана говорится, что Будду почитают люди, Дэвы, Наги, Якшасы, Асуры, Гаруды, Киннары и Махораджи⁴. Это, впрочем, не совсем те «Восемь классов», что часто упоминаются в китайских и японских буддийских произведениях. Таковы Дэвы, Наги, Якшасы, Гандхарвы, Асуры, Гаруды, Киннары и Махораджи⁵.

¹ *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, Annales du Musee Guimet, Bibl. d'etudes, X et XI, Vol. I, p.310 (295).

² *Manual of Indian Buddhism*, p.59 seq.

³ С. 60, прим.1.

⁴ Leon Feer, *Avadana-cataka*, Annales du Musee Guimet XVIII, p.2.

⁵ Фраза «Дэва, Нага и [прочие из] восьми классов (天龍八部)» очень часто обнаруживается в китайских сутрах. Эджинс (Edkins, *Chinese Buddhism*, p.217) пишет: «Существа ниже Дэвов собирательно именуются Восемью классами». Это неверно, поскольку, как верно разъясняет Эйтель (Eitel, *Sanscr.-Chin. dict.*, s.v. Naga, p. 103), Дэвы также относятся к Восьми классам. Однако, по Эйтелю, древняя китайская фраза гласит о «Нага, Дэва и [других из] восьми классов (龍天八部)». Я ни разу не встречал такого перечисления в китайских сутрах, поскольку Дэвы всегда ставятся перед Нагами. Более того, в джатаках и аваданах Дэвы всегда предшествуют Нагам в часто приводимом перечислении существ. В «Сутре Исходного Обета Бодхисаттвы Кшитигарбха» (Nanjo's Catalogue, Nr. 1003, переведена с санскрита на китайский в конце седьмого века), с. 2b, термины 天龍鬼神 «Дэвы, Наги, Демоны и Духи» и 天龍八部 «Дэвы, Наги и [прочие из] восьми классов» встречаются рядом. Я часто находил выражение *Тэнрю хатибу* в японских работах. Разумеется, это — логический порядок, поскольку Дэвы занимают более высокий ранг в мировой системе, чем Наги, и поэтому должны упоминаться перед ними. Тот факт, что Дэвы принадлежат к восьми классам, мы находим в *Ди-Мин сань-цан фа шу*, «Числах (т.е. нумерологических терминах и фразах) Закона Трипитаки, собранной во времена великой династии Мин» (Nanjo, nr.1621), Ch. 33, p.13 sq., s.v. 八部, где они перечислены, как Дэвы, Наги, Якша, Гандхарвы, Асуры, Гаруды, Киннары и Махораджи. Есть, однако, вторая фраза, а именно: «Люди, Дэвы и [прочие из] Восьми классов», 人天八部 которую мы обнаруживаем в *Сутраламкара шастра* (Nanjo, nr.1182, *Great Japanese Trip. of Leiden*, Ch. X, p. 4a and b), в двух отрывках, где будды Шакьямуни и Майтрея восславляют Махакашьяпа «перед людьми, дэвами и [прочими из] Восьми классов». Хубер (*Сутраламкара*, № 56, сс. 278 seq), переводит: «Les huit classes des Devas», однако Дэвы не подразделяются на восемь классов, а иероглиф 人 (человек) относится, разумеется, к тому же предложению, а не к предыдущему.

«Учебник буддизма» Харди⁶ приводит следующие детали относительно Нагов. «Наги пребывают в лока (мире) под скалами Трикута, поддерживающими Меру, и в водах мира людей. Облик их — как у очковой змеи, с вытянутым капюшоном (Нага–полоз); однако им приписываются многие действия, которые могут быть произведены лишь в человечесем облике. Они — полубоги и имеют много возможностей для наслаждений; обычно их представляют положительно относящимися к буддам и их приверженцам, однако, если вызвать в них ярость, они страшны в гневе». Относительно горы Меру Харди пишет: «Ее вершина — место пребывания Секра (Шакра), правителя, или главы Дэвалока, называемого Тавутиса (Траястримшат); вокруг нее — четыре особняка, размерами в 5000 *йоджана*, населенные Нагами, Гарудами, Хумбандами и Якшасами»⁷. Описывая Дэвалока, он говорит: «Дворец Вирупакша — на Западе. Его населяют Нага, количеством *кела*—*лакша*, в красных одеждах, носящие мечи и коралловые щиты и восседающие на красных лошадях»⁸.

Грюнведель⁹ пишет, что атрибутами этого Вирупакша, одного из четырех *локапала*, или Стражей Мира, также называемых «Четырьмя Великими Царями» (Чатурмахараджа), являются *чаитья* (святилище), или драгоценный камень в форме *чаитья* в правой и змей в левой руке.

До того, как Гаутама стал Буддой, царь Нагов по имени Кала узнал об этом близящемся событии по звуку золотого сосуда бодхисаттвы, раздававшемуся от ударов по нему сосудами трех последних будд во владениях Кала. Они, как и Сиддхартха, бросили свои золотые сосуды в реку¹⁰.

Как мы увидим ниже, царь Нагов Мучилинда, живший в озере с тем же названием, своими кольцами и капюшоном укрывал Повелителя от ветра и дождя на протяжении семи дней. Индийские художники часто изображали Будду, сидящего под раздутым капюшоном Мучилинда.

Не всегда, однако, цари Нагов были столь преисполнены почтения к Будде; в конце же, разумеется, даже самый упрямый из них был обращаем. Нандопананда, например, попытался воспрепятствовать возвращению Повелителя с неба Тушита на землю, однако был побежден Маудгальяяна в форме Гаруда, а затем получил наставления от самого Будды¹¹. Когда Учитель излагал сутру в одном из небесных раев, вперед выступили Дэвы и Наги и сказали: «Теперь мы будем защищать верное учение»¹². После смерти Будды цари Нагов боролись с царями Дэва за обретение части реликтов Будды¹³, и получили одну треть; Ашока дал Нанда волосок из усов Будды, когда тот пригрозил в противном случае разрушить его царство. Нанда воздвиг для него пагоду из горного хрусталя на горе Сумеру¹⁴.

По преданиям северного буддизма, Нагарджуна (ок. 150 г.), основатель учения Махаяны, был наставляем Нагом в море, и тот показал ему неизвестные книги и передал самую важную работу — Праджня–парамита, с которой он вернулся в Индию. По этой причине его имя (исходно — Арджуна) были изменено на Нагарджуна¹⁵, а на картинах он изображается с семью Нагами над головой¹⁶.

В школе Махаяны известен длинный список царей Нагов, среди которых есть следующие восемь так называемых «Великих Царей Нагов»: Нанда (называемый Нагараджа, «Царем Нагов»), Упананда, Сагара, Васуки, Такшака, Балаван, Анаватапта и Утпала¹⁷. Эти восемь часто упоминаются в китайских и японских легендах, как «восемь Царей–Драконов» 八龍王; считалось, что они были в числе слушателей

Люди предшествуют Дэвам, когда перечисляются различные существа, которые приводятся в начальной фразе Авадана: Люди, Дэвы, Наги, Якшасы, Асуры, Гаруды, Киннары и Махораджи (см. также Huber, I.I., pp.462 seq.; Chavannes, *Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois* (1910), Vol. III, p.61). Если предыдущая фраза действительно обнаруживается кое-где в древних китайских книгах в неверной форме, приведенной Эдкинсом, где Наги ставятся перед Дэвами (кажется, я видел такое однажды в японской работе), то эта ошибка могла возникнуть из смешения предыдущей фразы с последующей, где Дэвы упоминаются на втором месте.

⁶ Hardy, *Manual of Buddhism*, p.44.

⁷ С. 11.

⁸ С. 24.

⁹ Grunwedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 181.

¹⁰ Kern, *Manual*, p. 19; *Hist. du Bouddhisme dans l'Inde*, Vol. I, p. 70 (64) (там его называют «roi du monde souterrain»).

¹¹ Hardy, I.I., pp.302 seq.

¹² Edkins, I.I., p.39.

¹³ Edkins, I.I., p. 58.

¹⁴ Тем же, с. 59.

¹⁵ Переводится, как *Лун-шу*, 龍樹 или Драконово дерево; см. Эдкинс, с. 230; Эйтель, I.I., с. 103. Мы обнаруживаем имя Нагарджуна в *Катхасаритсагара*, Гл.XLI, trans. Tawney, Vol. I, p. 376: министр, «который знал способы использования всех снадобий и, смешав некий эликсир, избавил себя и царя Чираюс от старости».

¹⁶ Grunwedel, I.I., pp. 30 seqq., p. 46.

¹⁷ Grunwedel, I.I., pp. 190 seq.

Будды со своими свитами, когда тот излагал наставления «Сутры Лотоса Благого Закона», (Саддхармапундарика-сутра, *Хоккэжэ 法華經*)¹⁸.

Нага подразделяются на четыре касты, точно так же, как и люди, и образуют целые государства. «Они, — пишет Грюнведель¹⁹, — являются повелителями земли в гораздо большей степени, чем кто-либо другой, насылая, если их обидеть, засуху, плохой урожай, болезни и мор на человечество».

Относительно Нагов в индийском искусстве мы имеем прекрасный путеводитель — книгу Грюнведеля «Буддийское искусство в Индии». Установив, что Веды их не упоминали²⁰, но что они относятся к индийским народным верованиям, позже продолженным официальной брахманической религией, он далее замечает, что они часто проникали в человеческом облике в окружение Учителя и даже пытались замешаться в число его последователей, как мы видим на барельефе в Гандхара (с. 102, рис. 47; истинный облик Нага открылся, когда он уснул). По этой причине, один из вопросов, задаваемых даже сегодня тому, кто желает быть принятым в общину — это: «А ты не Нага?» Индийское искусство изображало Нагов тремя различными способами. Первый: в совершенно человеческом облике, на голове — змея типа Урея, выходящая из шеи, иногда многоголовая. Это изображение принято в Тибете, Китае и Японии²¹. Второй: в виде обычных змей; третий: комбинация первых двух, т.е. змеи, у которых верхняя часть тела — человеческая, а нижняя — полностью змеиная²². Первая указанная форма представлена на рис. 5 (с. 29), барельефе, изображающем Нагов, поклоняющихся маленькой ступе, установленной на троне, и на рис. 103 (с. 103), где Гаруда в виде громадного орла, летит вверх с Наги (женщиной Нага) в когтях и клюет длинную змею, выходящую из шеи женщины. Фигура на основании ступы в Бхархут изображает Чакравака, царя Нагов, стоящего на скале среди вод, с пятью змеиными головами на шее, а в отверстиях скалы видны змеи²³. Однажды, когда Наги появились перед Буддой, чтобы выслушать его наставления, тот приказал Ваджрапани защищать их от нападений их врагов — Гаруда. Индийский барельеф показывает нам этих Нагов, их царя Элапатра и его наложницу, стоящих в воде, со змеями над головами, поклоняющихся Будде, а Ваджрапани на заднем плане взмахивает своим скипетром, отгоняя Гаруда. Основная функция этого Ваджрапани, по Грюнведелю, — приносить дождь, и, в качестве такового бога дождя он является защитником змееподобных божеств, дарующих дождь — Нага²⁴.

В очень интересной статье Фуше о Великом Чуде Будды в Шравастии²⁵ неоднократно упоминаются цари Нага — Нанда и Упананда, изображенные на основании лотосового сидения Будды. По просьбе царя Прасенджит Будда совершает два чуда: перемещаясь по воздуху на разных высотах, он поочередно испускает пламя и волны из верхней и нижней половин своего тела, а затем он проповедует Учение увеличив себя до невероятных размеров — вверх до облаков и вширь во всех направлениях. В соответствии с Дивьявадана, Будда, исполнив первое чудо, изрек мысль, немедленно воплощенную богами. Брахма и Шакра стали справа и слева от Будды, а цари Нагов Нанда и Упананда (о которых рассказывали, что они купали новорожденного Будду и участвовали во многих эпизодах его жизни) создали громадный, величественный лотос, на который воссел Учитель. Затем Будда своей магической силой создал огромное количество будд, сидящих на лотосах и стоящих, ходящих, лежащих, над своей головой, высоко в небесах, — во всех направлениях. Эта сцена отмечается Фуше на многих индийских памятниках. Часто двое царей Нагов представлены под, или по обеим сторонам лотоса, ими созданного. Они поддерживают его в коленопреклоненной позе; вид у них совершенно человеческий, но с пятью змеями над головами²⁶, либо — с человеческими верхними частями тела и чешуйчатыми змеиными хвостами.

В джатаках Наги всегда описываются, как огромные змеи; однако, иногда они появляются в позднем индийском (например — Греко-Буддийском) искусстве, как настоящие драконы, хотя верхняя

¹⁸ Hardy, I.I., p. 215.

¹⁹ L.I., p. 187.

²⁰ См. L. von Schroeder, *Indiens Literatur und Cultur* (1887), p. 377: «Im Rigveda sind dieselben (die Schlangengotter) ganz unbekannt, in Yajurveda aber finden wir bereits Anrufung und Verehrung verschiedener Schlangen».

²¹ См. С. 114, рис. 57, японская картина по китайскому образцу, изображающая нирвану Будды. Среди стелющихся созданий, окружающих тело Учителя просматриваются цари Нагов со змеями над головами.

²² См. Grunwedel, *Myth. Des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 89, Fig. 73.

²³ Grunwedel, *Myth. Des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 15.

²⁴ L.I., p. 160.

²⁵ Foucher, *Le grande miracle du Buddha a Cravasti*, Journal Asiatique, Serie X, Tome XIII, pp. 1–78.

²⁶ Рис. 19, 48 seq., рис. 3, скульптура в каменном храме в Аджанта; см. сс. 64 seq., рис. 11; сс. 74 seq., рис. 16 с двумя Нага; сс. 58 seq., рис. 8.

часть их тел — человеческая. Так мы видим их на барельефах из Гандхара²⁷, поклоняющимся сосуду для подаяний, принадлежавшему Будде, в образе больших водяных драконов, в чешуе и с крыльями, с двумя лошадиными ногами, с верхней частью человеческого тела. Наиболее примечательна картина²⁸, изображающая Гаруда, сражающихся с Нагами перед молящимся святым Субхути. Наги представлены здесь во всех своих трех обликах: обычные змеи, охраняющие драгоценные камни, человеческие существа с четырьмя змеями, выходящими из их шей, крылатые водяные драконы, с верхней человеческой частью тела, но с рогатой, быкоподобной головой, а нижняя часть тела представляет собой кольца тела змеи. Здесь мы находим связь между змеем древней Индии и четвероногим китайским драконом.

§ 2. Нага в некоторых переводах буддийских текстов

Упомянув исследования европейских ученых-буддологов, где фигурируют Наги, мы можем сопоставить их результаты с некоторыми переводами индийских текстов. Не будучи знакомы с языком санскритом, мы с благодарностью воспользовались этими переводами, чтобы проиллюстрировать буддийские легенды о драконах в Китае и Индии, ибо, как я уже заметил в Предисловии, это — единственная цель данного Введения.

Переводы Джатака профессора Коуэлла²⁹, канонического палийского текста, составленного из замечательных историй о предыдущих рожденьях Будды, рассказанных им самим, содержат несколько отрывком, демонстрирующих великую магическую силу Нагов, в особенности — их царей, великолепие их дворцов и, с другой стороны, — их беспомощность в борьбе со своими смертельными врагами, Гарудами³⁰. Наги — полубожественные змеи, очень часто принимающие человеческий облик, чьи цари живут со своими свитами в роскоши в величественных замках на дне морей, рек, или озер. Оставляя мир Нагов, они пребывают в постоянной опасности быть схваченными и убитыми гигантскими полубожественными птицами, Гарудами, которые тоже часто оборачиваются людьми³¹. Буддизм, как это обычно бывало, объявил и Нагов, и Гаруда — могущественные фигуры индуистского мира богов и демонов — послушными слугами будд, бодхисаттв и святых, преданно внимающими их проповедям³². Таким же образом Северный Буддизм адаптировал богов тех стран, куда он приходил, превращая их в защитников своей доктрины, не позволяя стать ее антагонистами.

Иногда³³ мы читаем, что Будда в своих предыдущих рожденьях удачно примирял таких заядлых врагов, как царей Нага и Гаруда. Иногда он сам рождался, как царь Нага. Так, он правил, как Царь Чампейя в своем «драгоценном павильоне» в реке Чампа³⁴, как Царь Самкхапала в озере с тем же названием³⁵, и как Царь Бхуридатта в священной реке Ямуна³⁶. Во всех этих трех случаях он желал возродиться в мире людей и ради этого оставлял свой дворец по постным дням и ложился на муравейник, соблюдая пост и подвергая свое величественное тело истязаниям. Он терпеливо переносил самые ужасные пытки, не прибегая к своим могучим силам, чтобы защититься от микроскопических насекомых, причинявших ему столько боли. В облике Самкхапала он был освобожден проходившим мимо торговцем, которого развлекал потом в своем дворце, как гостя, в течение целого года, и который позже стал аскетом. В двух других случаях он попал в руки заклинателя змей, который с помощью магических трав, которыми он в него плюнул, а также с помощью «чар, управляющих всеми видами чувств», ослабил королевскую

²⁷ Grunwedel, *Buddh. Kunst in Indien*, p. 20, fig. 9.

²⁸ Grunwedel, *Myth. Des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 189, fig. 160.

²⁹ Cowell, *The Jataka*, Cambridge, 1895—1907.

³⁰ Vol. II, p. 10, Book II, nr 154, the Uruga—Jataka; Vol. III, p. 174, Book VI, nr 386, the Kharaputta—Jataka; Vol. IV, p. 281, Book XV, nr 506, the Campeyya—Jataka; Vol. V, p. 42, Book XVI, nr 518, the Pandara—Jataka; Vol. V, p. 84, Book XVII, nr 524, the Samkhapala—Jataka; Vol. VI, p. 80, Book XXII, nr 543, the Bhuridatta—Jataka; and Vol. VI, p. 126, Book XXII, nr 545, the Vibhurapandita—Jataka.

³¹ В Японии этих птиц отожествляют с Тэнгу; см. мой очерк о Тэнгу, *Transactions of Asiatic Society of Japan*, Vol. XXXVI, Part II, pp. 25—98.

³² См. Chavannes, *Contes et apologues*, nr 343 (Vol. II, p. 288), где Гаруда не схватил Нага, вбежавшего в дом аскета на маленьком острове в море; см. Vol. III, p. 82, где архат принуждает уйти злобного царя Нагов, и Vol. I, nr 151, p. 423, где Будда обращает очень плохого Нага, которого многочисленные архаты не могли обратить.

³³ Vol. II, p. 10, nr 154.

³⁴ Vol. IV, 281, Book XV, nr 506.

³⁵ Vol. V, p. 84, Book XVII, nr 524.

³⁶ Vol. VI, pp. 80—113, Book XXII, nr 543.

змею, посадил ее в корзину и носил по деревням и городам, принуждая танцевать перед публикой. В обеих легендах бодхисаттва дает представление перед царем Бенареса, когда появляются другие Наги: Сумана, его царевна, или Судассана, его брат³⁷.

Мы обнаруживаем бодхисаттву в виде царя Гаруда в другой истории³⁸, где он демонстрирует секретный способ, с помощью которого Наги часто побеждали и убивали Гаруда, а именно — путем проглатывания больших камней, они делали себя настолько тяжелыми, что нападавшие, пытаясь их поднять, падали замертво прямо в воду, попадая в широко раскрытые пасти Нагов. Пандара, царь Нагов, был столь глуп, что поведал эту тайну одному аскету, которого навещал и он, и глубоко его почитавший Гаруда, и вот он поддался его настойчивым уговорам и выдал эту тайну племени Нагов. Предатель—аскет немедленно выдал этот секрет бодхисаттве, который теперь смог пленить самого Пандара, схватив его за хвост и подержав головой вниз, так что тот изверг все проглоченные камни и стал легкой добычей. Однако, тронутый жалобами Пандара, он освободил его, и они стали друзьями, после чего отправились к вероломному аскету. Царь Нагов сделал так, что голова этого человека раскололась на семь частей, и он переродился в аду Авичи.

В Харапутта—джатака³⁹ мы читаем о царе Нагов, который был почти убит мальчишками, когда искал на земле пищу, однако был спасен от их рук Сенака, царем Бенареса. Мы не знаем, отчего столь могущественный Нага оказался бессилён против детей; во всяком случае, дело было не в посте, как в вышеуказанных легендах о бодхисаттве. Он вернулся в мир Нагов и принес оттуда много драгоценных камней в подарок царю, одновременно поручив одной из бесчисленных дувешек Наги постоянно находиться рядом с царем и охранять его. Он дал ему также магическую формулу, с помощью которой тот мог всегда найти эту девушку, если ее не было рядом, а позже — еще одну, раскрывавшую тайны всех звуков, так что он стал понимать даже голоса муравьев⁴⁰. Так, мы находим царя Нагов обладающим не только бесчисленными сокровищами и прекрасными девушками, но также — магическими чарами, дающими сверхъестественное видение и слух. Дворцы царей Нага всегда описываются, как чрезвычайно великолепные, где в избытке золота, серебра и драгоценных камней, а женщины Наги, когда появлялись в человеческом облике, были прекрасны и выше всяких похвал. Однако, вся эта раса являлась чрезвычайно вспыльчивой, что, учитывая их смертельный яд и великую магическую силу, делало их весьма опасными существами⁴¹. Даже дыхания из их ноздрей было достаточно, чтобы убить человека, как мы читаем в вышеупомянутой Харапутта—джатака, где царь Нагов, рассердившись оттого, что девушка, которую он послал охранять царя Сенака, вернулась в мир Нагов, лживо жалуясь на то, что царь ударил ее, когда она отказалась выполнить его приказание, немедленно послал двух юношей—Нагов уничтожить Сенака в его спальне дыханием их ноздрей.

Мы часто встречаем рассказы о том, как люди останавливались во дворцах царей Нагов в качестве гостей, наслаждаясь роскошью иногда до семи дней⁴², а иногда — целый год⁴³. Самая интересная из всех легенд о Нагах — Бхуридатта—джатака⁴⁴. Там мы читаем о «мире Нагов под океаном» и о дворце Нагов «под священным потоком Ямуна»; одновременно, девушки Наги, испуганные заклятьем Аламбаяна, проклятьем на змей, посланным царем Гаруда, «скрылись на землю, и драгоценный камень удачи, исполняющий все желания», упав на землю, «прошел сквозь нее и потерялся в мире Нагов». Итак, мы видим, что все, принадлежащее миру, может исчезнуть в земле, необязательно входя в воду, так как и то, и другое представляет собой область Нагов⁴⁵. «Драгоценный камень, исполняющий все желания», который охранялся девушками Наги и забытый ими, когда они испугались проклятия Гаруда, есть не

³⁷ Подобную легенду мы находим у Chavannes, *Contes et apologues extraits du Tripitaka chinois*, Vol. I, pp. 189 sqq, p. 50.

³⁸ Vol. V, pp. 42 seqq., Book XVI, nr 518.

³⁹ Vol. III, p. 174, Book VI, nr 386.

⁴⁰ В nr 112 Chavannes' *Contes et Apologues* (Vol. II, p. 382) царь Нага дарует царю людей способность понимать всех животных.

⁴¹ Vol. VI, p. 82, Book XXII, nr 543.

⁴² Vol. IV, p. 281, Book XV, nr 506.

⁴³ Vol. V, p. 84, Book XVII, nr 524. В nrs 94 и 207 Chavannes' *Contes et Apologues* (Vol. I, p. 358, Vol. II, p. 87) архат ежедневно летал со своей постелью во дворец царя Нагов, где получал пищу.

⁴⁴ Vol. VI, pp. 80–113, Book XXII, nr. 543.

⁴⁵ См. Hardy, *Manual of Buddhism*, p. 163, где царь Бимбисара, услышав о появлении чудесного существа (бодхисаттвы), приказал своим придворным наблюдать за ним, когда тот покинет город. «Если это — демон, то он исчезнет; если Дэва — вознесется вверх; если Нага — опустится под землю».

что иное, как «Нё-и ходзю», 如意宝珠 упоминающаяся в китайских и японских легендах. В той же истории говорится, что дети людей и Наги (женщин Нага) — «водяной природы» и не могут выносить солнечного света и ветра, но прекрасно себя чувствуют, играя в воде.

Таково изложение в Джатаках по изданию Коуэлла. Странный факт, но ни в одной из них мы не находим упоминания об особенностях Нагов, как божеств облаков и дождя, — собственно, именно по этой причине китайцы идентифицировали их со своим драконом. В легендах, переведенных из китайской Трипитаки Шаванном⁴⁶, однако, столь большое ударение делается на способности Нагов насылать дождь, что для нас нет причин сомневаться в ее присутствии у этих существ в Северном Буддизме.

Из «Лалита вистара»⁴⁷ мы узнаем, что на пятую неделю после достижения совершенной просветленности Будда пришел к озеру Мучилинда, и царь Нага с таким же именем, живший там, вышел из воды и своими кольцами и капюшоном семь дней закрывал Учителя от дождя, после чего принял облик юноши и поклонился Великому Существу. В «Махавагга»⁴⁸ название озера и имя царя Нага — Мучалинда, а также говорится, что «дабы защитить Повелителя от холода и влаги, он семь раз обернул его своими кольцами и распростер над ним свой капюшон». По Харди⁴⁹, «на шестую неделю он пошел к озеру Мучалинда, где остановился под деревом *миделла*. В то время начался дождь и продолжался семь дней без остановки по всем семи континентам. Нага Мучалинда, поднявшись на поверхность озера, увидел тьму от бури; ради того, чтобы укрыть Будду от дождя и ветра, защитить его от мух, комаров и прочих насекомых, он распростер над ним свой большой капюшон, который послужил балдахинном».

Чрезвычайно интересно сравнить с этими отрывками версию той же легенды, обнаруживаемой в китайской Трипитаке⁵⁰. Там сказано, что он пошел к реке (а не к озеру) Мучилинда немедленно после обретения просветленности. Пока он сидел под деревом, яркий свет, от него исходивший, проник во дворец Нагов, точно так же, как на протяжении этой калпы проникал свет от трех его предшественников, сидевших на том же месте. Нага, обрадованный возможностью увидеть свет нового Будды, поднялся на поверхность воды и, окружив Повелителя семью кольцами, покрыл его семью головами (не капюшоном). «Обрадованный Нага на протяжении семи дней вызывал ветер и дождь»⁵¹. Все это время Повелитель сидел неподвижно, защищаемый королевской змеей, первой из всех обращенных животных. Эта легенда обнаруживается в *Лю-ду цзи цзин*⁵², № 143 из Каталога Нандзё, переведенной Шэн-хуэем 僧曾, умершим в 280 г.⁵³

Та же работа содержит много Джатака, в которой часто упоминаются Наги, иногда вместе с Шакрой, Брахмой и четырьмя *дэвараджа*, а также божествами земли⁵⁴. В один из дней, когда Бодхисаттва и Ананда были Нагами для того, чтобы искупить свои прошлые злые деяния, «объясняя свой могущественный дух, они сотрясли небо и землю; они нагнали облака и вызвали дождь»⁵⁵. А, когда Девадатта был ужасным Нага, «он проявлял всю свою силу; сверкали молнии и грохотал гром»⁵⁶.

⁴⁶ Chavannes, *Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois* (1910).

⁴⁷ Ch. XXII; Шаванн также отсылает к *Йога-сумпе*, Разд. III, 18, 19 и 49; см. Kern, *Manual of Indian Buddhism*, pp. 21 seqq.; Oldenberg, *Buddha*, p. 136. (Hardy, *Manual of Buddhism*, p. 182; Grunwedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 110, Fig. 87 and 88).

⁴⁸ I, 3, цитируется у: Kern, *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, Annales du Musee Guimet X et XII, Vol. I, p. 86 (78).

⁴⁹ *Manual of Buddhism*, p. 182.

⁵⁰ Chavannes, 1.1., Vol. I, Ch., VI, p. 275 sqq., nr 76; Tokyo ed. of the Tripitaka (1880–1885), VI, 5, pp. 82 sq.; great Jap. Ed., in Leiden and in the India Office, Ch. VI, pp. 15 sqq.

⁵¹ 龍喜作風雨七日七夕 Шаванн переводит: «Pour s'amuser, le naga dechaina le vent et la pluie». Я бы предпочел: «Нага, обрадованный, вызвал ветер и дождь». Он обрадовался, так как мог защитить Повелителя от ветра и дождя, им же вызванных. Он не собирался развлекать себя. Однако, основной момент здесь в том, что по этой версии Нага вызывает ветер и дождь самостоятельно, тогда как в других версиях просто констатируется наличие ветра и дождя.

⁵² 六度集經. «Собрание сутр шести Парамита». Сперва Шаванн считал, что эти сутры собраны самим Шэн-хуэем (Vol. I, p. 1, note 1), однако позже склонился к мнению, что это — перевод некоего санскритского текста (Introd., p. III).

⁵³ № 680 Каталога Нандзё, частично переведенный Beal'ом под названием «Romantic legend of Sakya Buddha», не включает этой легенды.

⁵⁴ См. Chavannes, 1.1., Vol. I, Chap. V, pp. 160 sq., nrs 43 and 44; Trip. VI, 5, p. 69; great Jap. Ed. Of Leiden, nr 143, Ch. V, pp. 5a, 6a.

⁵⁵ 奮其威神、震天動地、興雲降雨. Great Jap. Ed. Of Leiden, nr 143, Ch. V, p. 19b; Chavannes, Vol. I, Ch. V, p. 181, nr 48; Trip. VI, 5, p. 71.

⁵⁶ 龍即奮勢、霆驟雷震. Great Jap. Ed. Of Leiden, nr 143, Ch. VI, p. 27a; Chavannes, Vol. I, Ch. VI, p. 254, nr 70; Trip. VI, 5, p. 78.

Цзю цза ти–юй цзин, 舊雜譬喻經 «Старая (версия) Самьюктавадана сутры» (смешанные метафоры), переведенная в III в. тем же Шэн–хуэем (Каталог Нандзё, № 1359), в некоторых восхвалениях упоминает Нагов, как приносящих дождь. Такое существо при помощи дождя сделало земляную насыпь, вдоль которой *шраманера* носил рис своему учителю, такой скользкой, что тот периодически падал и вываливал рис в грязь. Учитель призвал Нага, который в виде старика простерся перед Архатом и пригласил его обедать в его дворце все дни жизни. Архат принял приглашение и ежедневно вместе со своей постелью летал во дворец Нага, входя в состояние созерцания. Но его ученик, сгорая от желания узнать, где учитель берет такой прекрасный рис, крошки которого он обнаружил прилипшими ко дну его чашки, спрятался однажды под кроватью и, схватившись за ее ножку, прибыл с Архатом во дворец Нага. Тот, вместе с женой и толпой прекрасных женщин, почтительно приветствовал *шрамана* и *шраманера*, однако учитель предостерег последнего, чтобы тот не забывал, что он, как *шраманера*, являлся значительно более высшим существом, нежели Наги, несмотря на их богатства и прекрасных женщин. «Наги, – сказал он, – вынуждены претерпевать три вида страданий: их тонкая еда превращается в их ртах в жаб; их прекрасные женщины, так же, как и они сами, обращаются змеями, как только их пытаются обнять; чешуйки на их спинах лежат в противоположном направлении, так что, когда между ними попадает песок, или мелкие камешки, они ощущают боль, пронзающую сердце. Потому не завидуй им». Ученик, однако, ничего ему не отвечал. Он заболел, умер, и возродился сыном Нага, еще более ужасным, чем его отец, но после смерти вновь стал человеком⁵⁷.

В другом месте ученики Будды сравниваются с великим Нагом, который любил приносить на землю дождь, однако, опасаясь, что земля не сможет выдержать веса воды, решил пролить его на море⁵⁸.

В *Ца ти–юй цзин*⁵⁹, работе из Корейской Трипитаки, которую мы не находим в Каталоге Нандзё (поскольку № 1368 с тем же названием представляет собой совершенно иное произведение), мы обнаруживаем следующие истории о Нагах. Наги вознеслись на небеса и вызвали обильные дожди: для Дэвов они принесли семь драгоценностей, для человечества — воду, дарующую плодородие, а для голодных демонов — великий огонь, сжигавший их тела полностью⁶⁰.

Другой Нага, способный единой каплей воды вызвать дождь в одном, двух, или трех царствах и чуть ли не во всей Джамбудвипа, поместил ее в высоких небесах, чтобы та не высохла⁶¹.

Изгонитель Нага пошел со своим кувшином, полным воды, к пруду, где жили эти существа, и своими магическими формулами окружил его огнем. Поскольку вода в кувшине оказалась единственным возможным прибежищем для змея, тот стал очень маленьким и забрался в кувшин⁶².

Здесь мы видим Нагов не только, как божеств дождя, но также существами, полностью зависящими от присутствия воды и весьма боящимися огня, точно так же, как драконы во многих китайских и японских легендах.

Что касается драгоценных жемчужин, которыми Наги располагают, как божества вод, то можно упомянуть историю из *Мо хо сэн чжи лю*⁶³, или «Учения Махасамгхика» (Нандзё, № 1119), переведенной в 416 г. Буддхабхадрой и Фа–сянем⁶⁴. Там мы читаем о Нага, носившем ожерелье из жемчужин, которое любил так, что предпочел его своей дружбе с отшельником. Последний, ежедневно страдавший от колец Нага, обвившихся вокруг его тела, смог избавиться от них, лишь попросив отдать драгоценное ожерелье⁶⁵. Жемчужины, также, были у горла китайских драконов.

Авадана—чатака, сто легенд, переведенных с санскрита Леоном Феером⁶⁶, содержат несколько отрывков, в которых говорится о Нагах. Самый важный находится в 91–й легенде, где Супарни, царь

⁵⁷ Chavannes, I.1., Vol. I, nr 94, pp. 358 sqq. (Trip. XIX, 7, p. 19; grest Jap. Ed. Of Leiden, nr 1359, Ch. I, pp. 6 sq). См. Подобную же легенду в: Vol. II, nr 207; p. 87 (Trip. XIX, 7, p. 10).

⁵⁸ L.1., Vol. I, ne 138, p. 410 (Trip. XIX, 7, p. 24).

⁵⁹ 雜譬喻經, см. Chavannes, I.1., Vol. II, p. 1, note 1. И эта работа, и *Чжун цзин чэн цзю ти–юй цзин*, 衆經撰雜譬喻經, (Нандзё, № 1366) считаются составленными *бхикшу* Дао Лю, 道畧, однако, являются, вероятно, двумя разными изданиями его работы; похоже, Кумараджива перевел работу Дао Лю в 401 г.

⁶⁰ Chavannes, I.1., Vol. II, nr 167, p. 23 (Trip. XIX, 7, p. 3).

⁶¹ L.1., Vol. II, nr 193, p. 63 (Trip. XIX, 7, p. 8).

⁶² L.1., Vol. II, nr 179, p. 42 (Trip. XIX, 7, p. 5).

⁶³ 摩訶僧祇律, Махасамгхика виная.

⁶⁴ Nanjo, Catal., App. II, nrs 42 and 45.

⁶⁵ Chavannes, I.1., Vol. II, nr 355, p. 319 (Trip. XV, 8, p. 44).

⁶⁶ Leon Feer, *Annales du Musee Guimet*, Tome XVIII (1891).

птиц, выхватывает из моря маленького Нага и пожирает его, после чего он возрождается, как Субхути и, следуя учению Будды, достигает уровня Архата. Он вспоминает о своих пятистах жизнях среди Нагов по причине длинной череды недобрых мыслей в предыдущих перерождениях. Теперь же он использует свои сверхъестественные силы, чтобы обратить и Нагов, и Гаруда, защищая первых от пятисот Гаруда, а последних — от гигантского Нага, которого сам же и вызвал к существованию. Этим способом он учит их закону любви, и они следуют его поучениям.

В другой легенде⁶⁷ говорится, что брахман возродился как Нага из-за того, что прервал свой пост; семь раз в день на него проливался дождь из горящего песка, откуда он не смог выдержать особый пост. Затем, умерев от воздержания от пищи, он переродился на небе Траястримчат.

В третьем отрывке⁶⁸ Вирупакша, один из четырех стражников мира, правящий на западной стороне горы Меру, описывается окруженным Нагами (его подданными, живущими на Западе).

Наконец, Наги упоминаются среди божественных существ, пришедших поклониться Будде: Шакра, царь богов, Вишвакарма и четыре великих царя, окруженных Дэвами, Нагами, Якша, Гандхарвами и Кумбхандами⁶⁹; в другом месте они перечисляются следующим образом: Дэва, Нага, Якша, Асура, Гаруда, Киннара и Махораджа⁷⁰.

В работе Ашвагхоша *Сутраламкара*⁷¹, переведенной Эдуардом Юбером на французский язык с китайской версии в переводе Кумарадживы, часто упоминаются Наги. «Когда великий Нага вызвал дождь, лишь океан был в состоянии его принять; так же, (лишь) Самгха способно воспринять великий дождь Закона»⁷². Когда торговец по имени Котикарна посетил город Претов, эти голодные демоны поднесли жалобу, в которой содержался следующий стих: «Когда на горах и в долинах Небесные Драконы (Наги) осаждают сладкую росу, она превращается в булькающий огонь и струится по нашим телам»⁷³. «Элапатра, Нагараджа, нарушив заповеди, потревожив листья дерева, после смерти оказался среди Нагов, и никто из будд не мог предсказать — когда он сможет покинуть их»⁷⁴.

«Слезы тех, (кто, услышав Закон о двенадцати Нидана, тронуты и плачут от сострадания), могут полностью уничтожить Нага Васуки, выдыхающего сильнодействующий яд»⁷⁵.

«Ракшаса и Пишаса, злые Наги и даже грабители не смеют отрицать слова Будды»⁷⁶.

Злые Наги охраняли большое дерево, стоявшее посреди широкого пруда, убивая всякого, кто осмеливался срывать с него ветку, или листок. Когда пришли *бхикшу*, чтобы срубить дерево для постройки ступы, люди и брахман предостерегали их, чтобы они не делали этого, поскольку существовала вышележащая опасность, но *бхикшу* ответили: «Что касается ядовитых Нагов, то ты, брахман, прославляй себя их посредством. Мы же полагаемся на Нагов всех людей (Будду), веруем в него, прославляя себя его посредством... Среди всех ядовитых Нагов, этому царю Нагов ты должен поклоняться с упорядоченными мыслями. Будда сладок и спокоен, он — царь всех существ, его мы почитаем, Совершенного, Бхагавата. Кто сможет подчинить ядовитого Нага, если не ученики Будды?» Затем они срубили дерево и, к удивлению брахмана, не возникло ни облаков, ни грома, ни волшебных признаков гнева Нагов, как это случалось ранее, когда человеческая рука касалась хотя бы листка с этого дерева⁷⁷. Брахман, высказал свое изумление и озлобленность, поскольку подумал, что они воспользовались магическими заклинаниями, лег спать, и во сне Наги обратились к нему с такими словами: «Не гневайся; сделанное ими имело целью поклонение мне. Они ни поносили, ни ранили меня, ибо мое тело теперь поддерживает ступу; более того, дерево стало брусом в этой ступе, и я могу ее охранять; ступа Дашабала, Восторженного, мог ли я когда-либо сподобиться охранять ее, (если бы не этот случай)?... Была и еще

⁶⁷ Nr 59, pp. 227 sqq.

⁶⁸ Nr 19, p. 83.

⁶⁹ Nr 12, pp. 57 sq.

⁷⁰ Nr 17, p. 77.

⁷¹ Кумараджива перевел это собрание легенд около 410 г.; оригинальный санскритский текст утерян, за исключением нескольких фрагментов, которые, по Юберу, показывают, что Кумараджива не всегда понимал текст. Перевод Юбера основывается на токийском издании Трипитаки (XIX, 4). Он соответствует № 1182 в Каталоге Нандзё, озаглавленному 大莊嚴經論, буквально: *Махаламкара сутра шастра*.

⁷² Ch. I, nr 3, p. 30; great Jap. Tripitaka of Leiden, nr 1182, Ch. I, p. 19: 譬如大龍雨、唯海能堪受、衆僧亦如是、能受大法雨。

⁷³ Ch. IV, nr 10, p. 100; great Jap. Trip. Of Leiden, nr 1182, Ch. IV, p. 3a.

⁷⁴ Ch. II, nr 11, p. 64; great Jap. Trip. Of Leiden, nr 1182, Ch. III, p. 2a.

⁷⁵ Ch. VIII, nr 45, p. 215; great Jap. Trip. Of Leiden, Ch. VIII, p. 2a.

⁷⁶ Ch. IX, nr 52, p. 255; great Jap. Trip. Of Leiden, Ch. IX, p. 6a.

⁷⁷ Ch. XV, nr 80, p. 447; great Jap. Trip. Of Leiden, nr 1182, Ch. XV, p. 21a.

одна причина, по которой у меня не было достаточно сил, (чтобы сопротивляться Будде). Я собираюсь открыть тебе эту причину, слушай внимательно: Такшака, царь Нагов, лично пришел сюда и сделал дерево своим; мог ли я защитить его? Элапатра, царь Нагов, сам пришел на это место с Вайшрамана: хватило ли бы моей силы, чтобы противостоять этим Дэвам и Нагам, полным величия?» Пробудившись, брахман стал монахом.

Эта примечательная история показывает нам Нага, как существо, населявшее пруд, однако, являвшееся, в то же время, демоном дерева, – в этой функции мы часто обнаруживаем змеев в китайских и японских легендах, но никогда — в индийских легендах о Нага. Как божество дождя и грома он, как считается, способен в гневе нагонять облака и греметь с небес. Такшака и Элапатра упоминаются здесь, как могущественнейшие из царей Нагов, а Вайшрамана, охранитель Севера, царь Якшас, вероятно спутан с Вирупакша, охранителем Запада, царем Нагов. Вся легенда — типический образчик того, как буддизм подчинял себе прочие культы.

Узнав о характере Нагов из этих буддийских писаний, посредством которых они стали известны в Китае и Японии, мы можем сделать шаг в ином направлении, обратившись к Катхасаритсагара, или «Океану потоков сказаний». Эта «самая большая и наиинтереснейшая коллекция» историй была составлена кашмирским придворным поэтом Сомадэва, «одним из наиболее выдающихся индийских поэтов»⁷⁸, в XI в. нашей эры, однако исходное собрание, его источник, озаглавленный *Брихаткатха*, гораздо старше и, по проф. Шпейеру, «должно быть, было составлено в тот период индийской истории, когда буддизм распространял свое влияние на индуистское сознание бок о бок с шиваизмом, а также многочисленными вариациями сектанских и местных верований, ритуалов и теософий. Основная легенда и большое количество прочих эпизодов — шиваистские истории, что можно было предполагать хотя бы потому, что первым рассказчиком являлся не кто иной, как сам Верховный Бог Шива». Рядом с легендами буддийского в этой работе обнаруживаются небольшие подборки историй даже чисто мифологического толка ведической эпохи. Среди большого количества интересных легенд в *Катхасаритсагара*, переведенной Тауни (1880–1884), есть несколько, в которых Наги играют более, или менее значимую роль.

Первое, что бросается в глаза — это полное отсутствие отрывков, посвященных их способности вызывать дождь. Соединив это с подобными же наблюдениями, сделанными выше относительно Джатака в издании Коуэлла, мы склоняемся к тому мнению, что эта часть характера Нагов была разработана северными буддистами. Исходные концепции этих полубожественных змеев, живущих в воде, или под землей, придавали им силы нагонять облака и вызывать гром, а также самим проявляться в виде облаков, но — не вызывать дождь. Разумеется, очень просто сделать заключение, что божества облаков производят дождь, однако, как кажется, эта идея, превратившая их в благодетелей человечества, впервые зародилась в умах приверженцев школы Махаяна. По исходным же представлениям, напротив, они давали выход своему гневу лишь в пугании людей густыми облаками, громом и землетрясениями. В этом отношении весьма интересна следующая история, которую мы находим в *Катхасаритсагара*⁷⁹.

В лесу Виндхья в северной области стояло одинокое дерево *ашока*, а под ним в озере располагался величественный дворец могучего царя Нагов по имени Параватакша, владевшего бесценным мечом времен сражений богов и Асуров. С целью завладеть этим мечом один аскет с помощью принца и его слуг бросил в воду заговоренное горчичное зернышко, очистив его, таким образом, от покрывавшей пыли, и принялся делать приношения с помощью чар подчиняющихся змеев. И, силой своих заговоров, он победил такие препятствия, как землетрясения, облака и т.п. Затем из дерева *ашока* вышла небесная нимфа, бормоча заговоры и позванивая своими драгоценными украшениями и, подойдя к аскету, она пронзила его долгим взглядом любви. И вот, аскет потерял контроль над собой и забыл свои заговоры; прекрасная же, обняв его, вырвала из его рук сосуд подчинения. После этого змей Параватакша получил свою возможность и вышел из того дворца, подобно густому облаку в день гнева. Затем небесная нимфа исчезла, а аскет, обнаруживший, что обнимает ужасную змею с горящими глазами и страшно ревущую⁸⁰, умер от разрыва сердца. Уничтожив его, змей лег рядом с жуткими останками и проклял Мри-

⁷⁸ См. Speyer, *Studies about the Kathasaritsagara*, Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel VIII, no. 5 (1908); p. 2.

⁷⁹ Ch. LXX, Vol. II, p. 149 sq.

⁸⁰ Так, вероятно, обозначили гром и молнию.

ганкадатта (принца) и его слуг за помощь аскету следующими словами: «Поскольку вы совершили то, что было совершенно не необходимо, прийдя сюда с этим человеком, на некоторое время вы будете разлучены». Затем змей исчез, а у всех их одновременно глаза застила тьма, и они также лишились возможности слышать звуки. И они немедленно пошли в различных направлениях, разделенные силой проклятья, хотя искали друг друга и выкликали имена близких.

Наги, портящие посевы, упоминаются в другом отрывке, где Сваямпрабха, царица Асуров, живущих в земле Патала, «заручается обещанием (царя Мерудхваджа), что Наги не будут портить посевы»⁸¹. Семь Патала — подземный мир, «дом змеиной расы под покровом земли», а также — Асуров, «давным давно избежавших уничтожения в великой схватке между богами и Асуров», бежавших в Патала и поселившихся там. Что касается Нагов, проживающих в земле Патала, то мы можем прибегнуть к следующим отрывкам из *Катхасаритсагара*. «На самом дальнем берегу он установил победный столб и выглядел, как царь змей, поднявшийся из подземного мира и молящий о безопасности в Патала». «Ты не забыл, как он пошел в Патала и там женился на дочери Нагов, чье имя было Сурупа?» Когда Кадру и Вината, две жены Кашьяпа, спорили о цвете лошадей солнца, они договорились, что та, кто окажется неправой, станет рабой второй. Кадру, мать змей, склонила своих сыновей, чтобы те загрязнили лошадей солнца, плюнув в них ядом; таким образом, они стали выглядеть черными, а не белыми, и Вината, мать Гаруда, царя птиц, была побеждена этой уловкой и стала рабой Кадру. Когда Гаруда пришел, чтобы освободить ее, змеи потребовали взамен нектар из молочного мира, который боги начали сбивать, и Гаруда пошел к молочному морю и проявил свою великую силу, дабы добыть нектар. «Тогда бог Вишну, довольный его мощью, сообразовал сказать ему: "Я доволен тобой, выбери себе дар". Гаруда же, рассерженный тем, что его мать превратили в рабыню, просил Вишну о следующем даре — "Да будут змеи моей пищей". Вишну согласился, и Гаруда, получив нектар, пообещал Индре сделать так, что змеи не смогут его потребить. Он поставил нектар на постель из травы *куша* и пригласил змей отведать его после того, как они отпустят его мать. Те так и поступили, и Гаруда ушел с Вината, однако, когда змеи собирались попробовать нектар, сверху обрушился Индра и унес сосуд. Тогда змеи в отчаянии стали лизать ту кровать травы *дарбха*, надеясь, что на ней остались капли нектара, однако в результате их языки раздвоились, и так и остались навсегда. Излишняя алчность ни к чему хорошему не приводит. Змеи не получили нектара бессмертия, а их враг Гаруда, силой дара Вишну, стал налетать сверху и поедать их. И так повторялось снова и снова. И, покуда он так нападал на них, змеи в Патала были полумертвыми от страха, у женщин случались выкидыши, и вся змеиная раса стала на грань исчезновения. И Васуки, царь змей, видя его там ежедневно, счел, что змеиный мир разрушен единым ударом; затем, после размышления, он предпочел обратиться к Гаруде с непревзойденной мощью с призывом и заключить с ним следующее соглашение — "Я буду ежедневно посылать тебе одну змею на съедение, о, царь птиц, на гору, поднимающуюся из песка морского дна. Однако ты не должен поступать столь глупо, чтобы входить в Патала, ибо, уничтожив змеиный мир, ты сам расстроишь все свои планы". Когда Васуки сказал ему это, Гаруда согласился и стал ежедневно поедать в том месте присланную ему змею, и этим неисчислимое количество змей нашли там свою смерть». Так рассказала змея, чья очередь была отправится на съедение к Гаруде, Джимутавахана, «сострадательной инкарнации бодхисаттвы», сыну Джимутакету, царя Видьядхара на горе Химават. И Джимутавахана, «эта сокровищница сострадания», счел, что он получил возможность предложить себя и этим спасти жизнь змеи. Он взошел на камень жертвоприношения и был унесен прочь Гарудой, который начал пожирать его на вершине горы. В тот момент с небес пролился дождь цветов, и Гаруда перестал есть, однако сам Джимутавахана попросил его продолжать. Тут подрос змей, вместо которого он предложил себя, и закричал издали: «Остановись, остановись, Гаруда, он — не змея; я — тот, кто предназначен для тебя!» Гаруда пришел в большое отчаяние и был готов даже броситься в огонь, чтобы очиститься от такой вины, однако он последовал совету Джимутавахана никогда более не есть змей и возродить тех, кого он уже пожрал. Богиня Гаури, пролив нектар на Джимутавахана, сделала его вновь целым и здоровым, а Гаруда принес с небес нектар бессмертия и побрызгал им по всему берегу моря. «От этого все змеи, (чьи кости лежали там), возродились целыми, а тот лес, кишевший различными змеиными племенами, стал походить на Патала, и все

⁸¹ Ch. CXIX, Vol. p. 551.

они пришли поклониться Джимутавахана, поскольку у них уже не было прошлого ужаса перед Гарудой»⁸².

Земля Патала, семь подземных миров, один из которых назывался Расатала⁸³ (иногда ассоциировавшийся с Патала)⁸⁴, была населена Нагами, Асурами, Даитья и Данава (два класса демонов, противостоявших богам и идентифицировавшимся с Асурами). Существовали храмы богов (Шива⁸⁵, Дурга⁸⁶, Бог Огня)⁸⁷, которым поклонялись демоны. Что касается входов, то они описаны, как горные пещеры⁸⁸, или «проходы в воде»⁸⁹, или чудесные флаштоки, поднимавшиеся из моря с прикрепленными к ним знаменами, который указывали дальнейший путь⁹⁰. Иногда царям людей позволялось посетить эту чудесную страну. Например, Чандрапрабха, сделав приношение Шиве и Рудре, затем, вместе со своей царевной, министрами и Сиддхартхой во главе вошли в проход в воде, указанный Майя, и, пройдя долгий путь, прибыли туда⁹¹. А царь Чандасинха вместе с Саттвашила бросились в море и, следуя за тонущим флаштоком, достигли прекрасного города⁹². Также, царь Яшахкету, нырнув в море, внезапно увидел величественный город с дворцами из драгоценный камней, садами, резервуарами для воды, деревьями мечты, исполнявшими любое желание, и прекрасными девушками⁹³. Это совпадает с описаниями дворцов Нага, которые мы находим в Джатака.

Дворец Васуки, царя змей, упоминается в той же работе⁹⁴. В его честь была устроена процессия, его славили собравшиеся толпы. Его каменное изображение поставили в храме, наполненном длинными гирляндами цветов, похожими на змей, и «напоминавшем пучину Патала». К югу лежало большое озеро, священное для Васуки, «заросшее белыми лотосами, напоминавшими собранные воедино искорки света от сверкания драгоценностей на змеиной груди; по краям росли синие лотосы, казавшиеся облаками дыма из огня змеиного яда; в воду свисали ветви деревьев, которые виделись поклоняющимися со своими цветами, пригнутыми ветром книзу».

В других отрывках говорится о том, как Нага принимали человеческий облик⁹⁵: либо с целью ускользнуть от Гаруды (который в этой работе всегда описывается, как одно существо), либо — чтобы обнять Наги. В первом случае Гаруда сам преследует Нага в человеческом облике, а во втором змея-бог, узнав, что жена изменила ему, пока он спал, «изверг пламя изо рта и превратил их обоих (жену и ее любовника) в пепел».

§ 3. Нага, насылающий дождь.

Выше мы видели, что способность Нага сгущать облака и вызывать гром в состоянии гнева была очень умно трансформирована школой Махаяна в чрезвычайно благотворную силу, посредством которой страждущей земле приносился дождь. Этим ужасные змеи под влиянием буддийского Закона стали благодетелями человечества. Ясно, что в таком виде они были с готовностью идентифицированы с китайскими драконами, также являвшимися благодетельными божествами воды, приносящими дождь.

Махаянисты подразделяли Нагов на следующие четыре класса:

1. Небесные Наги (天龍), охранявшие Небесный Дворец и поддерживавшие его, чтобы он не упал.

⁸² Ch. XXII, Vol. I, p. 182 sqq; cf. Ch. CX, Vol. II, p. 312 sqq.

⁸³ Vol. I, p. 417; II, 544.

⁸⁴ II, 185, note 4.

⁸⁵ II, 198, в форме Хатакешвара. Мы читаем на стр. 109 *Санг хянг Камахаяникан*, интересного текста на старояванском языке, переведенном J.Kats, что Ишвара, Брахма и Вишну по приказу Вайрочаны наполнили небеса богами, землю — людьми, а подземный мир (Патала) — Нагами.

⁸⁶ II, 267.

⁸⁷ II, 547.

⁸⁸ I, 446. «На этой земле есть много отверстий, ведущих в нижние пределы», II, 197.

⁸⁹ I, 417.

⁹⁰ II, 269.

⁹¹ I, 417.

⁹² II, 269.

⁹³ II, 289, cf. II, 544; в подземном мире также существовал Ганг; II, 198.

⁹⁴ Ch. LXXIV, Vol. II, p. 225. Васуки также упоминается в Vol. I, p. 32, где Киртисена, сын его брата, женится на Чрутартха, дочери брахмана. Его дочь Ратнапрабха упоминается в Vol. I, p. 544. Он проклял царя Нагов, который бежал с поля боя, Vol. II, p. 171. Змей Васуки послужил веревкой, которой обвязали гору Мандара, когда взбивали море и производили Шри, или Лакшми, Vol. II, p.568, note 1.

⁹⁵ Ch. LXI, Vol. II, p. 54; Ch. LXIV, Vol. II, p. 98.

2. Божественные Наги (神龍), благодетели человечества, побуждавшие облака к стугению а дождь к выпаданию.

3. Земные Наги (地龍), высушивавшие реки (убиравшие преграды) и открывавшие шлюзы (стоки).

4. Спрятавшиеся Наги (伏藏龍), охраняющие сокровища «Царей Колеса» (輪王, Чакраварти-раджа) и благословляющие человечество⁹⁶.

В *Тайхэйки*⁹⁷, японской работе, излагается индийская легенда, в которой царь Дракон (Нага) вызывал дождь. *Сянь* (китайский эквивалент аскета-чародея) был этим раздражен, поймал всех больших и малых драконов и запер их в скале. Из-за их отсутствия долгое время не выпадало ни капли дождя, и посеы были поражены сильнейшей засухой. Затем царь из сострадания к своему народу, спросил советников о том, как можно сломить силы аскета и выпустить драконов. В ответ он услышал, что того может соблазнить прекрасная женщина и этим уничтожить его магические способности. Тогда царь отправил самую красивую женщину из своего гарема к отшельнической хижине; тот немедленно влюбился в нее, потерял все свои сверхъестественные силы, стал обычным человеком и умер. Драконы, которых теперь никто не удерживал, улетели обратно в небо, вызвали ветер и, как следствие, – дождь.

В отрывке из «Буддийского космоса» Цзинь-чао⁹⁸, где говорится о царях Нагах, переведенном Билом в его «Ряде буддийских писаний в переводе с китайского», упоминаются четыре сутры, одна из которых, *Махамегха-сутра*, будет рассмотрена ниже, в § 4. Что же касается Сутры Лао-Дань (?), название которой Бил не объясняет, так что мы не знаем ни его написания китайскими иероглифами, ни санскритского эквивалента, то в ней, по словам переводчика, содержится следующий отрывок: «К северу от горы Сумеру, под водами Великого Моря, стоит замок Сагара Нагараджа, 8000 *йоджана* в длину и ширину; он окружен драгоценными стенами, прекрасной оградой, садом и парками, украшенными всеми видами декораций». Этот Сагара, один из восьми Великих Царей Нага, упоминавшихся выше, очевидно, занимал высший ранг среди морских Нага, вызывающих дождь, которым поклонялись северные буддисты.

Из *Саддхарма смритьюпаствхана сутры*⁹⁹, которую Бил, не называя ее китайского заголовка, неверно называет *Саддхарма Пракаша сасана сутрой*, но которую я обнаружил в Каталоге Нандзё под номером 679, Бил приводит следующий отрывок: «Глубоко на дне Великого Моря, в 1000 *йоджана*, есть город под названием Хи-ло, длина и ширина которого — 3000 *йоджана*; его населяют Нагараджа. Существуют два вида Нагараджа: 1. те, кто практикует Закон Будды и 2. те, кто не делает этого. Первые защищают мир, вторые противостоят ему. Там, где живут добрые Наги, никогда не идет дождь из раскаленного песка, однако злые Наги подвержены этой напасти, и их дворцы и последователи сгорают. Там, где люди подчиняются Закону, почитают родителей, поддерживают и кормят *шрамана*, добрые Наги обретают еще больше сил и становятся способными вызывать небольшие плодородные дожди, от которых пять злаков совершенствуются цветом, запахом и вкусом... Если же, напротив, люди не слушают Закона, непочтительны к родителям, не уважают брахманов и шаманов, то увеличиваются силы злых драконов, что вызывает прямо противоположные эффекты: с плодами земли и человеческими жизнями приключаются всевозможнейшие напасти».

Наконец, *Буддхаватамсака махавайпуля сутра*¹⁰⁰ содержит большое количество интересных отрывков, где говорится о Нагах, как богах облаков и дождя. Бил переводит следующим образом: «Посреди Дворца Нага—раджа Сагара есть четыре драгоценных камня, из которых происходят все драгоценности Океана. Здесь также расположен Дворец Джамбукету, старшего сына Нага—раджа; также — дво-

⁹⁶ См. японский буддийский словарь *Буккё ироха дзитэн*, составленный в 1901 г. (2-е издание 1904 г.) Миура Кэнскэ, т. 2, с. 56, ст. 龍; китайскую работу *Цянь цюе цзюй лэй шу*, 潛確居類書 написанную Чэнь Жэньси 陳仁錫 во времена династии Мин. В этой же работе следующим образом перечисляются три причины скорби (患) индийских драконов: 1. Горячие ветры и раскаленный песок, обжигают их кожу, плоть и кости. 2. Внезапные яростные ветры, сдувающие дворцы драконов, отчего те теряют свои сокровища, одежды и проч., так что более не могут скрывать свой облик. 3. Цари-птицы с золотыми крыльями (цари Гаруды), врывающиеся во дворцы драконов и пожирающие их детей.

⁹⁷ Ch. XXXVII, p. 6.

⁹⁸ *Фо-цзе-он-ли-до* (法海, *Фо-цзе* — Дхармадхату).

⁹⁹ 正法念處, (Nanjo, nr 679).

¹⁰⁰ Nanjo, nrs 87 and 88: 大方廣佛華嚴經, букв. *Махавайпуля Буддхаватамсака сутра*; № 87 переведен Буддхадхадра (覺賢, работал 398—421, см. Nanjo, Appendix II, nr 42, p. 399) и другими; № 88 – поздний и более полный перевод Шикшананда, 695—699.

рец Васуки Нага—раджа и восьмидесяти множеств прочих Драконов, причем у каждого — свой отдельный дворец».

«Существуют пять разновидностей Драконов: 1. Драконы—змеи; 2. Драконы—ящерицы; 3. Драконы—рыбы; 4. Драконы—слоны; 5. Драконы—жабы. Сагара Нага—раджа, принимая облик Махешвара и проявляя свою могучую силу, помогает всем живым существам. Его влияние простирается от четырех континентов до Неба Паранирмита Вашавартин. Он распространяет облака, раскрашенные всеми цветами, расцвечивает молнии различной яркости, вызывает гремящие раскаты грома, подымает благоприятные ветры, сгущает плодородные ливни. Однако, хотя этот Нага—раджа расположен к людям, истинным источником несущих благо дождей являются добрые принципы, превалирующие в мире. И еще в *Анаватанпта* сказано, что Нага—раджа подымают обширные парообразные облака, покрывающие Джамбудвипа и проливающие мягкий, успокаивающий дождь, отчего различные травы и злаки выпрямяются и расцветают, а источники и реки разбухают от освежающих струй».

Кроме того, в этом отрывке, переведенном Билом, та же сутра часто упоминает других Царей—Нагов, как дарителей дождя. В китайском переводе конца VII в. (Нандзэ, № 88) мы, например, читаем: «Далее, есть бесчисленные Великие Цари—Нага, именуемые Вирупакша, Сагара и др. 777, которые, поднимая облака и посылая дождь, кладут конец страданиям, причиняемым живым существам жгучей жарой¹⁰¹. Когда Великий Морской Царь—Нага (Сагара) ниспосылает дождь, он (Просветленный) может сосчитать все его капли и единым движением мысли представить (их число)»¹⁰². Многочисленны сравнения, в основном — в стихотворной форме, посылающих дождь царей Нагов с Буддой и его Законом¹⁰³. «Верховный Царь Нага Сагара, вздымая облака, закрывает всю землю и рассылает дождь повсюду, и в его сердце — одна мысль, как и у будд, Царей Закона: великие облака сострадания распространяются повсюду и, благодаря тем, кто практикует суровые религиозные ритуалы, проливается на всех и на каждого, без различий»¹⁰⁴. «Подобно Анаватанпта, Нагараджа посылает дождь повсюду в Джамбудвипа, и этим способен побуждать растения и деревья в пробуждению и росту, и он (дождь) выходит не из его тела, но из его сердца, — таким же образом и прекрасные слова Будды проливаются повсеместно во вселенной (Дхармадхату)»¹⁰⁵.

Таким образом, эта сутра представляет собой очевидное свидетельство великой благословенной силы, приписываемой северными буддистами царям Нага, как подателям дождя.

§ 4. Сутры, читаемые при отправлении церемонии призывания дождя.

Наиболее значительная из сутр, читаемых северными буддистами для вызывания дождя во время засухи, — *Махамегха сутра*, «Сутра Великого Облака». Каталог Буддийской Трипитаки Нандзэ содержит четыре китайских перевода этого текста: №№ 186–188 и 970. Названия этих переводов немного разнятся¹⁰⁶, однако оригинал — один и тот же. Жнянагупта перевел его первым в промежутке между 557 и 581 годами (№ 187), и во второй раз — между 589 и 618–м (№ 186). В 585 г. Нарендраяшас сделал другой перевод (№ 188). № 970, название у которого то же, что и у № 188, представляет собой более поздний труд. Санскритский текст сохранился, отрывок из него приводится Бендаллом в «Журнале Королевского Азиатского Общества»¹⁰⁷; он совпадает с № 186, тогда как Бил в своем «Ряде буддийских писаний в переводах с китайского» приводит отрывок из № 188. По мнению де Гроота¹⁰⁸, сутру перевел Амогхаваджра, второй патриарх китайской школы Йога, ученик Ваджрабодхи (первого патриарха той

¹⁰¹ 復有無量諸大龍王所謂毘樓博叉王、娑場羅龍王。。。興雲布雨今諸衆生蒸惱消滅 Ch. I, p. 18a, b.

¹⁰² Ch. XV, p. 18b.

¹⁰³ Cf. Ch. XV, p. 21b; XVII, 19a; XXXVIII, 22b; XLII, 6b; LI, 11b; LII, 1b; LII, 3b; LXXX, 22a.

¹⁰⁴ Ch. LI, p. 12a.

¹⁰⁵ Ch. LI, p. 11b.

¹⁰⁶ № 186: 佛說大方等大雲請雨經, «Махавайпуля сутра Великого Облака испрошения дождя»; № 187: 大雲請雨經, «Сутра Великого Облака об испрошении дождя»; № 188: 大雲輪請雨經, «Сутра Колеса Великого Облака об испрошении дождя». На стр. 11b этого китайского текста мы находим имя Татхагаты «Колесо Великого Облака». Bandall (с.303) переводит это, как «великое облако—круг», однако — 輪 *колесо*. № 970: то же название, что и у № 188.

¹⁰⁷ Bendall, *Journal of the Royal Asiatic Society*; New Series, Vol. XII (1880), pp. 286 sqq.

¹⁰⁸ De Groot, *Le Code du Mahayana en Chine*, Verhandelingen der Kononklijke Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Deel I, nr 2 (1893), Ch. VIII, pp. 148 sqq.

же школы, прибывшего в Китай в 719 г.). Это, очевидно, № 970 Каталога Нандзэ, указанный, как «более поздний перевод».

Из отрывка Бендалла мы узнаем о следующем содержании *Махамегха сутры*. «Однажды Почитаемый пребывал во дворце змеиных царей Нанда и Упананда, в летнем павильоне в кругу могучих облаков, наполненных драгоценными камнями и украшениями, окруженный многочисленными *бхикиу*, бодхисаттвами, множеством царей, а именно: Нанда, царь змей, Упананда (далее следует перечень 185 змей)¹⁰⁹, которым прислуживали 84 сотни тысяч миллионов собравшихся и сидевших вместе змей». Все Наги приветствовали Повелителя, простирая к нему сложенные ладони; затем они стали с одной стороны и высказали свои просьбы. «Позволь нам почитать и поклоняться, превозносить, славить *самудра* (бесчисленное количество) бодхисаттв..., восседающих на морских облаках, неизмеримых и бесчисленных, с самудра облачных тел». Затем Великий Верховный Царь Змей спрашивает: «Как, о, Почитаемый, могут змеи избежать всех напастей, (как) могут они умиротвориться и получить благословение, посылать сюда дождевые потоки, в соответствии с сезонами в Джамбудвипа; побуждать к росту все травы, кусты, злаки и деревья к росту; производить все зерна; возбуждать все соки, чтобы люди в Джамбудвипа получили благословение?» Учитель отвечает, что все напасти Нагов могут исчезнуть, и они переродятся в мире Брахмы, если станут практиковать милосердие. Далее, они должны задействовать *сарवासукхандада дхарани* и почтотрять имена Татхагат, чьи «семейства и сообщества произошли из единого волоска Вайрочаны, мгновенно приносящего счастье в круге облаков». Далее следует большое число имен Татхагат, среди которых в китайском тексте встречаются такие: «Татхагата, хранящий великие облака» 藏大雲如来, «Татхагата, проявление природы которого вызывает облака» 性現出雲如来, «Татхагата, держащий в своих руках (и направляющий) облака и дождь» 持雲雨如来, «Великий вызыватель облаков» 大興雲如来, «Великий разгоняющий ветер и облака» 大散風雲如来, «Великое колесо облаков»¹¹⁰ и проч. «Провозглашением этих имен Татхагат, о, царь змей, успокаиваются все горести всех змей, и, несмотря на то, что они переполняемы злом, они проливают дожди в Джамбудвипа в соответствии с сезонами, побуждают к росту все травы, растения, кусты, лесные деревья и зерна». По просьбе царя Нагов Будда изрекает *дхарани*, называемое Махакарунодбхава, «вызывающее дождь в засушливые времена и прекращающее излишние ливни», и призывает Нага: «О, могучие змеи, принесите сюда дождь по истинному назначению всех Дэвов, слава! По истинному определению Брахмы, пролейте в Джамбудвипа дождь, слава!»

Далее следуют предписания к ритуалу Великого Облака–круга (или колеса). «Желающий сильного дождя должен отправлять этот ритуал на открытом пространстве, над которым натянут голубой балдахин, в тени голубого знамени, на чистой земляной площадке; (являясь) проповедником Учения, сидя на голубом сидении, попостившись в соответствии с *аштанга*, с хорошо вымытыми конечностями, в чистых одеяниях, умощенный благовониями, с тремя белыми ленточками; он должен читать ее день и ночь непрестанно, обратившись к востоку; он должен поставить четыре полных сосуда с чистой голубой водой, вознеся молитвы Татхагатам, в соответствии со своей силой — сделав подношения цветами и благовониями; затем проповедник Закона, приготовившись рисовать в четырех направлениях жидким коровьим пометом на тростнике, должен изобразить в восточной области на три *хаста* в высоту царя змей по имени Триширшака (Трехребевый); на южной стороне — Панчаширшака (Пятиребневый) пяти *хаста* в высоту; на западной — Сапташиршака (Семиребневый) семи *хаста* в высоту; на северной — Наваширшака (Девятиребневый) девяти *хаста* в высоту... После, в период засухи, он должен читать эту главу, «Великое–облако–круг» на протяжении одного, или двух дней, покуда не пойдет дождь и не будет идти девять ночей».

Затем многочисленными призывами вызываются цари змей. На стр. 309 мы читаем, что эта глава «Смерч», называемая также «Сердцем всех Змей», должна быть читаема проповедником Учения после

¹⁰⁹ Среди этих царей Нага китайский текст дает такие имена, как Облако—луна, Облако—море, Великое Облако—древо (хранилище), Царь—Нага ниспосылающий дождь, Царь—Нага облаков и дождя, Великий Дождь, Царь Облаков и др. (月雲、海雲、大雲藏、降雨龍王、雲雨龍王、大雨、雲王). На стр. 2а под № 188 мы находим Царя—Нага Кумбхира (Крокодил) (金毘羅龍王), т.е., как верно замечает Beal (*Catena*, p. 423), это — хорошо известный японский бог *Компира*. Когда во времена Реставрации Мэйдзи синтоисты конфисковывали у буддистов свои храмы, они ошибочно объявили Компира малоизвестным синтоистским божеством Котохира и поэтому завладели всеми храмами этого царя Нагов, охранителя моряков и путешествующих по морю.

¹¹⁰ 大雲輪如来. См. название самой сутры: «Сутра Великого Облака–колеса для испрошения дождя», переведенной Нандзэ, как «Сутра об испрошении дождя у Великого Облака–Колеса».

того, как троих царей змей со свитами изображали без перерыва три раза по семь дней коровьим пометом: трехгребешковый на востоке, семигребешковый на западе и девятигребешковый на севере. «(Следует использовать) голубой балдахин, голубые одежды и голубое знамя; все подношения также должны быть голубыми». «Цари–облака также должны быть изображены, как испускающие потоки дождя и наплывающие друг на друга; в конце следует нарисовать массы дождевых птиц и молнию»; должны быть сделаны подношения из очищенного риса, рыбы, мяса и меда без сот. После всех этих приготовлений проповедник Учения, очистившийся и в чистых одеждах, должен прочесть эту главу «Смерч», или «Сердце Змей».

Бил¹¹¹ приводит короткий отрывок из этой сутры (№ 188), как мы находим ее в Китайской Трипитаке. Из великих царей Нагов, перечисленных в начале, третий — Сагара¹¹², главный морской бог китайских буддистов, которые часто называли его просто «царь морской дракон». Под этим именем он также упомянут в названиях двух сутр №№ 456 и 457 в Каталоге Нандзэ¹¹³. Четвертый царь Нага, Анаватапта, 阿那婆達多 был хорошо известен в Японии, как мы увидим ниже¹¹⁴. Ему посвящен № 437 в Каталоге Нандзэ (перевод 308 г.)¹¹⁵. На пятом месте упомянут царь Нага Манасвин¹¹⁶. Далее следует Варуна, 婆婁那 царь Нагов, отличный от божества с тем же именем, называемым в Китае Дэва Воды 水天, — имя, напоминающее нам знаменитого Суйтэнгу 水天宮 из Токио. Профессор Шпейер указал мне, что в *Махавасту*¹¹⁷, где Будда благословляет Бхаллика и Трапуша, среди охранителей Запада упомянуты Вирупакша, Нага и Варуна. Что касается Вирупакша, одного из четырех охранителей мира, то он является повелителем всех Нага. Варуна, брахманический бог небес, есть, одновременно, правитель моря и, в качестве одного из восьми Локапала, — охранитель Запада¹¹⁸. Примечательно, что были два существа с одним именем, оба — божества воды и Запада: Варуна Дэва и Варуна царь Нага.

После Такшака 德大迦, Дхритараштра¹¹⁹ и Васуки 婆修吉, из которых первый и третий принадлежат к восьми великим царям Нагов северного буддизма, перечисляются Мучилинда 目眞隣陀, также именуемый Махамучилинда, который, как мы видели выше, защищал Шакьямуни на протяжении семи дней медитации, и Элапатра¹²⁰, консультировавший Будду относительно перерождений в высших сферах, а затем следуют имена 176–ти других.

Те же цари Нагов, за исключением Мучилинда и Элапатра, упоминаются в так называемой Анумантрана, взывании к Нага, обнаруживаемом в M.S. Боуэра из Мингая, о котором P. Моррис¹²¹ пишет следующее: «Что касается содержания M.S., то фолиант 3 очевидно содержит заговор, предназначенный для Нагов, или божеств–змей, чтобы побудить их ниспослать дождь. Искаженная строка 1 перечисляет, как представляется, различные растения, которые должны быть использованы для приношения. На строке 2 приводится *мантра* для ритуала... Конец строки 2 и последующие строки до конца страницы содержат так называемую Анумантрана, дальнейшее взывание к божествам—змеям для снятия их благосклонности путем заявления о дружеских отношениях молящегося с различными индивидуальными Нагами. Это заклинание змей, являющееся буддийским, было составлено, вероятно, в южной Индии, так как в нем упоминается «местность на берегах Гола», т.е. Годавари... Язык этого отрывка представляет собой искаженный санскрит, смешанный с формами Практрити, что обычно для буддийских работ первых веков нашей эры, равно как и для буддийских и джайнистских надписей того же периода».

¹¹¹ Beal, *A catena of buddhist scriptures from the Chinese* (1871), p. 419 sqq.

¹¹² Первый и второй — Нанда и Упананда. Сагара записывается 娑伽羅, см. Eitel, *Sanskrit– Chinese Dictionary*, s. v. (там вместо 娑 ошибочно употреблено 婆).

¹¹³ № 456: 佛說海龍王經, “Буддхабхашита Сагара Нагараджа сутра». № 457: 佛為海龍王說法印經, «Сутра печати Закона, изреченного Буддой для царя Нага Сагара».

¹¹⁴ Книга II, Гл. III, § 4.

¹¹⁵ *Анаватапта нагараджа париприккха сутра*. Китайское название сильно отличается от этого.

¹¹⁶ 摩那斯. См. Eitel, 1.1. s. v. Manasa, где Манасвин неверно отождествляется с божеством—покровителем озера Манасаровара (в Тибете идентифицируемым с озером Анаватапта, см. Kawaguchi, *Three years in Tibet*, Ch. XXVI, pp. 139 sqq.).

¹¹⁷ III, 308, 13.

¹¹⁸ См. Eitel, 1.1., s. v.

¹¹⁹ 提頭刺叱: Бил называет его *Дитаракша*, однако Моррис пишет *Дхритараштра*.

¹²⁰ 伊羅跋那(Элапатна).

¹²¹ *Journal of the Pali Text Society*, 1891—3, pp. 63 seqq., Notes and queries by the Rev. R. Morris, nr 44. Cf. The Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Vol. V, nr 2.

Моррис сравнивает список имен, приведенных в Анумантрана, перед каждым из которых стоят слова «Я поддерживаю дружеские отношения с...», с указанными в Великой сутре Колеса—Облака об испрашивании дождя в «Цепочке...» Била, с обнаруживаемыми в *Саддхарма пундарика сутре* и с именами южного буддизма. Нанда и Упананда, Анаватапта, Такшака, Дхритараштра и Вирупакша упоминаются во всех списках; Сагара (неверно называемый Самхарака в М.С. из Мингая — в трех первых, так же, как и Васуки, тогда как Варуна и Манасвин не обнаруживаются в Лotosовой Сутре и у южных буддистов. Далее, в М.С. приводятся некоторые другие имена, такие как Найравана, Кришна, Гаутамака, Мани, Дандапада и проч. Дхритараштра и Вирупакша являются правителями Востока и Запада, а также царями Нагов; что касается Найравана, то это, по Моррису, вероятно — Вайшравана, правитель Севера. Кришна и Гаутамака упоминаются в Дивьявадана, как два царя Нагов.

Профессор де Гроот¹²² приводит очень интересное описание всей церемонии вызывания дождя, как она проводится в китайских буддийских монастырях во времена засухи, по приказу властей, или богатых мирян. Воздвигается алтарь, в основном — во дворе перед большим храмом Триратны, однако иногда — у подножия горы, на которой располагается монастырь; для этих церемоний часто назначается монастырь Гуань-инь, равно как и для вознесения молитв о дожде, испрашиваемом мандарином и людьми. Раз, или два Де Гроот видел храм, посвященный Сагара Нагараджа, особому морскому богу китайских буддистов; он открывался лишь во время засухи.

Алтарь соответствует предписаниям сутры, упоминавшейся выше¹²³. На воротах по четырем сторонам рисуются драконы, по два на каждом, с головами повернутыми внутрь. Коровий помёт индусов в Китае заменяется на желто—красную глину, используемую для украшения платформы внутри огороженного места. Помост на этой платформе покрыт голубым шелком, так же, как и столы для сутр, утварь, подношения и стулья для участвующих монахов, главный из которых смотрит на Восток, а другие — на Север и Юг.

По де Грооту, голубой цвет выбирается в Китае из-за того, что это — цвет Востока, откуда должен придти дождь; это направление представлено Лазурным Драконом, высшим по рангу среди остальных. Мы, однако, видели, что в оригинальной сутре уже предписывалось использовать голубой цвет и обращаться к Востоку. Более того, Лазурный Дракон не имеет ничего общего с буддизмом. Китайские буддисты лишь копируют древний индийский ритуал. Индра, бог дождя, является покровителем Востока, а цвет Индры — *нила*, темно-синий, или, скорее, черно-синий, — обычный эпитет дождевых облаков¹²⁴. Если бы священнослужитель обращался не на Восток, а на Запад, это соответствовало бы тому факту, что Наги проживают в западной области, и в Индии Запад имел голубой цвет. Однако, обращение на Восток указывает, как мне кажется, на древнюю церемонию вызывания дождя, при которой Индру заклинали нагнать черно—синие облака.

На восточных, южных, западных и северных столах кладутся таблички, на которых нарисованы главные драконы этих направлений, чьи индийские имена указаны выше, с тремя, пятью, семью и девятью головами, вместо гребешков, или чешуек Нагов. Часто по их сторонам ставятся таблички, представляющие прислужников этих великих драконов. У всех драконов под ногами изображаются волны, а над головами — облака. Наконец, двадцать восемь черных шестов с длинными синими стягами, каждый с горящей масляной лампой между четырех ваз, наполненных свежими цветами, представляют двадцать восемь созвездий. Мы находим упоминание об этих двадцати восьми синих знаменах на стр. 21а китайского текста сутры (Нандзё, № 186); в переводе санскритского текста Бендалла говорится, однако, лишь об одном синем стяге, де Гроот объясняет это тем, что все шесты черные из-за соотнесенности этого цвета с Севером, Инь и водой¹²⁵. Возможно, это так, поскольку в самой сутре не говорится о цвете шестов, так что китайцы в этом отношении могли следовать своим собственным представлениям.

Наутро первого дня церемонии главный служитель с настоятелем и высшими официальными лицами монастыря возжигают благовония в великом храме Триратны и, пока возглашаются дхарани Гуань-инь, храм и дождевой алтарь очищаются, путем разбрызгивания по ним воды (соответствующей

¹²² *Code du Mahayana en Chine*, Ch. VIII, pp. 148 sqq.

¹²³ См. Также № 177 Приложения к Трипитаке (третий том свитка 3), с. 380b: 大雲經祈雨壇法, «Учение об алтаре для моления о дожде в соответствии с *Махамегха сутрой*.»

¹²⁴ Профессор Шпейер указал мне на это. Один из многих отрывков, в котором упоминается черно—синий цвет: *Махабхарата*, Книга III, 16, 13.

¹²⁵ Черные лошади были главным подношением божествам дождя в Японии, см. Ниже, Книга II, гл. III, § 2.

амрита). Теперь будды и бодхисаттвы, цари–драконы и святые могут опускаться на этот алтарь, не загрязняя себя. Главный служитель и настоятель поднимаются со своих сидений и предлагают благовоения; одновременно хор трижды поет сетования о засухе и моления о дожде, за которыми следуют приглашения Триратны. Затем небольшой промежуток глубокой тишины позволяет отправляющему обряд монаху погрузиться в *дхьяна* и увидеть своим внутренним взором будд, бодхисаттв, царей–драконов и святых, опускающихся и слушающих моления. Пробудившись, он приказывает семь раз читать *дхарани* «Царя–света Великого Колеса» (т.е. солнца), ради исправления ошибок, возможно, допущенных при отправлении ритуала. Затем монахи называют по именам всех 187 царей–Нагов, упомянутых в сутре и трижды произносят первый тип *дхарани*, данных Буддой этим царям в соответствии с тем же священным текстом. Эти магические формулы сопровождаются звуками колокольчиков–*ваджра* и ужасным шумом барабанов и кимвал, который, как считается, усиливает их воздействие. Затем следует возглашение 54–х Татхагат, приносящих дождь, перечисленных в этой сутре, и каждый монах держит в руках небольшую курительницу благовоний, что также используется при вызывании к царям–Нагам. После второй *дхьяна* главный монах делает действенным второй тип *дхарани*, данных Буддой и читаемых монахами так же, как и первый, и церемония заканчивается выражением надежды, что вскоре пойдет дождь, посланный Триратной и царями–драконами. Немного позже, к полудню, драконам торжественно делаются подношения, полагаемые на алтарь, им же адресуются песни и молитвы, а также — Триратне и всем Дэвам. Часто сжигается бумажная фигура одного из даосских «Небесных Генералов», в руку которого вкладывается письменная просьба о дожде, дабы он взял ее с собой на небо.

В полдень главный монах с настоятелем и всеми желающими монахами садятся у алтаря и читают Сутру Великого Облака–Колеса. Все эти церемонии повторяются ежедневно, пока не пойдет дождь. Если засуха длится слишком долго, *дхарани* Гуань–инь и моления о дожде длятся день и ночь, причем небольшие группы монахов сменяют друг друга во всех монастырских строениях. Главная цель этой церемонии — очищение алтаря и самих служителей; дело в том, что засуха, как и все бедствия, вызванные некоторыми человеческими преступлениями, могут быть остановлены лишь чистыми церемониями, проводимыми чистыми монахами. В особенности из–за того, что монахи никогда не употребляют животную пищу, они считаются в религиозном плане чище и более способными вызвать дождь, нежели миряне.

Что касается церемоний о прекращении слишком обильных дождей, именуемых «молитвами о хорошей погоде» 新晴, то они описаны Де Гроотом в той же главе. Может быть использована та же сутра, так как она обладает силой управления дождем, однако такие церемонии редко отправляются с подобной же интенсивностью. Как правило, в зале Триратны ставится желтая бумажная табличка с приглашениями к буддам и бодхисаттвам, восседающим на солнечных лучах и упомянутых в «Сутре яркого пламени ваджры (солнечных лучей), прекращающих ветер и дождь» 金剛光燄止風雨經. Затем вызывается Гуань–инь, читаются *дхарани* этого бодхисаттвы, либо — «Татхагаты Лекаря–Повелителя света лю–ли (одно из *сантаратна*, вероятно — голубоватый драгоценный камень, называемый вайдурья)» 藥師琉璃光如來, т.е. солнечного света, и имя его возглашается тысячу раз. Де Гроот объясняет, что этот Лекарь–Повелитель является восточным Солнцем, излечивающим Природу и изгоняющим все болезни, причиняемые демонами Тьмы. Его культ, в противоположность Амитабха, западному Солнцу, основывается на сутре, которую мы находим упомянутой в Каталоге Нандзё под № 171¹²⁶. Этот Татхагата — хорошо известный в Японии Якуси Нёрай. Совершенно ясно, что он считается самым могущественным в деле прекращения дождя и освежения земли своими лучами. Поэтому умоляют Шакьямуни, будд, пребывающих выше яркого пламени, и всех Нагов, чтобы они даровали хорошую погоду, и помимо двух первых, Лекарь–Повелитель и Гуань–инь возглашаются трижды в коленопреклоненном виде. Наконец, как обычно восхваляют Будду, Дхарму и Сангху, как прибежище для всех. Та же церемония по-

¹²⁶ 藥師琉璃光如來本願功德經, *Бхайшаджьягуру вайдурья–прабхаса Татхагата пурва–пранидхана гуна сутра*, «Сутра о достоинствах и добродетелях исходного обета Лекаря–Повелителя, Татхагаты света Вайдурья»; переведена Сюань–цзаном в 650 г. См. №№ 170, 172, 173. По Нандзё, №№ 170, 171 и 172 являются поздним переводом двенадцатой Сутры № 167; основное заглавие этой работы: 佛說大灌頂神咒經, *Буддхабхашиста махабхишека–риддхидхарани сутра*, «Сутра божественного *дхарани* Великого омывания верхушки головы (посвящение), изложенная Буддой». Это, очевидно, *Кандзё–кё* 灌頂經, «Сутра омывания верхушки головы», возглашавшаяся в пятом месяце 880 г. в киотосском парке Священного Источника для того, чтобы остановить обильные дожди (*Сандай дзицуруку*, Гл. XXXVII, с. 541).

вторяется другими монахами, покуда дождь не перестанет, а затем уже большее их количество в последний раз отправляет ритуалы, как знак благодарности и удовлетворенности.

В Японии, которая в летнее время гораздо более страдает от продолжительных и обильных дождей, чем Китай, церемонии о прекращении дождя часто упоминаются в анналах, как мы увидим ниже¹²⁷. Не менее часто, однако, возносились моления и о ниспослании дождя, и буддийские священники с готовностью пользовались возможностью взять верх над синтоистскими и расширить свою сферу влияния. Так, Сутра Великого Облака–Колеса (Нандзё, № 188), упоминавшаяся выше, читалась пятнадцатью буддийскими служителями в Парке Священного Источника (Сисэн–эн) в Киото в шестой месяц 875 г.¹²⁸ В то же время шестьдесят других служителей в Тайкёкудэн, одном из строений Императорского Дворца, читали разделы *Махапраджняпарамита сутры*¹²⁹, которая очень часто упоминается в японских анналах, как текст, используемый в церемониях вызывания дождя¹³⁰. Иногда использовалась также *Ваджра–праджняпарамита сутра*¹³¹. В пятый месяц 880 г. для того, чтобы прекратились затяжные дожди в Парке Священного Источника читали *Кандзё–кё*¹³², «Сутру омовения макушки головы (посвящения)».

Также в Китае в церемониях, связанных с дождем, использовались и другие сутры, например *Ваджра–праджняпарамита сутра*, *Буддхабхашиита сагара нагараджа сутра*¹³³, «Сутра царя–морского–дракона (т.е. Сагара), изложенная Буддой», и др. Это логично, поскольку, как замечает де Гроот, в соответствии с 39–й заповедью кодекса Махаяны все наказания за совершенные преступления — а засуха является одним из таких наказаний — могут быть избегнуты с помощью чтения сутр и вина Махаяны.

¹²⁷ Книга II, Гл. III.

¹²⁸ См. ниже, Книга II, Гл. III, § 3; *Сандай дзицуроку*, Гл. XXVII, с. 414,

¹²⁹ 大般若經, *Махапраджня сутра*; Каталог Нандзё, № 1, приводит полное название: 大般若波羅蜜多經, и замечает, что она была переведена в 659 г. знаменитым пилигримом Сюань–цзаном.

¹³⁰ См. *Сандай дзицуроку*, Гл. XX, с. 335 (шестой месяц, 871); Гл. XXIII, с. 372, (пятый месяц, 873); Гл. XXV, с. 386 (второй месяц, 874); Гл. XXXII, с. 466 (седьмой месяц, 877); Гл. XXXVII, с. 543 (шестой месяц, 880).

¹³¹ 金剛般若經; *Сандай дзицуроку*, Гл. XXIII, с. 372; Нандзё, №№ 10–12.

¹³² 灌頂經; *Сандай дзицуроку*, Гл. XXXVII, с. 541; Нандзё № 167.

¹³³ 佛說海龍王經; Нандзё, № 456, переведена в промежутке между 256 и 316 гг. См. № 457: 佛為海龍王說法印經, «Сутра Печати Закона, изложенная Буддой для Сагара Нагараджа». Эти сутры были изложены во дворце Сагара на дне моря.

КНИГА I.

ДРАКОН В КИТАЕ.

ГЛАВА I.

ДРАКОН В КИТАЙСКИХ КЛАССИКАХ.

§ 1. И-цзин

Старейшая китайская работа, в которой упоминается дракон — *И-цзин*¹³⁴. Там мы читаем следующее объяснение нижней черты первой гексаграммы, соответствующей Небесам: «Первая, девятая: дракон, спрятавшийся в воде, бесполезен»¹³⁵. По комментариям, значение этого предложения состоит в том, что нижняя черта этой гексаграммы, представляющая дракона, лежащего в глубине, является знаком того, что сейчас не время для активных действий. Поэтому Легге переводит так: «В первой (или нижней) черте, целой, (мы видим ее предмет, как) дракона, лежащего спрятанным (в глубине). Сейчас не время для активных действий». Этот перевод скорее объясняющий, чем истинный, так как текст просто дает слова: «Первая, девятая: дракон, спрятавшийся в воде, бесполезен». Что касается слова девятая, то оно объяснено в комментарии, озаглавленном Традиции Чэн 程傳, как означающее «полноту Ян», потому что это — три раза по три, т.е. умножение неделимого числа, представляющего Ян. Поскольку целые черты гексаграмм являются символами Ян, а разрывные — Инь, значение первых двух слов в предложении, как его переводит Легге, состоит в том, что нижняя черта целая. Однако, иероглифы не означают «сейчас не время для активных действий», но просто — бесполезен¹³⁶.

Дракон, символизируемый чертами диаграммы Небес, поскольку он является созданием Ян, представлен нижней чертой, как все еще лежащий в глубине вод. В этих условиях небесный дарователь плодородных дождей все еще бесполезен для человечества. Таково, возможно, исходное значение этих слов, однако предсказатели вывели из этой бесполезности спрятавшегося дракона то, что следует уклоняться от активных действий.

Вторая черта той же гексаграммы объяснена в *И-цзин* следующим образом: «Девятая, вторая; дракон виден на рисовых полях; благоприятствование; увидишь великого человека»¹³⁷. Легге переводит: «Будет благоприятна встреча с великим человеком». Хотя этот перевод следует комментарию, значение станет более ясным, если мы разделим предложение так же, как сделали выше. Появление дракона на рисовых полях благоприятно, т.е. плодородный дождь принесет хороший урожай. Исходное значение иероглифа 利, состоящего из знаков «рис» и «нож», очевидно — «урожай», что, разумеется, идентично выгоде. Далее, «увидят великого человека». Здесь мы видим дракона, представляющего великого (в особенности — святого) человека, столь же полного Ян, как и сам дракон. Даже в те стародавние времена его появление считалось предзнаменованием рождения великого и святого человека, в частности — императора, святейшего человека на земле.

¹³⁴ Книга 御纂周易折中, Гл. I, 上經、乾.

¹³⁵ 初九。潛龍勿用。Пер. Ю.К.Шуцкого: «В начале девятка. Нырнувший дракон. — Не действуй!»

¹³⁶ Проф. де Гроот любезно указал мне на простое и ясное значение этого и последующих предложений.

¹³⁷ 九二。見龍在田。利。見大人。Пер. Ю.К.Шуцкого: «Девятка вторая. Появившийся дракон находится на поле. — [Благоприятно свидание с великим человеком!]»

В третьей черте дракон не упоминается, но в четвертой мы читаем, что он «вероятно прыгнул в пруд» (но еще не поднялся на поверхность). «Не будет зла (咎)»¹³⁸. Слово «зло» представляется более логичным в гадательном предложении, чем «ошибка».

Пятая черта описана так: «Дракон летает по небу; благоприятствование; увидят великого человека»¹³⁹. Для человечества, разумеется, в высшей степени благоприятно, если приносящий дождь дракон парит в небе. Одновременно это — предзнаменование появления великого человека.

Наконец, самая верхняя черта объясняется так: «Дракон превышает должные ограничения (т.е. летает слишком высоко). Будут сожаления»¹⁴⁰. Самое простое объяснение этих слов таково: если дракон летает слишком высоко, он удаляется слишком далеко от земли, чтобы на нее вернуться, и дождь не достигает ее, — причина сожалеть и о себе, и о человечестве. Одновременно, великий человек, символизируемый драконом, сожалеет обо всех преувеличениях со своей стороны.

И-цзин продолжает так: «(В этой диаграмме) использовано число девять. Если увидеть стадо драконов, лишенных головы, это означает удачу»¹⁴¹. Самая нижняя черта второй гексаграммы, представляющей Землю (坤, *кунь*), о бьяснена так: «Драконы сражаются в открытом поле; их кровь темная (не пурпурная, как переводит Легге) и желтая» 上六。龍戰干野、其血玄黃。 . Очевидно, таким образом описана буря, когда темные и желтые облака летят по небу. Ибо в отрывке из Приложения V к *И-цзину*¹⁴², приписываемого Конфуцию, мы читаем: «Небо — лошадь, Земля — корова, Гром — дракон» 乾為馬。坤為牛。震為龍。 . И еще, в том же Приложении¹⁴³: «Чжэнь — гром, дракон, он темный и желтый» 震為雷。為龍。為玄黃。 Та же гексаграмма представляет Весну и Восточный квартал, которые идентифицируются с Лазурным Драконом¹⁴⁴.

В Гл. 11 *И-цзин* слова «Дракон, лежащий в глубине, бесполезен» иллюстрируются фразой «Ян внизу» 潛龍勿用。陽在不也。 , что означает: «Солнце — под горизонтом, т.е. дракон, лежащий в глубине, так же бесполезен, как солнце за горизонтом».

В той же главе мы читаем: «Дракон виден на рисовом поле; добродетельная сила (德) распространена повсеместно» 見龍在田。德施普也。 . Это — ясное объяснение слова удача в предыдущем отрывке о пятой черте первой гексаграммы.

Что касается «Драконов, сражающихся на открытом поле», то в главе за этими словами следует: «Их путь (*дао*) исчерпан» 龍戰星野。其道窮也。 , т.е. их благодетельные действия исчерпаны до конца. Поскольку дождь — благословение, ниспосылаемое людям драконами, это предложение легко объяснить тем фактом, что при грозе, когда драконы сражаются в небе, дождь изливается потоками.

В Приложении к *И-цзин*¹⁴⁵ сказано: «Драконы и змеи впадают в спячку, чтобы сохранить свои тела» 龍蛇之蟄以存身也。 . Здесь мы видим, что драконы и змеи были тесно соотнесены и считались принадлежащими к одному классу животных. Этот же взгляд наблюдался и в более поздние эпохи.

Рассмотрев вышеприведенные отрывки из *И-цзин*, мы приходим к выводу, что идея дракона, превалирующая в современном Китае, совершенно та же, что и в самые древние времена. Это — водяное животное, родственное змее, обычно спящее зимой в прудах и просыпающееся весной. Это — бог грома, приносящий хороший урожай, когда появляется на рисовых полях (в виде дождя), либо на небе (как темные и желтые облака); иными словами, когда он посылает дождь, делающий почву плодородной. Однако, когда он летает слишком высоко и не может вернуться, жаждущая земля безрезультатно ожидает его благословения, и преобладает печаль. Поскольку это благодетельное существо полно Ян, оно символизирует тех из людей, которые наиболее исполнены Света, а именно — великих, и его появление считается предзнаменованием их прибытия, т.е. рождения. Первое место из тех, кого символизи-

¹³⁸ 九四。或躋躍在淵。无咎。 Пер. Ю.К.Шуцкого: «Девятка четвертая: Точно прыжок в бездне. — [Хулы не будет!]»

¹³⁹ 九五。飛龍在天。利。見大人。 Пер. Ю.К.Шуцкого: «Девятка пятая: Летящий дракон находится на небе. — [Благоприятно свидание с великим человеком!]»

¹⁴⁰ 上九。亢龍。有悔。 Пер. Ю.К.Шуцкого: «Наверху девятка: Возгордившийся дракон. — Будет раскаяние!»

¹⁴¹ 用九。見羣龍首。吉。 Пер. Ю.К.Шуцкого: «При действии девятки смотри, чтобы все драконы не главенствовали; тогда будет счастье».

¹⁴² *Шо-гуа чжуань, 說卦傳* (Гл. 17), с. 12. Legge, Appendix V, p. 429, Ch. VIII, 12.

¹⁴³ Ch. 17; Legge, p. 430, Ch. XI, 17.

¹⁴⁴ См. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. I, p. 317; III, p. 964, 987.

¹⁴⁵ 繫辭不傳(Гл. XV), с. 11.

рует дракон, занимает величайший и максимально исполненный Ян, т.е. Император. Он, как мы увидим ниже, представляет собой всю императорскую власть.

Когда черные и желтые облака покрывают небо, гремит гром и блистает молния, современные китайцы говорят то же, что говорили их древние предки: «Драконы сражаются; посмотрите, как на все небо разлилась их кровь». Одновременно, небесные драконы побуждают дождь проливаться на благодарную землю. Даже когда драконы просто прыгают в пруд, не стоит ожидать бедствий, а когда их стая, пусть даже состоящая из безголовых драконов, видится в небе, это — добрый знак. Зима, когда они впадают в спячку и прячутся в пруды, представляет собой в Китае сухой сезон. Однако весной, в третий из двадцати четырех сезонов, на которые с древности делился год, происходит «Пробуждение животных от спячки»¹⁴⁶, и понемногу начинают идти дожди. Однако, в «начале лета» 立夏, т.е. в первом из шести летних сезонов, «задувают ветры и драконы поднимаются в небо»¹⁴⁷, ибо это — время обильных дождей, счастья для людей.

§ 2. Шу–цзин.

В Шу–цзин¹⁴⁸ мы читаем следующие слова императора Шунь, обращенные к Ю: «Я желаю видеть эмблемы фигур древних: солнце, луну, звезды, горы, дракона и пестрых животных (фазанов), изображенных (на верхних священных одеждах Императора)». Итак, мы видим, что даже в ранние времена предшественников Шуня, то есть в дни Хуан–ди (который правил, как считается, в XXVII в. до н.э.) и Яо дракон относился к шести символическим фигурам, изображаемым на верхних императорских одеждах. Это делалось, без сомнения, из–за его благодетельной силы божества грома и облаков, приносящего дождь.

§ 3. Ли–цзи.

В Ли–цзи¹⁴⁹ говорится: «Что называется четырьмя лин (靈)? Единорог, феникс, черепаха и дракон зовутся четырьмя лин. Поскольку дракон считается домашним животным, рыбы и осетры не убегают прочь» 何謂四靈。麟鳳龜龍龜龍、謂之四靈、故龍以為畜、故魚鮪不滄。 Куврер переводит лин, как *animaux qui donnent des presages*, однако значение этого термина более сильное, как мы узнаем из книги де Гроота¹⁵⁰. Поэтому я предпочитаю переводить это понятие, как спиритуальные существа. Эффективное воздействие цзин (精), или жизненного духа этих четырех существ, действительно, весьма велико, поэтому их вполне справедливо можно назвать «четырьмя спиритуальными животными *par excellence*». Неудивительно, что их появление считалось предзнаменованием, однако это было всего лишь следствием их «спиритуальности».

В § 4 той же главы Ли–цзи, где описываются безмятежные дни священных императоров древности, мы читаем: «Фениксы и единороги мужского и женского пола заполняли болота под стенами города; черепахи и драконы жили в прудах императорского дворца»¹⁵¹, т.е. четыре лин располагались все неподалеку, распространяя свою благодать на дворец и всю страну.

Далее, в другом отрывке из Ли–цзи, также посвященном древним правителям¹⁵², мы находим следующие слова: «Они (повелители древности) выбирали (букв. следовали, приспособливали себя к) сча-

¹⁴⁶ 驚蟄, «Пробуждение животных от спячки» — название этого сезона; см. De Groot, 1.1., Vol. III, p. 968.

¹⁴⁷ 立夏, 易緯, 津卦驗, цитируется в знаменитой энциклопедии, озаглавленной Цинь дин гу цзинь ту шу цзи чэн, 欽定古今圖書集成 (издана в 1725 г., см. De Groot, 1.1., Vol. I, Introd., p. XXI), далее — T.S.; Разд. 蟲, Гл. 127, 龍部考 c. 5b; 立夏風至而龍升天.

¹⁴⁸ 子欲觀古人之象、日、月、星辰、山、龍、華蟲、作会, Разд. 益稷 И–цзи Legge, *Sacred Books of the East*, Vol. III, Part II, Book IV, § 1, p. 58.

¹⁴⁹ Ch. VII, *Li un*, 禮軍 art. 3, nr 10: Couvreur, *Li ki*, Vol. I, p. 524.

¹⁵⁰ De Groot, *Religious System*, Vol. IV, p. 12.

¹⁵¹ 鳳皇麒麟、皆在郊趣、龜龍在宮沼。

¹⁵² Ch. VIII, *Li ki*, art. 2, nr 12; Couvreur, Vol. I, p. 563.

стливые места, чтобы приносить в их окрестностях жертвы Небесному Императору. Жертвы возносились и достигали Небес. Затем спускались фениксы, прибывали черепахи и драконы»¹⁵³.

Наконец, в первый, второй и третий месяцы весны¹⁵⁴ «император всходил на свою повозку, украшенную колокольчиками, которую тянули лазурные драконы»¹⁵⁵, держа в руке синее знамя (旂, украшенное рисунком сплывшихся драконов)¹⁵⁶. Как мы указывали выше, лазурный дракон есть символ Весны, сезона, когда «гремит гром, начинается сверкать молния, задвигались все животные после спячки, открыли свои двери (т.е. вышли из своих коконов) и стали выходить наружу»¹⁵⁷.

§ 4. Чжоу–ли.

Мы видели, что дракон упоминается в *Шу–цзин* среди двенадцати символических орнаментов священного императорского одеяния. Далее, в *Чжоу–ли* сказано, что знамя, названное *ци*, 旂, было украшено соединившимися драконами (т.е. сплывшимися друг с другом). В той же работе¹⁵⁸ утверждается следующее: «В целом в качестве *цзе* 節 (чиновничьих дощечек) посланников императора в горных странах используют тигровые дощечки, в равнинных странах — дощечки с нарисованными человеческими фигурками, в водных странах — драконьи таблички. Все таблички сделаны из металла»¹⁵⁹. Понятно, отчего орнаменты официальных табличек подразделялись таким образом. Как замечает в связи с этим отрывком комментатор Цзин Канцин, «в горах много тигров, на равнинах много людей, а в воде много драконов»¹⁶⁰. Таким образом, дракон символизирует воду.

Третий отрывок из *Чжоу–ли*¹⁶¹, где говорится о Зимних чиновниках, раскрывает, что на картинах и в вышивке «Вода выражается через драконов» 水以龍. Комментарий Чжао Пу¹⁶² объясняет эти слова так: «Дракон — божественное существо в воде. Если представлять воду без драконов, то нечем будет показать божественность ее сути»¹⁶³. Цзин Канцин же просто замечает: «Дракон — водное создание; его (изображают, или вышивают) на одеждах»¹⁶⁴.

§ 5. И–ли.

Знамя с драконом упоминается в *И–ли*¹⁶⁵, при описании императорской охоты. Там мы читаем: «В пограничных областях: когда тигр ранен: знамя дракона». Вероятно, таково значение этого очень короткого текста. Цзин Канцин объясняет его так: «В пограничных областях' (竟 использован здесь вместо 境) означает стрельбу вместе с правителями соседних стран. Они рисуют дракона на знамени¹⁶⁶; более того, его формы совершенно различные. 'Цельный шелк' образует знамя»¹⁶⁷. На охоте с участием иноземных правителей, вероятно, этим драконьим знаменем подавался сигнал, когда тигр (смертельный враг дракона) бывал застрелен.

¹⁵³ 因吉土以饗帝於郊、升中於天。而鳳凰降、龜龍假

¹⁵⁴ Li ki, Ch. XXI, Yueh ling, 月令, "Monthly Precepts": Couvreur, I, Ch. IV, pp. 332 (first month), 340 (second month), 347 (third month): 天子。乘鸞路、駕蒼龍、載青旂。

¹⁵⁵ Лошади выше восьми *чи*, т.е. 1.6 м в холке, назывались драконами (Couvreur, I, p. 333).

¹⁵⁶ *Чжоу ли*, 周禮 Разд. *Чунь гуань* 春官; "Весенние чиновники", 可常, *Сы–шан*; Гл. XXVII, с. 24, приводит названия девяти знамен. «Сплетенные драконы образуют *ци*, 旂, (второе знамя)», 交龍為旂。

¹⁵⁷ *Ли–цзи*, Месячные предписания, Гл. XXI, с. 10; Couvreur, Ch. IV, p. 332, nr 8.

¹⁵⁸ Разд. *Ли–гуань*, 地官, *чжан* — *цзе*, 掌節, Гл. XIV, с. 39.

¹⁵⁹ 凡邦国之使節。山国用虎節。土国用人節。澤国用龍節。皆金也。

¹⁶⁰ 土平地也。山多虎。平地多人。澤多龍。

¹⁶¹ Разд. *Дун–гуань*, 冬官 Гл. XLII, 老工記, (рисунки и вышивка), 之事、雜五色 с. 5b.

¹⁶² 趙溥, комментатор династии Сун. Хотя упоминается только его фамилия, и есть еще один комментатор с той же фамилией, а именно Чжао Кан, 趙匡, династии Тан, вероятно, мы имеем здесь дело с первым.

¹⁶³ 畫物 龍水中神水不畫龍則無以見變化之神。

¹⁶⁴ 龍水物。在衣。

¹⁶⁵ 儀禮, Разд. 響射禮記, Гл. X, с. 48a: 於意。則虎中。龍旗。

¹⁶⁶ 旗, *чжэнь*, по Wells Williams, Dict. s.v. p. 44: «шелковое знамя красноватого цвета, простое и треугольное».

¹⁶⁷ 於意。謂與隣国君射也。畫龍於旗。尚文章也。通帛為旗 (通帛, *тун–бо* было, по Цзин Канцину, как сказано в той же работе, Гл. XXVII, с. 24b, «глубокий красный цвет, соответствующий основным цветам династии Чжоу»).

Древние тексты, упомянутые в этой главе, коротки, однако вполне достаточны для того, чтобы мы поняли основную концепцию дракона в древнем Китае. В те давние дни, как и сегодня, это был бог воды, грома, облаков и дождя, предвестник благословения и символ святых людей. Поскольку императоры считались святыми, пребывающими на земле, идея дракона, как символа императорской власти, базируется на этой древней концепции.

Для пущей ясности, в дальнейшем тексты будут рассматриваться в отдельных главах в соответствии с информацией, приводящейся в них. Однако, в каждой главе будет соблюден хронологический порядок.

ГЛАВА II.

ГАДАНИЯ.

§ 1. Счастливые предзнаменования.

Рождению великих святых и императоров предшествовали появления драконов и фениксов. В ночь рождения Конфуция (551 г.) два лазурных дракона спустились с неба и вошли в дом его матери. Она увидела их во сне и дала жизнь великому святому¹⁶⁸. Биография императора У¹⁶⁹, знаменитого деятеля династии Хань (140–87 гг. до н.э.), содержит следующий отрывок касательно его рождения: «Император Сяо У династии Хань был сыном Императора Цзин. Перед его рождением императору Цзин приснился сон, что из облаков спустился красный боров и вошел прямо в Цин-фан-го (Коридор Утонченного Аромата). Император Цзин проснулся и сел под этим коридором. И действительно, там был красный дракон. Он был подобен туману и, приближаясь, затемнял двери и окна. Когда императорский гарем пошел посмотреть (что происходит), над коридором стоял пар киноварного цвета, расширяющийся и поднимающийся вверх. После того, как пар рассеялся, они увидели красного дракона, свивающегося и развивающегося между стропил. Император Цзин призвал прорицателя по имени Старый Яо и спросил его о происшедшем. Старик отвечал: 'Это — благоприятное знамение. Этот коридор наверняка произведет человека, который будет править миром. Он прогонит варваров и этим принесет с собой счастливые предзнаменования. Поэтому он станет самым прославленным правителем семейства Лю. Однако это (может означать) также необыкновенную одаренность'. Император Цзин приказал императорской наложнице Ван перейти в Коридор Изысканного Аромата, желая действовать в соответствии со словами Старого Яо. Поэтому он сменил название коридора на *И-лань-дянь*, 'Зал Цветущей Орхидей'¹⁷⁰. Когда прошло более десяти дней, императору Цзину приснился сон, в котором божественная женщина держала в обеих руках солнце и передала его наложнице Ван. Та проглотила его и через четырнадцать месяцев родила императора У. Император Цзин сказал: 'Мне приснилось, что красный пар обратился красным драконом. Гадатели сочли это хорошим предзнаменованием; (поэтому) он (новорожденный сын) должен быть назван Счастливым (*цзи*)'».

Один из десяти счастливых знаков, отмеченных за один день в правление Яо, одного из пяти священных императоров древности, был дракон, появившийся в пруду его дворца¹⁷¹.

Появление *желтого*, или *лазурного* дракона, часто упоминаемое в анналах¹⁷², почти всегда считалось очень хорошим знаком. Лишь когда они появлялись несвоевременно, или не в должных местах, их рассматривали, как предвестников недоброго, что будет описано ниже. По большей части их видели ночью, распространяющих ярчайший свет в округе. Такое ночное появление осветило дворец Гун Суньшу 公孫述 во времена правления императора Ган У (25—57 гг.). Первый счел это столь хорошим предзнаменованием, что в 25—м году провозгласил себя императором Шу (Белым Императором) и изменил название эры на Лунь—Син, 龍興 «Поднимающийся Дракон»¹⁷³. Черного, рогатого дракона видел однажды ночью Люй Ган¹⁷⁴, живший в IV в. н.э. Его блестящие глаза освещали всю округу, так что огромное чудовище было видимо, пока его не закрыли собравшиеся со всех сторон облака. На следующее утро следы от его чешуи находили на расстоянии в пять миль, однако их вскоре смыл сильный дождь.

¹⁶⁸ *Ши-и-цзи*, 拾遺記, кисти Ван Цзя 王嘉, вероятно — 4-го века; Гл. III, 周靈王, с. 4b.

¹⁶⁹ У Ди нэй чжуань, «Внутренние записи Императора У», 武帝內傳 приписываемые знаменитому историографу Бань Гу, 班固 умершему в 92 г.; с. 1a.

¹⁷⁰ Орхидея являлась символом гармонии, так как *Ши-цзин* сравнивает гармоничное совместное проживание братьев с ароматом орхидей, и новое название коридора являлось более счастливым, нежели предыдущее.

¹⁷¹ *Шу и цзи*, 述異記, написано Жэнь Фаном, 任昉, в первой половине VI-го века: 堯為仁君。一日十瑞、宮中薔化為禾鳳凰止於庭、神龍見于宮沼。 Гл. 上, с. 4b.

¹⁷² Cf. T.S., Ch. 128, 龍部, 紀事一, p. 7b, 8a, 9; Ch. 129, 紀事二, pp. 1 sq.

¹⁷³ *Дун гань хань цзи*, 東觀漢紀, Гл. XXIII, написано в 107 г. Лю Чэнем, 劉珍, продолжено в 172 г. Цай Юном, 蔡邕

¹⁷⁴ 呂光; cf. Giles, *Chin. Biogr. Dict.* s.v., pp. 555 sq. В 396 г. он принял титул Царя Лян назначенного Небом.

Затем один из слуг Люй Гана сказал ему: «Дракон — божественное животное, предзнаменование того, что человек возвысится до уровня правителя. Итак — ты возвысишься до этого». Услыхав это, Люй Ган сильно возрадовался, и действительно, через некоторое время он стал правителем¹⁷⁵. Поскольку драконы являли столь важные знамения, ничего удивительного, что по случаю их появлений издавались императорские указы¹⁷⁶.

Наконец, мы можем процитировать гадательную книгу¹⁷⁷, где говорится: «Когда вот-вот должно было произойти возвышение императора Цзин, дракон появился в Желтой Реке, или в Ло. Все исследовали его голову; если она черная — люди справедливы; если белая — Земля справедлива; если красная — Небо справедливо» 帝王始興將起河洛龍見。皆祭其首。黑者人正、白者地正、赤者天正。

§ 2. Дурные предзнаменования.

А. Сражающиеся драконы.

С древности наводнения, бури и проливные дожди с грозами приписывались китайцами драконам, сражающимся в реках, или в воздухе. Хотя, по *И-цзин*, «*дао* драконов, сражающихся на открытом поле, истощено», т.е. их благодетельная сила заставляет дождь лить на землю потоками, с другой стороны такие сильные ливни часто приносят урон и бедствия. Поэтому, как бы ни приветствовалось небесное сражение драконов во времена засухи, в обычное же время на небесные армии взирали с большим страхом. Более того, люди верили, что несчастья, произведенные сражениями в реках, или в воздухе, не ограничивались собственно бедствиями настоящего времени, но распространялись и на ближайшее будущее, то есть, иными словами, считались весьма дурным предзнаменованием, предвещающим наводнения, беспорядки, войну, и даже падение династии. В качестве богов воды, облаков и дождя, они вызывали высокие наводнения своими битвами, а в качестве представителей императорской власти их победа, или поражение означали восстание, войну, или даже падение правящего дома.

В соответствии с *Цзо-чжуань*¹⁷⁸, крупное наводнение приписали битве драконов в пруду в девятнадцатом году правления Чжао, повелителя Лу (523 г. до н.э.). «В Цин произошло большое наводнение; [несколько] драконов сражались в пруду Вэй, за воротами Шэ. Люди просили отпустить их, чтобы сделать им приношения, однако Цзы-чань отказал, говоря: «Когда мы сражаемся, драконы не смотрят на нас. Зачем же нам смотреть на их схватку? Если мы предложим им задабривающее подношение, они оставят свое местожительство. Если мы не станем искать драконов, они также не станут искать нас». И все было оставлено, как есть».

В *И-линь*¹⁷⁹ сказано: «Если шесть драконов злобно дерутся под насыпью, и лазурный, или желтый дракон не побеждают, путешественники встретятся с трудностями и неприятностями» 六龍共怒戰於陂下、蒼黃不勝、旅人艱苦。 Как мы видели выше, лазурные и желтые драконы были особыми предвестниками счастья, поэтому их поражение означало приближение напастей, возможно, вызванных наводнением.

Что касается угрозы войны и разорения, то мы можем процитировать следующий отрывок из Исторических Записок.

«В *Книгах Династии Суй*¹⁸⁰ мы читаем: «Во времена династии Лян (502—557), во втором году эры Тянь-цзянь (503) драконы сражались в пруду провинции Северная Лян. Они подняли туман на расстоянии в несколько миль. Что касается злодеяний драконов и змей, то *Хун фань у син чжуань*¹⁸¹ гово-

¹⁷⁵ *Бао Пуцзы*, 抱朴子, написано Гэ Хуном, 葛洪, в четвертом веке; 外篇, Гл. IV (廣譬).

¹⁷⁶ Император Вэнь династии Хань, например, издал такой в 165 г. до н.э., Книга Ранней династии Хань, 文帝本記, Гл. IV; содержит указ императора Сюаня от лета 52 г. до н.э. (там же, 宣帝本記, Гл. VIII, с. 14а).

¹⁷⁷ *И цянй цзо ду*, 易乾鑿度, цитируется в T.S., Разд. 蟲, Гл. 130, 龍部、雜錄, с. 2b.

¹⁷⁸ Legge, *Chinese Classics*, Vol. V, Part II, pp. 674 sq. (Book X, year XIX).

¹⁷⁹ 易林, труд о гадании, цитируется в T.S., Гл. 130, 龍部雜錄, с. 3а.

¹⁸⁰ 隋書, Гл. XXIII, № 18, 五行志、下, с. 17а.

¹⁸¹ 洪範五行傳, cf. De Groot, Vol. V, p. 491, note 1: «Работа основывается на разделе из *Шу цзин*, озаглавленной *Хун фань*, или «Великий План». Похоже, в VI—м веке она пользовалась немалым авторитетом, как источник прогнозов. Тогда она состояла из одиннадцати глав, с комментарием Лю Сяна, так что существовать она должна была еще до нашей эры».

рит: ‘Существуют неприятности и ущерб, приносимые драконами и зверями. То, что принадлежит Небу, есть символ Правителя. Если небесное дыхание повреждено, а Дао Правителя ранено, то и дракон оказывается задетым. Их схватки — символ оружия и щитов’. Цзинь Фан¹⁸² говорит в своих *И фэй хоу* 易飛候 («Летучие наблюдения за гаданиями»): ‘Когда сердца многих беспокойны, вследствие этого битвы драконов несут дурные предзнаменования’ 龍獸之難害者也。天之類君之象、天象、天氣、天天象、天氣害、君鬪者兵革、君鬪者兵革之象也。京房易飛候曰、衆心不安。厥妖龍鬪。· В то время Император впервые вступил на трон и были волнения под предводительством Чэнь Бочжи и Лю Лиляня. Опасность и страх распространились по империи».

В тех же анналах есть и такой отрывок: «В шестом месяце пятого года эры Пу–тун (524) драконы сражались в пруду царя Ку–о (?). Они перемещались на запад вплоть до Цзянь лин чин. В тех местах, где они проходили, были повалены все деревья. Предсказания были те же, что и во втором году эры Тянь–цян (503), а именно, что их прохождение через Цзянь лин и поваленные деревья указывают на бедствия для династии и войну; это был также знак того, что императорские гробницы будут уничтожены. В то время император считал ведение бесед своей единственной обязанностью и не думал о пахоте. Его боевые генералы были беспечны, солдаты бездельничали, и Дао Правителя оказалось поврежденным. Оттого зло пришло и от драконов. Император совершенно не осознавал (опасности). В первом году эры Тай–цзин (547) вновь произошла схватка драконов в водах Ли чжоу. Воды кипели и пузырились, облака и туман сгущались со всех сторон. Было видно, как белые драконы убегали на юг, преследуемые черными драконами. В тот год Хоу Цзин пришел с войсками, чтобы покориться, и император принял его покорность без должных предосторожностей. Народ в окрестностях был напуган, и внезапно поднялось восстание. Как следствие, император обрел грустную смерть». Он умер в 549 г., а восемь лет спустя династия Лян прекратила свое существование.

В 579 г. черный дракон был убит красным. Более того, в тот же год произошла схватка белого дракона с черным, в результате которой белый вознесся на небо, а черный упал на землю и умер¹⁸³. Поскольку черный был цветом Поздней (т.е. Северной) династии Чжоу, это сражение драконов явилось предвестником ее приближающегося падения, которое действительно произошло через два года.

Что касается наводнений, о которых заранее предвещали схватки драконов, то мы можем открыть *Историю династии Сун*¹⁸⁴, где сказано, что в пятом году эры Цзянь–дао (1169) такое сражение в воздухе наблюдалось во время жестокой бури. «Два дракона умчались прочь, а на землю упали жемчужины размером с колеса повозки, где их нашли мальчишки–пастухи. На следующий год страну поразило наводнение».

Иногда схватки драконов упоминались не как предзнаменования, но лишь вызывающими сильные бури, которые уничтожали большое количество жилищ и официальных зданий, а также убивали сотни людей, поднимая их на воздух с домашним скотом, деревьями и черепицей, перенося их на расстояния более десяти миль. Такая буря сходилась в четвертом месяце девятого года эры Хуан–тун (1149) в верховьях реки Юй линь в Ли чжоу¹⁸⁵.

Разрушения, вызванные ударом молнии, считались результатом воздействия священного огня, посланного Небом для прекращения схватки драконов. «В пятый месяц года *и–вэй* (вероятно, 1295) в месте у озера при И–син внезапно появились два дракона, которые, свившись друг с другом и сражаясь, упали в озеро. Из длина не имела определенных пределов. Через малое время по воде прошелся сильный ветер, достигавший высоты более, чем *чжан* (десять *чи*, или футов). Затем с неба упали более десяти огненных шаров, каждый размером с лошадь. Два дракона немедленно поднялись (в небо), ибо Небеса, опасаясь, что они могут возбудить бедствия, послало священный огонь, дабы прогнать их. Если бы Небеса на некоторое время оказались невнимательными, все на протяжении ста миль было бы сметено гинантским ураганом. Когда недавно я проезжал на лодке Сливовый Сад в Дэ Цзин, рисовые поля неподалеку были выжжены и черны, всего где–то десять акров. Когда лодка причалила к берегу и мы

¹⁸² 京房, знаменитый гадатель первого века нашей эры, автор *И чжуань*, 易傳 (cf. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 204) и *И яо*, 易妖 (см. ниже, «Недобрые предзнаменования», Г.).

¹⁸³ Ван Шао Чжуань, 王劭傳, «Биография Ван Шао», *Книги династии Суй*, Гл. LXIX, 列傳№ 34, с. 2а.

¹⁸⁴ Разд. 五行志 (Гл. 61–67): 乾道五年七月乙亥武靈懸龍鬪于復塘村、大雷雨二龍奔逃、珠墜大車輪牧童得之。自是連歲有水災。

¹⁸⁵ Цзинь ши, 金史, История династии Цзинь (1206–1368), Гл. XXIII, № 4, Разд. 五行志, с. 3а.

спросили крестьян о причине, те ответили: «Вчера в полдень большой дракон упал с неба. Он был немедленно обожжен земным огнем и улетел. Ибо чего боится дракон, так это — огня»¹⁸⁶.

Б. Мертвые драконы.

Когда драконы, раненные в битве, падали вниз и умирали, это считалось очень плохим предзнаменованием. *Книги династии Хань*¹⁸⁷ описывают следующий случай: «В день *жэнь-цзы* шестого месяца седьмого года эры Янь-хи (164), при императоре Хуане был дракон, который умер на горе Е Ван в Хо—нэе (один из районов того периода). В длину он был несколько десятков *чжан*. Сян Цзэй пришел к следующему мнению: «Учитывая, что дракон — счастливый символ императора, или царя, и что в *И лунь да жэнь* говорится: “В эру Тянь-фэн (14—19) во дворце Хуан-шань был мертвый дракон. Войска Хань убили Мана (т.е. императора Ван Мана, в 22 г.), а Ши Цзы (т.е. Гуан У, первый император династии Восточная Хань) поднялся вновь (вступил на трон в 25 г.)”, этот знак должен быть сигналом смены (династий)’. В 25 году эры Цзянь-ань (220) император Вэнь династии Вэй сменил дом Хань».

В пятый год эры Цзянь-дэ (576), при династии Поздняя Чжоу, черный дракон упал с небес и умер. Дракон — символ правителя, черный — цвет династии, а падение и смерть — самые несчастливые знаки¹⁸⁸. Таким образом, это было предсказание смерти императора, случившейся два года спустя (578), и падения династии (581), что было также объявлено битвой драконов, описанной выше.

В. Драконы, появляющиеся во внеурочное время.

Когда драконы появлялись во внеурочное время, они были предвестниками зла, отнюдь не предвещаями счастья. Не в должное время появляется дракон, если сам Сын Неба не соответствует Дао, приводя этим в беспорядок и Дао Небес, и Дао людей. Так было с императором Кун Цзя древней династии Ся за двадцать веков до появления Христа. Сыма Цянь¹⁸⁹ пишет об этом монархе следующее: «Император Кун Цзя, взойдя на трон, полюбил дела *гуэй* и *шэнь* и был беспорядочен (в своем поведении, т.е. нарушал Дао). Поскольку добродетель правителей Дома Ся уменьшалась, провинциальные правители поднимали бунты. Небо послало вниз двух драконов, женского и мужского пола. Кун Цзя не мог кормить их; он не нашел семейства, способного ухаживать за драконами¹⁹⁰. Поскольку Тан из Дао (т.е. дом императора Яо) пришел в упадок, одним из его наследников был Лю Лэй, научившийся у семьи, ухаживавшей за драконами, как их приручать, дабы служить Кун Цзя. Кун Цзя жаловал ему фамильное имя Юй—лун (Правитель—драконов), и он стал преемником власти от Ши Вэя. Первый дракон женского пола умер, (после чего) он взял его и дал съесть императору. Поскольку Его Величество приказал сыскать (дракона), Лю Лэй испугался и бежал. Кун Цзя умер, и его сын, император Гао, вступил на трон».

Другой вариант той же легенды, по которой Император Небес подарил Кун Цзя две группы драконов, за которыми ухаживал Лю Лэй, покуда один не умер и не был поднесен, как пища, Его Величеству, мы находим в отрывке из *Цзо чжуань*, который частично процитируем в Главе IV, § 8, в связи с тем, как семейство, ухаживавшее за драконами, получило это имя от императора Шуня. Однако, что касается нынешнего предмета нашего рассмотрения, а именно — недобрых предзнаменований от появления драконов во время, когда Дао оказывается нарушенным, то мы можем привести другой отрывок из *Исторических Записок*, где падение династии Ся прямо связывается с появлением двух драконов. Там мы читаем следующее: «В третьем году (его правления) (779 до н.э.) Цзин Ю сильно полюбил Бао Сы *вэи*. Бао Сы родила сына, Бо Фу, и Цзин Ю возжелал лишить наследного принца его статуса. Матерью наследного принца была дочь правителя Чжэнь, царица. После, когда Цзин Ю приблизил Бао Сы

¹⁸⁶ *Гуэй синь цза ши*, 癸辛雜識 (см. De Groot, *Rel Syst.*, Vol. II, p. 399: «собрание разных разностей Чжоу Ми»), 周密 в первой части четырнадцатого века), цит. в T.S., Разд. 蟲, Гл. 130, 龍部紀事三 p. 8b:

¹⁸⁷ *Сю Хань шу*, Гл. XVII, Разд. 五行, № 5, 龍蛇孽 с. 2a.

¹⁸⁸ *Books of the Sui Dynasty*, Sect 五行志.

¹⁸⁹ *Исторические Записки*, Гл. II, 夏本紀 яп. изд. с комментариями и примечаниями, 史記評林(八尾版), т. II, Гл. II, с. 21b. См. пер. Шаванна, т. I, с. 168.

¹⁹⁰ *Хуань-лун ши*.

и стал любить ее, он возжелал устранить царицу Чжэнь и, одновременно, услатить прочь наследного принца И Цю, (чтобы) сделать Бао Сы царицей, а Бо Фу — наследным принцем. Великий астролог Чжоу, Бо Ян 伯陽, прочитав исторические записи, сказал: “(Дом) Чжоу пропал”».

Далее следует разъяснение, отчего астролог был столь пессимистичен. Шаванн¹⁹¹ указывает, что следующее далее заимствовано из *Го-юй*¹⁹², одной из многих работ, использованных Сыма Цянем. «В стародавние времена, когда правители династии Ся пришли к упадку (своего достоинства и власти), были два божественных дракона, которые остановились в императорском дворце и сказали: ‘Мы — два правителя Бао’. Император попытался выяснить с помощью гадания, следует ли ему их убить, отослать прочь, или оставить, но ни на один из этих вопросов он не получил благоприятного ответа. Когда он бросил жребий с вопросом, следует ли ему просить (драконов) дать ему их пену, чтобы убрать ее прочь, ответ был положительным. Тогда был расстелен кусок материи, и им сделано письменное предложение. Драконы исчезли, а их пена осталась; она была помещена в коробку и убрана. Когда династия Ся пала, эта коробка перешла к (дому) Инь; когда пал (дом) Инь, она вновь перешла к (дому) Чжоу. На протяжении правлений этих трех династий никто не осмелился ее открыть, однако в конце правления царя Ли ее открыли и заглянули внутрь. Пена разлетелась по дворцу и ее невозможно было убрать. Царь Ли приказал своим женам раздеться и кричать (нагими) в унисон на пену. Пена превратилась в черную ящерицу¹⁹³ и в этом обличье скрылась в дальних (женских) покоях дворца. Молодая наложница гарема, достигшая возраста, когда выпадают молочные зубы (семи лет), встретила ее. Когда она достигла возраста, когда молодые девушки вставляют в волосы заколку (т.е. пятнадцати лет, возраста замужества), она забеременела. Не имея мужа, она родила ребенка, которого со страху выбросила. Во времена царя Сюаня (сына царя Ли) маленькая девочка пела песню с такими словами: ‘Лук из дикого тутовника и колчан из тростника непременно уничтожат династию Чжоу’. Царь Сюань услахал это и, поскольку там была женатая пара, продававшая такие принадлежности, приказал схватить их и предать смерти. Однако, они сбежали и на дороге увидели лежащего младенца, которого только что выбросила молодая наложница из гарема. Услыхав его плач в ночи они сжалились и взяли его с собой. Затем мужчина и его жена бежали в (землю) Бао. Люди Бао, совершив некое преступление, испросили (разрешения) подарить царю девочку, которую выбросила молодая наложница, дабы загладить свой проступок. (Таким образом,) девушка пришла из Бао и была названа Бао Сы. В третий год правления царя Ю он пошел в гарем, увидел Бао Сы и влюбился в нее. Она родила сына, Бо Фу. Наконец, царь отстранил царицу Чжэнь и наследного принца и сделал Бао Сы царицей, а Бо Фу — наследным принцем. Великий астролог Бо Ян сказал: “Несчастье полное; помочь нельзя ничем”».

Затем мы читаем, что император, всеми способами старавшийся заставить женщину засмеяться, смог добиться этого лишь подав ложный сигнал о нападении неприятеля, в ответ на который его правители прибыли в спешном порядке. Это заставило Бао Сы залиться смехом, однако это же послужило причиной смерти императора и падения династии, потому что, когда действительно напали враги, правители, которых царь несколько раз обманывал ложными сигналами тревоги, на этот раз не пришли ему на помощь. И вот, царь был убит, Бао Сы взята в плен, а сокровища дома Чжоу захвачены силой. Японские легенды гласят, что Бао Сы переродилась в XII в., как Тамамо-но маэ, наложница императора Коноэ, или Тоба, которая обратилась в лису¹⁹⁴.

Ясно, что в приведенных отрывках драконы являлись предвестниками несчастий, поскольку император не ходил в соответствии с Дао.

В 553 г. видели, как дракон поднимается рядом с императорским дворцом, а на следующий год огромная черная змея поднялась в небо из дворцового рва, распространяя пронзительный свет и сопровождаемая маленькой змеей. Основываясь на этом видении было предсказано несчастье, и император

¹⁹¹ *Les Memoires Historiques de Se-ma Ts'ien*, Vol. I, p. 281, cf. *Introduction*, Chap. III, pp. CXLVII, sqq.

¹⁹² 国語, «Речи царств», часто называемые «Внешним комментарием» к *Чунь цю* и приписываемые автору *Цзо Чжуань*.

¹⁹³ 玄龜, *сюань юань*. Шаванн (с. 282, прим. 5) замечает, что *юань*, означающий *черепаху*, или *ящерицу*, должен восприниматься во втором смысле, так как некоторые тексты дают 蜃, *ящерица*.

¹⁹⁴ См. мою работу “*The Fox and the Badger in Japanese Folklore*”, *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. XXXVI, Part 3, pp. 51 sqq.

попробовал отвратить беду, жертвуя деньгами¹⁹⁵, используя магию, буддийские молитвы и милостыню; но ничто не помогло, и в конце того же года он был убит¹⁹⁶.

В *Истории династии Ляо*¹⁹⁷ говорится: «[В первом году эры Тянь-сянь (926)] император (Тай-Цзы, 907—926) остановился в Фу-юй-фу и не предпринял никаких предосторожностей. В тот вечер большая звезда упала у его палатки, и в день *синь-сы*, когда он захватил замок Дань-цзы, император увидел желтого дракона, свивающегося и развивающегося, около мили в длину. Яркость исходившего от него света слепила глаза; он заполнил временное жилище императора. Пурпурный и черный пар скрыл небо и оставался висеть целый день, а затем рассеялся. В тот же день император умер».

Иногда появление дракона являлось знаком надвигающегося бедствия в виде наводнения. Таков был случай, произошедший в 967 г., в соответствии с *Книгами династии Сун*¹⁹⁸. Там мы читаем следующее: «Летом пятого года эры Цзянь-дэ (967) в столице шел дождь, и появился черный дракон. Его хвост был на границе облаков, а летел он с северо-запада на юго-восток. Гадатели разъяснили, что это — (знамение) большого потопа. На следующий год в двадцати четырех префектурах вода разрушила рисовые поля и дома».

Г. Драконы, появляющиеся в несоответствующих местах.

Если дракон, символ императорской власти, родится в доме простолюдина, или появится из его колодца, это — очень плохое предзнаменование для династии, лично для императора, или одного из его высокопоставленных подчиненных, ибо означает низведение с высших позиций до положения обычного подчиненного и смерть правителя, или одного из его представителей.

*Книги Династии Цзинь*¹⁹⁹ содержат следующий отрывок: «В правление Сунь Хао династии У (четвертый и последний император этой династии, 242—283), в эру Тянь-цзе (275—276) (в доме) семейства Чан—ша появился дракон и стал есть цыплят. Цзинь Фан²⁰⁰ говорит в *И-яо*²⁰¹: ‘Если дракон появляется в доме человека, царь станет простолюдином’. Позже Хао подчинился (династии) Цзинь».

В том же отрывке²⁰² мы читаем следующее. «При императоре Мин династии Вэй (227—239), в первом году эры Цин—лун (233), в день *цзя-шэнь* первого месяца синий дракон появился в колодце в Мо-по — (месте в) пригороде. Когда счастливый знак проявляется в неполюженном месте, он обращается несчастьем. Насколько же более это верно, когда (дракон) — в колодезных струях! Это не есть счастливое предзнаменование! Неверно поступил Вэй, изменив по этому поводу название эры. Юй Ба говорит: ‘С конца правления императора Мин при династии Вэй появления синих и желтых драконов было знаками падения и становления ее правителей. Что касается судьбы земли Вэй, то синий — цвет дерева, и все же он не победит металл; это было знаком того, что желтый обретет трон, а синий потеряет его. Часто появление синих драконов означало, что достоинство правителя и судьба династии находятся во внутреннем конфликте друг с другом. Поэтому Гао Гуэй Сян Гун 高貴鄉公 (Цао Мао, 241—260, который в 254 г. стал четвертым императором династии Вэй) потерпел сокрушительное поражение в войне’».

«В соответствии с объяснением Лю Сяна²⁰³, дракон, символ достоинства, когда его заключали в колодце, означал бедствие, состоящее в том, что местного правителя вскоре тайно схватят. Во времена династии Вэй не было ни одного дракона, который не находился бы в колодце. Это было знаком грядущего».

¹⁹⁵ Драконы любят деньги, ср. Японскую работу *Сэйюки* 西遊記, (написана Татибана Нанкэем, 橘南蹊, в 1795–1797 гг.), *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XX, Гл. II, с. 259. Это было, вероятно, связано с их тягой к силе меди (см. ниже, Кн. II, Гл. III, § 3).

¹⁹⁶ *История Юга (Наньси, 南史)*, написана Янь Шоу, 延壽, жившем в первой половине седьмого века), Гл. VIII (梁記, 下).

¹⁹⁷ *Ляо ши, 遼史*, (906–1168), Разд. 太祖本紀、下, *Тай-Цзы бэнь цзи*, «Фундаментальная история (императора) Тай-Цзы», Гл. II, с. 6а.

¹⁹⁸ *宋書, Сун-шу* (960–1279), Разд. 五行志.

¹⁹⁹ *晉書* (265–420), Гл. XXIX, № 19, Разд. 五行志、下, с. 24а (龍蛇之孽).

²⁰⁰ 京房, знаменитый прорицатель первого века до н.э., упоминавшийся выше.

²⁰¹ 易妖

²⁰² *宋書*, Гл. XXIX, № 19, 五行志、上 с. 23b (龍蛇之孽).

²⁰³ 劉向 (80–9 до н.э.), знаменитый писатель и министр, см. Giles, *Biogr. Dict.*, p. 501, nr. 1300.

щих немилостей для тех, кто занимал высокие посты. Поэма о ‘Драконе, лежащем в глубине’, написанная Гао Гуэй Сян Гуном, означает именно это».

*Книги Ранней династии Хань*²⁰⁴ рассказывают о следующем. «Во втором году правления императора Хуэя (193), утром дня *хуэй*—ю первого месяца, двое драконов появились в колодце в (деревне) Ли-вэнь-лин, к востоку от дворца Лань-лин. Они были видимы до вечера дня *и-хай*; затем они ушли. Лю Сян придерживается следующего мнения: ‘Если дракон, символ достоинства, появляется в струях колодца простолюдина, это означает несчастье, состоящее в том, что местный повелитель будет тайно схвачен’. После вдовствующая императрица Люй тайно убила Чу, царя Сань Чжао²⁰⁵; также и Люй была в конце концов умерщвлена. Цзин-фан говорит в своем труде *И-чжуань* 易傳: ‘Когда имеющие достоинство встречаются с ущербом (т.е. умерщвляются), дурное предзнаменование тому состоит в появлении драконов в колодцах’. Далее он говорит: ‘В случаях казни, или яростной жестокости черные драконы появляются из колодцев’».

В «Биографии Чжан Вэньбяо из Чу»²⁰⁶ рассказана следующая история. «Когда Вэньбяо замышлял заговор и еще не определился (в своих планах), одному из его последователей приснился сон, в котором дракон свернулся над подбородком Вэньбяо. Вэньбяо сильно обрадовался и сказал: ‘Это — предзнаменование Небес’, (т.е. знак для меня — занять трон). Затем он определил свои планы, поднял войска, но потерпел поражение. Знающие люди сказали: ‘Поскольку дракон — божественное существо, а вышел из его подбородка, то был знак бедствия для него, о том, что его *шэнь* (душа) отойдет’». И здесь дракон появился в неподобающем месте.

§ 3. Драконы—лошади.

В *Ли-цзи*²⁰⁷ сказано: «(Река) Хо выслала вперед лошадь с картой (на спине)». Это была «Карта Реки», по модели которой Фу—Си сконструировал восемь *гуа* (八卦), пентаграмм для гадания. *Шу-цзин*²⁰⁸ упоминает эту карту среди драгоценных предметов, представленных ко двору в 1079 г. до н.э. Легге²⁰⁹ упоминает о ней во Введении к *И-цзин* в связи с хорошо известным местом в *Приложении* к этому классическому труду²¹⁰, где говорится: «Хо выдал схему, или карту, а Ло выдал написание; святыне скопировали (и то, и другое)». По одному из комментаторов к *И-цзин*, «вода из Хо произвела лошадь—дракона; на ее спине были волнистые волосы, похожие на карту со звездными точками. Вода из Ло произвела божественную черепаху; на ее спине были расколотые жилки, похожие на картинки-иероглифы». Эта идея, очевидно основанная на вышеприведенном отрывке из *Ли-цзи*, стала общим местом в позднейшее время, и *Сань цай ту хуэй*²¹¹ приводит картину такой лошади—дракона. Что касается *Приложения* к *И-цзин*²¹², цитированного Сыма Цянем в его «Истории трех правителей»²¹³, то там не упоминаются ни река, ни лошадь, но просто говорится, что Фу—си был первым, кто начертал восемь пентаграмм.

В *Шуй ин ту*²¹⁴ дается следующее описание лошади—дракона: «Это — доброжелательная лошадь, жизненный дух речной воды. Ее высота — восьми *чи*, пять *цунь*; ее шея длинная, а тело покрыто чешуей. У ее ног — крылья, по бокам свисает шерсть. Ее крик состоит из девяти тонов, она ходит по воде и не тонет. Она появляется во времена знаменитых правителей». Это напоминает нам описание, данное

²⁰⁴ Гл. XXVII, Разд. 五行志, № 7.

²⁰⁵ См. Giles, L.1. p. 553, nr 1442, s.v. Lu Hou: “Чтобы обезопасить трон, она отравила принца Чжао, другого сына покойного императора от наложницы».

²⁰⁶ 楚張文表傳, цит. T.S., Гл. 129, 龍部紀事二, с. 14a.

²⁰⁷ Legge, *Sacred Books of the East*, Vol. XXVII, Book VII (Li yun), Sect. IV, nr 16, p. 392. Couvreur, *Li ki*, Vol. I, p. 536: 河出馬圖.

²⁰⁸ Legge, *Sacred Books of the East*, Vol. III, *Shu king*, Part V, Book XXII, p. 239.

²⁰⁹ *Sacred Books of the East*, Vol. XVI, Introduction, pp. 14 sqq.

²¹⁰ Appendix III, Sect. I, Ch. 11, § 73; Legge, l.1., p. 374; Ch. V, 繫辭上傳、券三, p. 14b: 河出圖洛出書、聖人則之.

²¹¹ 三才圖會, написано Ван Ци 王圻, во времена династии Мин.

²¹² 繫辭, Гл. XV, с. 4, перевод Легге, с. 382.

²¹³ *Сань-хуань бэнь-цзи*, 三聖本紀補史記, 司馬遷, с. 1b; перевод Шаванна, т. I, с. 6.

²¹⁴ 瑞心圖, написана до времени династии Чань (557—589) Сунь Жучжи, 孫重之, и цитируется в *Тянь чжун цз и ть* 天中記, (написана при династии Мин Чэнь Яовэнем, 陳耀文), Гл. LV.

Кун Аньго²¹⁵ в его комментарии к *Шу-цзин*²¹⁶, где сказано: «Лошадь—дракон — жизненный дух Неба и Земли. В качестве существа, его форма состоит из лошадиного тела, однако у него драконья чешуя. Поэтому зовется ‘лошадью—драконом’. Его высота — восемь *чи*, пять *цунь*. У настоящей лошади—дракона по бокам крылья, и она ходит по воде и не тонет. Если на троне — святой, она выходит из середины реки Мин, неся на спине карту».

В *Тун цзянь бянь вай цзи*²¹⁷, где упоминается этот отрывок, говорится: «Во времена Тай Хао (т.е. Фу—си) было доброе предзнаменование, когда лошадь—дракон с картой на спине вышла из реки Хо. Поэтому при раздаче званий чиновникам он стал расставлять их с помощью дракона и называл их ‘драконовыми чиновниками’». Относительно этих титулов мы читаем в «Анналах трех правителей»²¹⁸: «Ему (Фу—си) был благоприятный знак от дракона; с помощью дракона он расставил чиновников и назвал их ‘драконьими чиновниками’». В *Цзо—чжуань*²¹⁹ говорится о том же в простом отрывке с приведением титулов чиновников первых императоров.

В *Тай—пин юй—лань*²²⁰ описывается лошадь—дракон, появившаяся в 741 г. и считавшаяся добрым предзнаменованием для императора. Она была покрыта синими и красными пятнами и чешуей. Ее грива напоминала драконью, а ржание походило на звуки флейты. Она могла пробегать по триста миль. Ее мать была обычной лошадью, забеременевшая оттого, что напилась воды из реки, в которой купалась. Это совпадает с написанным в *Шуй ин ту*, цитированной выше, о драконьей лошади, как жизненном духе речной воды. Та же лошадь описывается следующим образом в гораздо более поздней работе²²¹: «Лошадь с драконьей чешуей, хвостом огромного змея, кудрявой шерстью, круглыми глазами и мясистой холкой». Когда император бежал из столицы на запад, эта лошадь вошла в реку, обратилась драконом и уплыла.

Другая лошадь—дракон, появившаяся в 622 г., имела чешуйчатое драконье тело с пятицветными пятнами и лошадиную голову с двумя белыми рогами. Во рту она держала предмет длиной в три—четыре *чи*. Эту лошадь видели на реке; она прошла около ста шагов по поверхности воды, оглядываясь по сторонам, а затем исчезла²²².

Наконец, мы можем вспомнить отрывок из *Ши и цзи*²²³, где мы читаем, что император Му династии Чжоу в тридцать втором году своего правления проехал по миру в повозке, которую тянули восемь крылатых лошадей—драконов²²⁴.

§ 4. Геомантия.

Так называемая *фэн—шуй* (風水, «ветер и вода») представляет собой геомантическую систему, распространенную в Китае с древности и по сей день. Тигр и дракон, боги ветра и воды, являются ключевыми элементами этой доктрины. Мне кажется излишним подробно ее рассматривать, поскольку профессор де Гроот²²⁵ дал достаточно полное описание ее происхождения, элементов, значений и влия-

²¹⁵ 孔安国, знаменитый ученый времен правления ханьского императора У (140—85 до н.э.), который в 97 г. до н.э. транскрибировал древние таблички, обнаруженные в стене дома семейства Конфуция и написал к ним комментарий. См. Предисловие Легге к его переводу *Шу—цзин*, Sacred Books of the East, Vol. III, p. 8.

²¹⁶ Разд. 履命; цит. в T.S., Разд. 蟲, Гл. 128, 龍部紀事— с. 1b.

²¹⁷ 通鑑前編外紀, «дополнительные писания», принадлежащие «Предшествующей части» *Цзы—чжи тун цзянь*, 資治通鑑綱目, «Хронологическое обозрение Зеркала Истории, составленное для помощи Правительству», императорское издание 1707 г., основанное на *Цзы—чжи тун цзянь*, написанной Сыма Гуаном, 司馬光, между 1065 и 1084 г. Она содержит три части: 前編, от времен Яо до 402 г. до н.э.; основная часть (402 г. до н.э.—960); Приложение (960—1367).

²¹⁸ С. 2а; Шаванн, т. I, с. 7: 有龍瑞。以龍紀官、號日龍師。

²¹⁹ Книга X, год XVII (17-й год правителя Чжао); Legge, *Chinese Classics*, Vol. V, Part II, pp. 666 sq.

²²⁰ 太平御覽, «Труд по императорскому разбору событий периода Тай—пин», составленный императорским комитетом из тринадцати ученых под руководством государственного чиновника Ли Фана, 李昉, в 983 г. По De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, Introd, p. X, эта энциклопедия содержит лишь то, что император (Тай—цзун) оставил для непосредственного опубликования, тогда как *Тай—пин гуан цзи*, 太平廣記, «Обширные записи периода Тай—пин», переизданные около 1566 г., состоят лишь из тех частей, что были исключены императором. Гл. 435, цитирующая *Сюань ши чжи*, 宣室志, написанный в IX—м веке Чжан Ду, 張讀.

²²¹ *Юань цзянь лэй хань*, 淵鑑類函, написана в 1710 г. Чжан Ином, 張英 и другими; Гл. 433.

²²² *Тай—пин юй—лань*, Гл. 435.

²²³ 拾遺記, написано в 357 г. Ван Цзя, 王嘉; Гл. III, с. 1а.

²²⁴ 王馭人龍之駿。身有肉翅。

²²⁵ De Groot, *Religious System of China*, Vol. III, Ch. XII, pp. 935—1056.

ния. «Это, – пишет он, – квазинаучная система, предназначенная для обучения людей такому построению могил, храмов и жилищ, чтобы мертвые, боги и живые были помещены исключительно, либо — насколько это возможно, под благоприятным влиянием Природы». Дракон играет самую важную роль в этой системе, являясь «главным духом воды и дождя», и, одновременно, представляя собой одну из четырех сторон вселенной (т.е. восток, именуемый Лазурным Драконом²²⁶, а также первый из сезонов, весну). «Слово *Дракон* включает в себя смысл всех возвышенностей, а также водных потоков, берущих там свое начало, или протекающих по ним. Таким образом, то, что подразумевается в многочисленных книгах по *фэн-шуй*, озаглавленных “Правила относительно Дракона” (龍法), это в действительности учения о расположениях и контурах гор и холмов, а также о направлении водных потоков».

Наконец, мы можем процитировать следующий отрывок из той же работы: «Процветание Амоя единодушно объясняется всеми мудрецами города наличием двух холмов, стоящих на флангах внутренней гавани, называемых в народе *Хо-тао соа* (虎頭山), или “Холм Тигриная Голова” и *Лин-тао соа* (龍頭山), или “Холм Драконья Голова”. Последний, располагающийся на противоположном берегу, на островке Кулангсу, увенчан огромными булыжниками, сложенными фантастическим образом, на которые профессора поместили несколько гранитных блоков, дабы помочь воображению представить на этом месте фигуру дракона. Затраты на эти перемещения взяли на себя некоторые обеспеченных граждане, желавшие еще более увеличить свое благосостояние, и жители города». «Гора Драконья Голова» упоминается в *Синь ши Сань Цинь цзи*²²⁷, где мы читаем следующее: «Гора Драконья Голова 60 миль в длину; ее вершина входит в воду Вэй (большой приток Желтой реки), ее хвост достигает реки Фань. Высота ее головы — 20 *чжан*, хвост постепенно спускается вниз до высоты пяти, или шести *чжан*. Говорят, что в древности был странный дракон, который выходил из южной стороны горы, чтобы пить воду из Вэй. Путь, которым он шел, превратился в гору глины, и поэтому (гора) была названа в его честь».

Как мы увидим ниже²²⁸, и в Японии большое количество названий гор указывают на те же идеи относительно связи гор с драконами.

²²⁶ Четыре стороны света называются: Лазурный Дракон (Восток), Красная, или пунцовая Птица (Юг), Белый Тигр (Запад), Черная Черепаха (Север) (De Groot, l. l., Vol. I, p. 316).

²²⁷ 辛氏三奏記, «Анналы трех государств Цинь, записанные Синем», цитируются в T.S., Разд. 蟲, Гл. 128, 龍部紀事一, с. 13а.

²²⁸ Книга III, Гл. IX, § 2, А.

ГЛАВА III.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ.

§ 1. Огромные боги гор, испускающие свет.

В *Шань хай цзин*²²⁹ следующим образом описывается бог горы Чжун: «Бога горы Чжун называют 'Освещающим Тьму'. Взглянув (т.е. открывая глаза), он создает дневной свет, а закрыв глаза — ночь. Дунув он делает зиму, выдохнув — лето. Он не ест, не пьет, не отдыхает. Его дыхание вызывает ветер. Он тысячу миль в длину. Он пребывает к востоку от У-ци ('Без Внутренностей'). Как живое существо, он имеет человеческое лицо, тело змеи и красный цвет. Он живет у подножья горы Чжун». Комментатор Гэ По²³⁰ объясняет этот отрывок следующими словами: «'Освещающий' — дракон; он освещает девять *инь* (темных мест, т.е. девять точек по компасу на обратной, темной стороне земли, представляющей собой плоский диск; это: Север, Юг, Запад, Восток, северо—восток, северо—запад, юго—восток, юго—запад и Центр)». По *Хуай нань цзы*, это «бог с человеческим лицом и телом дракона, но без ног»²³¹.

Мы можем процитировать здесь отрывок из *Тун мин цзи*²³², труда, написанного в начале нашей эры, о котором де Гроот²³³ упоминал следующим образом: «В *Тун мин цзи* говорится, что в 99 году до н.э. император У собрал магов и ученых людей, из которых Дун Фансо сказал так: 'Я путешествовал на Северный полюс с пришел к горе, увенчанной огнем, которую никогда не освещает ни солнце, ни луна, но которая вся залита светом факела, который держит в зубах синий дракон'».

Поскольку дракон полон *Ян*, вполне логично, что он рассеивает свет, как мы видели выше (Гл. II, § 1). В *И-линь*²³⁴ сказано: «Черный дракон изблевывает свет и делает так, что Тьма (*Инь*) превращается в Свет (*Ян*)».

§ 2. Характер драконов.

В философском труде Гань Чжуна, озаглавленном *Гань-цзы*²³⁵, «Философ Гань», мы читаем следующее: «Те, кто, спрятанные во тьме, могут жить, или умирать, это *ши* (著, растение, стебель которого используется для гадания), черепахи и драконы. Черепаха рождается в воде; она открывает все, (что знает), в огне и затем становится первой из всех созданий, регулятором бедствий и счастья. Дракон в воде покрывает себя пятью цветами. Поэтому он — бог (*шэнь*). Если он желает стать маленьким, то принимает форму шелковичного червя, а если желает стать большим, то лежит спрятанным в мире. Если желает подняться, то рвется в облака, а если желает опуститься, то входит в глубокий колодец. Тот, чьи превращения не ограничены днями, чье восхождение и снижение не ограничено временем, зовется богом (*шэнь*)».

²²⁹ 山海經, очень старый классический текст, Разд. 海外北經(№8), с. 1b

²³⁰ 郭璞(умерший в 322 г.; автор *Шань ха й цзин ту цзань*, 山海經圖讚)

²³¹ 其神人面龍身而無足, цит. в Комментарии 1.1.

²³² 洞冥記, Гл. III.

²³³ *Rel. Syst.*, Vol. VI, p. 1167.

²³⁴ Разд. 蟲, Гл. 130, 龍部雜錄, с. 3а.

²³⁵ 管子, приписываемый Гань Чжуну, 管仲, умер в 645 г. до н.э. Гл. XV, с. 4, № 39

Философ Хань Фэй²³⁶ говорит: «Ах, дракон, как животное, столь мягок, что к нему можно приблизиться (подружиться с ним, т.е. приручить его) и ездить на нем. Однако, под горлом у него есть чешуйки, лежащие в противоположном направлении, одного *чи* в диаметре. Если человек дотронется до них, то дракон непременно его убьет».

Классики учат нас, что дракон относится к четырем созданиям с самым большим содержанием *лин* (靈), т.е. чья *шэн* проявляется сильнее всего. *Эр я и*²³⁷ идет еще дальше и утверждает, что дракон из всех созданий обладает самым большим количеством *лин*. По *Шуй ин ту*²³⁸, «желтый дракон представляет собой квинтэссенцию *шэнь* и является главой четырех драконов. Если царь не осушит пруды и озера, их воды могут войти в глубокие бассейны, и желтые драконы, следуя своей природе, плавают в прудах и озерах».

Люй Бувэй²³⁹ описывает следующее: «Конфуций говорил: ‘Дракон (*лун*) ест то, что чисто, и перемещается в том, что чисто²⁴⁰. *Чжи* (螭) ест то, что чисто и перемещается в том, что грязно. Рыба ест то, что грязно, и перемещается в том, что грязно. Я же, в возвышении, не достигаю дракона (т.е. я не столь высокое существо, как дракон), а в нисхождении не дохожу до рыбы (т.е. не такое низкое создание, как рыба). Я (подобен) *чжи*’».

*Хуай нань цзы*²⁴¹ заходит так далеко, что объявляет дракона источником всех существ, как становится ясно из следующего отрывка: «Все создания — крылатые, волосатые, чешуйчатые и бронированные, происходят от дракона. Юй-цзя (羽嘉) произвел летающего дракона, летающий дракон произвел феникса, а после них по очереди родились *луань-няо* (鸞鳥) и все птицы, вообще — крылатые существа. Мао-ду (毛犢, “шерстистый теленок”) произвел *ин-лун* (宓), *ин-лун* породил *цзянь-ма* (建馬), а после *ци-лин* (麒麟) и всех четвероногих, вообще — шерстистых животных. *Цзе-лин* (介鱗) произвел *цзяо-лун* (蛟龍), *цзяо-лун* породил *гунь-чжэн* (鯢鯁), а после *цзянь-се* (建邪), всех рыб и чешуйчатых. *Цзе-тань* (介潭) произвел *сянь-лун* (先龍), *сянь-лун* родил *юань-юань* (元龜, «изначальную черепаху»), а после *лин-гуэй* (龜靈, «черепаху, проявляющую божественную силу») и всех черепах, вообще — всех панцирных». Тот же автор говорит, что «люди не могут видеть, как поднимается дракон; ветер и дождь помогают ему подняться до огромных высот»²⁴².

*Да дай ли цзы*²⁴³ утверждает, что «сущность чешуйчатых животных называется драконом», и что «дракон не поднимается, когда нет ветра».

В *Исторических Записках*²⁴⁴ мы читаем цитату из *Чжуан-цзы*²⁴⁵, где Конфуций, поговорив с Лао-цзы, заявляет: «Что касается драконов, то мы не можем постичь — как они восседают на ветре и облаках и возносятся на небо. Сегодня я видел Лао—цзы; разве он не похож на дракона?»

По *Ли-я*²⁴⁶, «ни одно из животных не столь мудро, как дракон. Его благословенная сила не ложна. Он может быть меньше меньшего, больше большего, выше высшего и ниже низшего. Поэтому, по *И-цзин*, Цзянь (乾, первая гексаграмма) с помощью дракона правит Небом, а Гунь (坤) с помощью лошади правит Землей; дракон — небесный вид существа, а лошадь — земной».

Ли Даюань²⁴⁷ в комментарии к *Шуй-цзин* утверждает, что выражение «рыбы и драконы считают осенние дни ночью» означает, что «после осеннего равноденствия драконы спускаются, впадают в спячку и спят в прудах».

²³⁶ Хань Фэй цзы, 韓非子(IV-й век до н.э.), Гл. IV, № 12, 說難 с. 9а

²³⁷ 爾雅翼, Приложение к *Эр я* (словарь, датированный, предположительно, дохристианской эпохой, см. De Groot, *Rel. Syst.* I, 302), «подробное уточнение этого старого словаря рукой Ло Юаня, 羅願 значительной фигуры второй половины XII-го века.» (De Groot, *l. l.* IV, p. 166); Разд. 積龍: 物之至靈者也。

²³⁸ S.v. 黃龍, Желтый Дракон

²³⁹ 呂不韋, названный отец Ши Хуана, основателя династии Цинь (249–206 до н.э.), в работе под названием *Люй-ши чунь-цю*, 呂氏春秋 «Анналы Люй»

²⁴⁰ 龍食乎清而游乎清.

²⁴¹ 淮南子, «Философ из Хуай-нань», т.е. Лю Ань, 劉安(умер в 122 г. до н.э.), Гл. IV, 地形訓, цит. в *Эр я и*, Разд. 積龍

²⁴² Гл. XVII, 說林訓. См. Гл. IX, 主術訓: «*Инь-лун* поднимается, восседа на облаках».

²⁴³ 大藏禮記, составлены Дай Дэ, 戴德, во время правления императора Сюаня династии Хань (73–49 гг. до н.э.); Гл. V, 曾子天圓 с. 7б.

²⁴⁴ Гл. LXIII, 老莊申韓列傳, с. 2а.

²⁴⁵ 莊子, (IV-й век до н.э.), Разд. 天運, Гл. III.

²⁴⁶ 埤雅, составлено Лу Дянем, 陸佃(1042–1102); Гл. I, 積魚, № 1 (龍), с. 1

²⁴⁷ 麗道元, жил во времена Северной династии Вэй (386–536), цит. в *Ли-я*, Гл. I, № 1 (龍), с. 2а

В *Эр я и*²⁴⁸ цитируется следующий отрывок из работы Ван Фу²⁴⁹: «Когда ожидают дождя, драконы кричат, и их крики похожи на звуки от ударов в медные тазы. Их слюна может производить все виды косметики. Их дыхание превращается в облака; с другой стороны, они предоставляют себя облакам, чтобы скрыть свои тела. Поэтому они невидимы. В настоящее время есть иногда люди у рек и озер, видящие один клык, или хвост (дракона), однако голову увидеть не удастся. Летом, после четвертого месяца, драконы разделяют между собой области, и каждый владеет своей территорией. В этом причина того, что на расстоянии в пару акров может быть совершенно различная погода: там дождь, здесь — ясное небо. Далее, часто идут тяжелые дожди, и те, кто рассказывают о них говорят: ‘Прекрасный увлажняющий дождь — небесный дождь; сильный дождь — драконий дождь’. Драконий огонь и человеческий огонь противоположны. Если драконий огонь соединяется с влажностью, он воспламеняется, а если встречается с водой — горит. Если прогнать его с помощью [человеческого] огня, он прекращает гореть, и его пламя исчезает».

*Пи-я*²⁵⁰ утверждает то же относительно драконьего огня, ссылаясь на *Нэй-дянь*, и в том же месте гласит²⁵¹: «Драконы также рождаются из яйца. Перед тем, как вылупиться, крик дракона мужского пола подымает ветер, а крик дракона женского пола умеряет ветер, поэтому ветер все время меняется... По народному верованию, жизненный дух дракона — в его глазах, из-за того, что он глухой. В «Беседах о самопроизвольных случаях Инь и Ян»²⁵² сказано: ‘Ученики *ли-лун* 驪龍 видят горчичное зернышко, или соломинку на расстоянии в сто миль’. Далее сказано ‘Дракон может делать (букв. “изменять”) воду, человек может делать огонь’. Далее: ‘Дракон не видит камней, человек не видит ветра, рыба не видит воды, демон не видит земли’. Сунь Чоцзы²⁵³ говорит: ‘Гао Цзы (вероятно — император династии Хань, правивший 206–159 гг. до н.э.) ездил в повозке, запряженной драконами, Гуан У (правил 685–717) ездил в повозке, запряженной тиграми’».

§ 3. Что любят и чего не любят драконы.

В *Эр я и*, в отрывке о Ван Фу, указанном выше, сказано: «Что касается его характера, как существа, то природа дракона груба и жестока; все же, он боится железа и любит драгоценные камни и *кун-цин*²⁵⁴, ему также нравится мясо жаренных ласточек. Поэтому те, кто ел ласточек, не должны пересекать море. Далее он (Ван Фу) говорит: «*Цзяо-лун* 蛟龍 боится листьев *Melia Azederach*²⁵⁵ и пятицветной шелковой нити. Поэтому со времен династии Хань (и до наших дней) те, кто делает подношения Цюй Юаню²⁵⁶, беруг пятицветную шелковую нить и ею связывают листья *Melia Azederach*. У древних были семейства погонщиков драконов²⁵⁷ и управляющих драконами²⁵⁸, обращавшихся с ними, зная то, что они любят и чего не любят».

²⁴⁸ Разд. 積龍, цит. в Т.С., Разд. 蟲, Гл. 127, 龍部彙考 с. 6b

²⁴⁹ 王符; жил во времена династии Хань. Автор *Цянь фу лунь*, 潜夫論; однако этот отрывок, очевидно, процитирован из другой его работы, т.к. я безуспешно пытался найти его в *Цянь фу лунь*.

²⁵⁰ Гл. I (積魚), № 1 (龍), с. 2b.

²⁵¹ Там же, с. 1a, 2a.

²⁵² Та же работа цитируется в *Бэнь-цао ган-му*, Гл. 43, с. 40, с названием: *Инь-ян бянь-гуа лунь*, «Беседы о случаях Инь и Ян». То, что она цитируется в *Пи-я*, удостоверяет ее датировку XI—м веком, или более ранним периодом.

²⁵³ Знаменитый поэт IV—го века.

²⁵⁴ 空青, т.е. *Инь-ши*, 陰石, «Камень Тьмы».

²⁵⁵ 楛, «дерево с цветами, подходящими на лилии, ‘*Melia Azederach*’, или ‘гордость Индии’; эти цветы любит феникс, но дракон их избегает» (Wells Williams, *Chin. Dict.*, p. 536, s.v.).

²⁵⁶ 屈原, т.е. Цюй Бин, 屈平 министр государства Чу (楚), живший около 314 г. до н.э., автор знаменитой поэмы *Ли сао*, 離騷. Поскольку царственный повелитель не последовал его совету, он утопился в реке Бо-ло. Каждый год, 5-го числа 5-го месяца празднуется годовщина его смерти, ему делаются подношения из маленьких клецок, завернутых в листья, которые съедаются. См. De Groot, *Fetes annuelles a Etouei*, Vol. I, p. 313 sqq. Японский *Танго-но сэку*, 端午の節句, «Момент противопоставления» (*Инь* и *Ян*, т.е. летнее солнцестояние, с которым исходно это идентифицировалось) — тот же самый праздник. Это — праздник драконов, во время которого их призывают пролить благодатный дождь с помощью магических гонок на драконовых лодках. История о Цюй Юане, очевидно, более позднего происхождения, чем этот древний праздник.

²⁵⁷ 軒轅-лун, 夔龍.

²⁵⁸ Юй-лун, 御龍.

*Бэнь-цао ган-му*²⁵⁹, знаменитая эталонная работа по естественной истории и медицинским материям, написанная во второй половине XV в. Ли Шичжэнем, 孝時珍 гласит: «Малые писания (эссе) содержат следующее. Природа дракона груба и жестока, и все же он любит прекрасные камни и *кун-цин*, а также — (жаренных) ласточек. Он боится железа, растения *ван*²⁶⁰, многоножек²⁶¹, листьев дерева *лянь* (*Melia Azederach*) и пятицветной шелковой нити. Поэтому те, кто поел ласточек, остерегаются пересекать водные [пространства], а те, кто молится о дожде, используют ласточек; те, кто умиряет водяное бедствие (наводнение), используют железо, те, кто тревожит драконов (чтобы те послали дождь), пользуются растением *ван*, а те, кто делает подношение Цюй Юаню, используют листья *Melia Azederach* и цветную шелковую нить, заворачивают в них клецки и бросают в реку. Также, когда врачи пользуются костями дракона, они должны знать эти особенности характера драконов, то, что они любят, и что ненавидят».

Прекрасные камни напоминают нам об индийских драконах; морские жемчужины, разумеется, считались и в Индии, и в Китае, и в Японии особой собственностью морских богов в форме драконов. Что касается *кун-цин*, то он описывается, как полый камень с водой внутри, или жизненный дух (精, *цин*) меди. Ласточки также упоминаются, как пища *шэнь* (蜃). Те же описания можно найти в *Нань бу синь шу*²⁶², где мы читаем, что драконы боятся воска, и что их жир делает шелковые одежды водонепроницаемыми.

Что касается того, что драконы боятся железа, то мы можем упомянуть легенду, приводимую в *Тянь чжун цзи*, где читаем следующее. В 762 г. дамба на реке разрушилась, и каждый раз, когда ремонтные работы почти заканчивались, она рушилась вновь. Наконец, кто-то сказал, что во времена императора У династии Лян, (правившего с 502 по 549 г.), в подобном же случае под дамбу было закопано несколько тысяч фунтов железа, и после этого работу удалось завершить. Услышав эти слова, надсмотрщик за работами приказал сделать то же, и вот, теперь, когда железо было уложено, из—под земли больше не доносился громовой звук, он понемногу стих, и дамба была вскоре починена. «Причина могла заключаться в том, — говорит автор, — что глаза дракона повреждаются острой природой (букв. «вкусом») железа, или золота, и они убегают, чтобы сохранить глаза».

§ 4. Форма драконов.

Ван Фу говорит²⁶³: «Люди рисуют изображение дракона с лошадиной головой и змеиным хвостом. Далее, есть такие выражения, как ‘три соединения’ и ‘девять сходств’, а именно: от головы до плеча, от плеча до груди, от груди до хвоста, — таковы соединения; что касается сходств, то они следующие: рога напоминают олени, голова — верблюжьей, глаза — демона, шея — змеиную, живот — морского моллюска (*шэнь*, 蜃), чешуя — карпа, когти — орлиные, подошвы — тигриные, уши — совы. Над его головой находится нечто вроде широкого бугра (большая шишка), называемого *чи му* (尺木). Если у дракона нет *чи му*, он не может подняться в небо».

В *Ли я*²⁶⁴ говорится, что «81 чешуйка дракона образует число девять раз по девять. Девять — *Ян*. 36 чешуек карпа образует число шесть раз по шесть. Шесть — *Инь*».

В *Ян цзю мань лу*²⁶⁵ мы читаем: «У дракона пять пальцев».

²⁵⁹ 本草綱目, «Коллекция растений». 鱗部, Гл. 43, с. 1.

²⁶⁰ 網草, *ван-цао*, не упомянуто в Китайских словарях Wells Williams’a, Giles’a и Couvreur’a, но имеющееся в японском словаре *Канва дайджитэн*, 緩和大辞典, с. 1232, где мы читаем: “網, *бо*, *мо*, особая разновидность растений, напоминающая *avena* (“ласточкин овес”, также называемый *карасу-муги*, *avena fatua*), *миногомэ* (по словарю Brinkley, “*Beckmania ericaeformis*”); его семена используются в пищу». 網, *ко*, описывается здесь, как особая разновидность растения с красным стеблем и белыми цветами. Он напоминает *葵*, *аои* (алтей розовый; Wells Williams, p. 487: «подсолнечник; термин для некоторых мальвовых растений, как *Malva*, *Althea*, *Hibiscus*; также указывает на другие растения с большими листьями»). 網草, *ган-цао*, описано у Wells Williams’a (Dict., p. 319, s.v.), как «побеговое растение, *vitis ficifolia*, с белыми цветками и маленькими гроздьями, излечивающими глупость». Однако, *Бэнь-цао ган-му* дает 網, а не 網.

²⁶¹ 蜈蚣, *у-гун*.

²⁶² 南部新書, написано Цянь И, 錢易, во время поздней династии Сун; Гл. 辛.

²⁶³ Этот отрывок, цитируемый в *Эр я и*, разд. 積龍(T.S., Гл. 127, 龍部彙考, с. 6b) отсутствует в *Цянь фу лунь* Ван Фу.

²⁶⁴ Гл. I (積魚), № 1 (龍), с. 1a

²⁶⁵ Разд. 龍, цит. в T.S., Разд. 蟲, Гл. 127, 龍部彙考, с. 8a: 龍五指

Наконец, *Бэнь—цао ган—му*²⁶⁶ рассказывает нам, что «у дракона есть усы по сторонам рта и яркая жемчужина под подбородком; под горлом его чешуйки лежат в противоположном направлении; на макушке у него широкая шишка, на письме называемая *чи му*; если у дракона нет *чи му*, он не может подняться на небо. Его дыхание превращается в облака, а затем может изменяться в воду и в огонь (дождь и молнию)... В *Ши дянь* говорится: ‘Когда драконы совокупляются, они превращаются в маленьких змеек’».

§ 5. Драконы мужского и женского пола.

Различие между этими двумя видами драконов описывается так: «Рога дракона—мужчины волнистые, вогнутые, крутые; они сильные наверху, но становятся очень тонкими внизу. У дракона—женщины прямой нос, круглая грива, тонкие чешуйки и сильный хвост»²⁶⁷.

В *Чэн и цзи*²⁶⁸ говорится о художнике, очень хорошо умевшем рисовать драконов, но чью работу однажды раскритиковали мужчина и женщина. Они сказали, что он не отличает мужского дракона от женского, а в действительности они очень разные. Когда тот рассердился и спросил, откуда им это известно, они ответили, что сами являются драконами и хотят показать ему свое истинное обличье, после чего обратились в мужского и женского драконов.

§ 6. Различные виды драконов.

В *Шу и цзи*²⁶⁹ говорится: «Водяная змея (水虺, *шуй юань*) через пятьсот лет превращается в *цзяо* (蛟), *цзяо* через тысячу лет превращается в *лун* (龍), *лун* через пятьсот лет превращается в *цзе—лун* (角龍, «рогатого дракона») и, через тысячу лет, в *ин—лун* (兪龍)».

Однако, как мы видели выше, совершенно иное заявляет Лю Ань в своем труде *Хуай нань цзы*²⁷⁰, а именно, что «летучие драконы» являются отпрысками птицы *юй—цзя* 羽嘉 («усач крылатый»; вот отчего, гласит комментарий к этому отрывку, у драконов есть крылья); *ин—лун* есть производное от четвероногих, называемых *мао—ду* 毛犢 («волосатый теленок»); *цзяо—лун* происходит от рыбы под названием *цзе—лин* 介鱗; *сянь—лун* 先龍 — от броненосного животного *цзе—тань* 介潭; а *цзюй—лун* 屈龍 производит морское растение *хай—люй* 海閭. Когда желтый дракон, рожденный тысячу лет назад из желтого золота, входит в глубокое место, наружу вырывается желтый поток и, если из этого потока возникнут некие частицы²⁷¹, они превращаются в желтое облако. Таким же образом синие потоки и синие облака возникают от синих драконов, рожденных из синего золота восемьсот лет назад; красные, белые и черные потоки и облака — от красных, белых и черных драконов, рожденных из золота тех же цветов, тысячу лет назад.

*Бо я*²⁷² приводит следующее определение основных драконов: «Если у дракона есть чешуйки, он называется *цзяо—лун*; если есть крылья — *ин—лун* (兪龍); если есть рог — *цю—лун* (虬龍); если нет рогов — *чи—лун* (螭龍)». В японском буддийском словаре *Буккё ироха дзитэн* мы находим то же перечисление с добавлением пятого разряда, *пань—лун* (蟠龍), «свившийся дракон», который еще не поднялся на небе-

²⁶⁶ Гл. 43, 鱗之一、龍, с. 1а

²⁶⁷ *Гуан бо у чжи*, 廣博物志, «Расширенный Бо у чжи» позднего времени (1607), работы Дун Сычжана, 董斯張 (см. Wylie, p. 187). Сам *Бо у чжи* написан Чжан Хуа, 張華, жившим в четвертом веке, во времена династии Цзинь (265–420). Этот отрывок цитируется в *Вакан сансай дзюэ*, Гл. XLV, с. 674

²⁶⁸ 乘異記, написаны Чжан Цзюньфаном, 張君房, при династии Сун (960–1280).

²⁶⁹ Гл. 上, с. 6а

²⁷⁰ Гл. IV, 地形訓

²⁷¹ 埃, тонкая пыль.

²⁷² 博雅, Разд. 爵魚, Гл. X, с. 6b. Хотя *Бэнь—цао ган—му*, Гл. 43, 鱗之一, с. 6b, s.v., *kiao—lung*, цитирует текст таким образом (не упоминая, что он заимствован из *Бо я*), оригинал *Бо я* дает иные иероглифы для имен двух последних драконов. Эти иероглифы отсутствуют в словарях: 205-й радикал под 140-м и 多 в сочетании с 它; однако их произношение указано, как *цзю* (巨彪) и *чи* (恥支).

са. Этот дракон также упоминается в *Фан янь*²⁷³, где мы читаем: «Драконы, не поднимающиеся в небо, называются *пань-лун*».

В той же статье указанного японского словаря дается другое подразделение на пять классов, а именно: драконы-вороны, драконы-змеи, драконы-жабы, драконы-лошади и драконы-рыбы²⁷⁴. Это перечисление встречается в буддийском труде, *Сюй-мэн цан цзин*²⁷⁵, где мы читаем, что из этих пяти классов основной — драконы-змеи; они — «правильная разновидность драконов».

По *Вэнь-цзы цзи-лю*²⁷⁶, *чи-лун* (螭龍) — красный, белый и зеленый, а *цю-лун* (虬龍) — синий. Цю несколько раз упоминается в *Бао Пу-цзы*²⁷⁷: «Если осушить пруд, населенный рыбами и гавиалами, божественное *цю* уйдет»²⁷⁸. «Что касается летания по небу *цю* прудов, то это его единение с облаками»²⁷⁹. «*Цуй цю* ('зимородок-цю') не имеет крыльев, и все же летает вверх в небо»²⁸⁰. «Помести образ (т.е. изображение этого дракона) на поднос, и зимородок-*цю* взлетит в темной паровой дымке»²⁸¹. Последнее предложение указывает на магический обряд, который мы рассмотрим ниже (эта Книга, Гл. VI).

*Шуй ин ту*²⁸² говорит, что желтый дракон является главой четырех драконов, сущностью божественной силы проявления 神靈之精, что он может становиться большим, или маленьким, мгновенно появляться и исчезать; синий дракон — жизненный дух воды. Лазурный, синий, желтый, черный, белый и красный драконы, как добрые, или злые предзнаменования, как приносящие свет, или дождь, рассматривались выше.

Ниже (Гл. VI) будет изложена легенда об *ин-лун*, крылатом драконе, который, убив бунтовщика Чи Ю (первого в истории, поднявшего восстание в 2637 г. до н.э.), не мог вернуться на Южный Пик, где привык жить, из-за чего засуха стала частой.

Девятиглавый дракон с восемнадцатью хвостами упоминается в отрывке из *Лан сюань цзи*²⁸³, на который ссылается де Гроот²⁸⁴. Там сказано, что даосский доктор прочел такой заговор: «Я пришел с Востока и обнаружил на дороге пруд; в его водах жил почтенный дракон с девятью головами и восемнадцатью хвостами. Я спросил, чем он питается; он не ел ничего, кроме демонов, вызывавших лихорадку».

Далее, мы читаем о «маленьких каменных драконах», или «маленьких горных драконах», также называемых «весенними драконами»²⁸⁵, японских *токагэ*, или *имори* (ящерица), которые рождаются между камней в горах и получили название «маленькие драконы», так как когда-то (да и сейчас) считалось, что они могут своим дыханием вызывать град, а тем, кто молится им, даровать дождь²⁸⁶.

Связь между драконом и змеей очевидна из описания так называемого *тэн-шэ*, 騰蛇, бескрылого змея, «который может сгущать облака и, восседая на них, пролетает тысячи миль. Он может превращаться в дракона. Хотя среди них есть мужчины и женщины, они не спариваются. Их крик предвещает беременность»²⁸⁷».

²⁷³ 方言, «Местные термины», по де Грооту (*Rel. Syst.*, Vol. III, p. 1073), «маленький вокабуляр, составленный Ян Сюном, 揚雄, философом-этиком и государственным деятелем, умершим в 18 г.». Гл. XII, с. 7а.

²⁷⁴ 鳥龍、蛇龍、蝦蟆龍、馬龍、魚龍, *у-лун, шэ-лун, ся-ма-лун, ма-лун, юй-лун*.

²⁷⁵ 須彌 (Сумеру) 藏經, цит. в *Цянь-цюе цюй лэй шу*. См. Wylie, *Notes on Chinese Literature* (2nd ed.), p. 187.

²⁷⁶ 文字集略, словарь, цитируемый в *Вакан сансай дзюэ*, Гл. XLV, с. 675.

²⁷⁷ 拘朴子, написано Гэ Хуном, 葛洪, в IV-м веке.

²⁷⁸ 外篇, Гл. I, № 2 (逸民), с. 6b.

²⁷⁹ Там же, № 11 (貴賢), с. 28а. T.S., Разд. 蟲, Гл. 130, с. 4а, где цитируется этот отрывок, дает 階 вместо 階, что означает: «это — полет ступенек, образованных облаками и парами». Однако, в *Бао Пу-цзы* мы читаем 階.

²⁸⁰ 外篇, Гл. III, № 38 (博喻), с. 29а.

²⁸¹ 外篇, Гл. IV, № 39 (廣譬), с. 3b.

²⁸² Цит. в *Тянь чжун цзи*, 天中記, Гл. LV.

²⁸³ 瑯嬛記, «Собрание рассказов и легенд в трех главах, приписываемое некоему И Шичжэню, 伊世珍, жившему при династии Юань (*Лан сюань* — Земля Яркого Света)» (De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 105).

²⁸⁴ *Rel. Syst.*, Vol. VI, p. 1053.

²⁸⁵ *Ши-и*, 蜥蜴, также называвшиеся *ши-лун-цзы*, 石龍子, или *шань-лун-цзы*, или *цюань-лун*. Ср. Wells Williams, *Chin.-Eng. Dict.*, pp. 803 and 1095: "The insect that changes, a small eft or chameleon common in Hukwang, also called, or grass-dragon".

²⁸⁶ *Бэнь-цао ган-му*, Разд. 鱗魚, № 1 (龍), Гл. 43, с. 12а.

²⁸⁷ *Бэнь-цао ган-му*, цитируемый в *Вакан сансай дзюэ*, Гл. XLV, с. 682. В Гл. 43, с. 40 *Бэнь-цао ган-му* текст несколько отличается: «*Тэн-шэ* превращается в дракона. Эта божественная змея может ездить на облаках, пролетая более тысячи миль. Если ее услышать, (это означает) беременность. Заимствовано из *Бянь-гуа лунь* (т.е. *Инь-Ян бянь-гуа лунь*, упоминавшегося выше). Далее, в *Бао Пу-цзы* говорится: '*Тэн-шэ* не спариваются».

А Гэ Хун²⁸⁸ утверждает, что «черепахи превращаются в тигров, а змеи — в драконов». В *Ю-ян цза цзы*²⁸⁹ мы читаем: «Ученые люди считают драконов и змей взаимосвязанными».

Гавиал²⁹⁰ также относится к драконам. *Бэнь-цао ган-му*²⁹¹ описывает их так: «В реках и озерах живут многочисленные гавиалы. Они напоминают класс *лин-ли*²⁹², их длина — от одного до двух *чжан*. Их спины и хвосты покрыты чешуйками. Выдыхая, они могут сгущать облака и вызывать дождь. Это — разновидность драконов. Они живут в глубоких норах и могут летать только горизонтально, но не вертикально. Их крики похожи на звук барабана, и, когда они кричат в ночи, это зовется 'барабан-гавиал'. Когда их слышат деревенские люди, они предсказывают дождь».

О *шэнь* (蟹), больших жабах, та же работа²⁹³ говорит следующее: «Это — разновидность *цзяо* (蛟). Их форма также напоминает змею, но — большую. У них есть рога, как у дракона, красная грива, а чешуйки под чреслами лежат в противоположном направлении. Они поедают молодых ласточек. При выдыхании их дух приобретает форму башен и замков, которые видно перед тем, как пойдет дождь, и которые называются 'жабьими башнями'²⁹⁴, или 'морскими рынками' 海市. Из их жира, смешанного с воском, делают свечи, которые можно узнать по запаху на расстоянии в сто шагов. Также, в пламени от этих свечей можно увидеть очертания башен и шпилей. Лу Дянь [автор *Пи я*, живший во времена правления императора Хуэй-цзуна (1101–1126)] говорит: 'Если *цзяо* спаривается с черепахой, они производят черепаху, а если с фазаном, то произведут жабу (*шэнь*)'».

§ 7. Цзяо лун (蛟龍).

*Шань хай цзин*²⁹⁵ так описывает *цзяо*: «(Из гор Дао Гуо) вода волнами спускается вниз и течет на юг, где вливается в море. В этой воде есть 'тигры—*цзяо*'. Их форма состоит из тела рыбы и хвоста змеи. Их голоса похожи на крики мандаринских уток. У тех, кто их ест, не бывает фурункулов; они (т.е. их мясо) могут использоваться для излечения геморроя». В трех других отрывках²⁹⁶ того же древнего труда говорится, что многие *цзяо* живут в особых горных речушках.

По *Ян юй цзин*, «Книге о разведении рыб»²⁹⁷, «если соберутся целых 360 рыб, *цзяо-лун* становится их главой и уплывает, ведя их за собой».

Из древнего даосского трактата под названием *Вэнь-цзы*²⁹⁸ мы узнаем следующее: «Что касается того, кто аккумулирует достоинства Дао, то феникс летает в его дворе, *цзи-лин* бегают в его окрестностях, а *цзяо-лун* поселяется в его пруду». Далее, мы читаем там: «На вершинах гор собираются облака и зарождается дождь, а в глубинах вод рождается *цзяо-лун*».

Гуань-цзы говорит²⁹⁹: «*Цзяо-лун* — бог водяных животных. Если он движется по воде, его душа в полной силе, но, когда он теряет воду, (если его лишают ее), его душа увядает. Поэтому я говорю (или — так говорят): 'Если *цзяо-лун* обретет воду, его душа будет в полной силе'». Тот же философ заявляет, что, «когда люди осушают болота и ловят рыбу, *цзяо-лун* не живет в этих прудах».

Также *Хуай нань цзы*³⁰⁰ упоминает *цзяо-лун* в следующих словах: «*Цзяо-лун* лежит спрятавшись и спит в прудах, и все же его яйца раскалываются (т.е. его молодняк вылупляется из них) на холмах». Комментарий замечает: «*Цзяо-лун* откладывает яйца на холмах и прячется в прудах. Вылупление из яиц происходит самопроизвольно».

²⁸⁸ *Бао Пу-цзы*, 內篇, Гл. I (金丹).

²⁸⁹ 酉陽雜俎, написана в девятом веке Тань Чинши, 段成式, цит. Т.С., Гл. 130, Разд. 蟲、龍部雜錄, с. 4b.

²⁹⁰ 鼉, см. Wells Williams, l. l., p. 912, s. v.: «Большой тритон, гавиал, или водяная ящерица, водится в Южном Китае, десять футов в длину, твердую кожу натагивают на барабаны; его резкий голос слышится по ночам и предвещает дождь». О гавиалах, действующих, как демоны, см. De Groot, *Rel. Syst. of China*, Vol. V, pp. 625 sq.

²⁹¹ Гл. 43, с. 8a; см. *Вакан сансай дзуэ*, Гл. XLV, с. 675.

²⁹² 蛟鯉, ящеры.

²⁹³ Гл. 43, с. 7a. См. *Вакан сансай дзуэ*, Гл. XLV, с. 6 75.

²⁹⁴ *Шэнь-ло*, 蜃樓, т.е. миражи.

²⁹⁵ Разд. 南山經, Гл. I, с. 11a.

²⁹⁶ Разд. 中山經, Гл. XV, цит. Т.С., Разд. 蟲, Гл. 132, 蛟部彙考, с. 2a.

²⁹⁷ 養魚經, Разд. 蛟, цит. Т.С. l. l.

²⁹⁸ 文子.

²⁹⁹ 管子.

³⁰⁰ Разд. 泰族訓, Гл. XX, с. 3a.

Цюй Юань³⁰¹, знаменитый аристократ и поэт из Ци, наказанный царем Хуай под конец V в. до н.э. и ок. 299 г. сочинившего свою знаменитую поэму *Ли Сао*³⁰², в девятом отделе этой поэмы описывает свое путешествие к сказочным горам Гуань–лунь на Западе в повозке в форме феникса, которую тянули четыре *цзю* (虬)³⁰³. В тринадцатом разделе, где он описывает путешествие вдоль Красной Реки, сказано: «Я сделал рукой знак *цзю–лун*, чтобы перейти через стремнину»³⁰⁴. В тот же миг его повозка была утоплена «летучими драконами»³⁰⁵.

В *Да дай ли цзи*³⁰⁶ сказано, что *цзю–лун* считается главой 360 чешуйчатых животных, и что «если соберется вода и станет рекой, то рождается *цзю–лун*»³⁰⁷.

В *По у чжи*³⁰⁸ говорится: «Если человек поел ласточек [ср. § 3 этой главы], ему не следует входить в воду; (если же он сделает это), его проглотит *цзю–лун*».

В вышеуказанных текстах, за исключением *Шань хай цзин*, слова *цзю* и *лун* скомбинированы в единый термин. *Шань хай цзин*, однако, говорит только о *цзю*, что обнаруживается в большом количестве работ, – это позволяет нам отделить *цзю* от *лун*. Ни в *Шань хай цзин*, ни в *Ли цзи*³⁰⁹, где говорится: «(В последний летний месяц) надсмотрщику за рыбной ловлей приказывают убить *цзю*», эти водяные животные не упоминаются, как божественные создания. Комментатор первой работы Гуо По³¹⁰, однако, заявляет следующее: «*Цзю* напоминает змею. У него четыре ноги, и он сродственен *лун*». Как мы видели выше³¹¹, *Шу* и *цзи* замечает, что водяная змея (*шуй–юань*), когда ей исполняется пятьсот лет, превращается в *цзю*, а *цзю* через тысячу лет становится *лун*.

Ши и *цзи*³¹² (IV в.) рассказывает нам, что император Чжао династии Хань (86–74 гг. до н.э.), когда он удил рыбу в реке Вэй, «поймал белого *цзю*, трех *чжан* в длину, напоминавшего большую змею, но — без чешуйчатого покрытия. Император сказал: 'Это неблагоприятный знак', и приказал Да–гуаню приготовить из него приправу. Его мясо было алым, а на вкус — очень пикантным и приятным».

Древние китайцы очевидно считали *цзю* — какое–то четвероногое водяное животное — общераспространенным, опасным созданием, однако позже стали верить, что оно родственно дракону и называли его драконом. Так он стал основным богом рек и ручьев.

По *Шу* и *цзи*³¹³ «старые тигр–рыбы становятся *цзю*», а автор *Ю–ян цза–цзы*³¹⁴ говорит, что, «когда рыба рыбы набирают двести *цзинь* (ок. 240 кг), они становятся *цзю*». Однако, в другой работе, *Ю ху цин хуо*³¹⁵, заявляется, что яйца, отложенные змеями, или фазанами, пролежав в земле тысячу лет, превращаются в *цзю*.

*Пи я*³¹⁶ описывает это животное так: «*Цзю* относится к тому же виду, что и *лун*. Его форма напоминает змею, однако у него четыре ноги и тонкая шея. Большой *цзю* достигает в толщину нескольких пядей. Вокруг его шеи — белое ожерелье. Рождаются из яиц. Брови у них соединены (交), поэтому их и называют *цзю*».

В *Ми ко хуэй си*³¹⁷ говорится: «Форма *цзю* напоминает змею, голова у него, как у тигра. Длинной достигает нескольких *чжан*. Многие из них живут в речушках и прудах, а также под горными пещерами. Их голоса — как коровье мычание. Когда люди ходят по берегу, или в долинах речек, их беспокоят

³⁰¹ 屈原, утопившийся в реке Бо—ло в провинции Хунань, чья смерть отмечается ежегодно в пятый день пятого месяца (Праздник Драконьих Лодок, см. выше и ниже, эта Глава, § 10).

³⁰² “Рассеяние Грустей”; *Чу цзы*, 楚辭, Гл. I. Cf. Legge, *The Li Sao Poem and its author*, Journal of the Royal Asiatic Society, January, July and October, 1895.

³⁰³ Legge, l. 1., pp. 844, 855, stanza 47.

³⁰⁴ Legge, l. 1., pp. 846, 863, stanza 89.

³⁰⁵ Legge, ibidem, stanza 86.

³⁰⁶ Гл. XIII, № 81, 易本命, с. 7b.

³⁰⁷ Гл. VII, № 64, 勸學, с. 7a.

³⁰⁸ 博物志, небольшая работа, написанная Чжан Хуа, 張華, государственным министром, жившим в четвертом веке

³⁰⁹ Разд. 月令, Книга IV, Гл. IV, № 6. Couvreur, *Li ki*, Vol. I, p. 367.

³¹⁰ 郭璞(276—324), знаменитый даосский автор и поэт, издавший *Эр я* и *Шань хай цзин*.

³¹¹ Эта глава, § 6.

³¹² Гл. VI, с. 3b.

³¹³ Гл. 上, с. 19b.

³¹⁴ Цит. в T.S., Разд. 蟲, Гл. 132, 蛟部雜錄, с. 1b.

³¹⁵ 玉壺清話, цит. там же, с. 2a.

³¹⁶ S.v. 蛟, Гл. I, с. 9a.

³¹⁷ 黑客揮犀, по De Groot'у (Rel. Syst., Vol. V, p. 864, note 2), «работа в десяти главах Пэн Ши, 彭乘 XI–го века», цит. в T.S., Разд. 蟲, Гл. 132, 蛟部雜錄, с. 1b.

цзяо. Увидев человека, они сперва окружают его зловонной слюной, затем, столкнув в воду, высасывают кровь у него из подмышек. Когда крови не остается, они прекращают сосать».

В *Бэнь-цао ган-му*³¹⁸ Ли Шичжэнь цитирует следующий отрывок из *Бэй юань гуан чжоу цзи*³¹⁹: «*Цзяо* в длину более одного *чжан*. Он напоминает змею, однако имеет четыре ноги и шире по размерам, напоминая бревно стропил. У него маленькая голова и тонкая шея. На шее — маленькие кисточки (белое ожерелье)³²⁰. Верхняя часть его груди красновато-коричневая, нижняя часть его спины в синих точках, стороны его ребер (бока) — как парча. На хвосте у него мясистое кольцо. Большие *цзяо* достигают нескольких пядей в толщину, и яйца их также больше (чем у других *цзяо*). Они могут вести за собой рыб и летать. Люди могут поймать черепах, но *цзяо* ускользают».

В качестве посланников Повелителя Реки (河伯), бога Желтой Реки, *цзяо* упоминаются в истории, которую мы обнаруживаем в *Бо у чжи* (III в.)³²¹. Бог хотел отнять у чиновника, пересекавшего реку с яшмовым знаком своего чина, этот драгоценный предмет, и послал двух *цзяо*, чтобы те схватили судно. Однако смельчак убил их обоих, и, трижды пересекши реку, бросил в нее свой знак, как подарок речному богу, который заплясал от радости и взял его себе домой.

Превращение *цзяо* в человеческий облик стало сюжетом нескольких легенд. В *У цзи*³²² приводится следующий рассказ: «При императоре Да Ди династии У (228–251), в седьмом месяце третьего года эры Чи-у (240) был некий Ван Шу, собиравший лекарственные травы на горе Тянь-тай. В самое жаркое время дня он залез под мост отдохнуть, как вдруг увидел в ручье маленького мальчика синего цвета, около фута в высоту. Мальчик держал в руке синюю тростинку и сидел на красном карпе. Рыба вошла прямо в облако и мало-помалу исчезла. Через большой промежуток времени Шу взобрался на вершину высокой горы и посмотрел на все четыре стороны. Он увидел, как над морем подымается ветер и собираются облака, и мигом разразилась буря. Внезапно она уже достигала Шу, который, ужаснувшись, спрятался в дуплистом дереве. Когда небо вновь прояснилось, он снова увидел красного карпа, на котором сидел мальчик; они вернулись и снова вошли в ручей. Это был черный *цзяо*!»

В *Шоу шэнь хоу цзи*³²³ мы читаем о *цзяо*, который в облике человека приблизительно двадцати лет пришел в дом крестьянина. Он ехал на белой лошади, прикрывался государственным зонтиком, его сопровождали четверо слуг, все одетые в желтые платья. «Они пришли с Востока и, дойдя до ворот, позвали: 'Дитя Инь (маленький сын крестьянина тринадцати лет, который был в доме один), мы пришли, чтобы посидеть немного и отдохнуть'. И вот, они вошли в дом и сели на лавочку в нижней части двора. Один из них взял зонтик и перевернул его верхом вниз. Мальчик Инь посмотрел на их одежды и увидел, что у них нет ни единого шва. Лошадь была в пятнах пяти цветов и выглядела как бы закованной в чешуйчатую броню и без шерсти. В мгновение собрался дождевой туман, а человек этот влез на лошадь и поехал прочь. Обернувшись и взглянув назад, он сказал мальчику: 'Завтра я снова прииду'. Сын Иня посмотрел, куда они направились, и увидел, что они шагают по воздуху, поворачивая на запад и постепенно подымаясь вверх. Сразу же со всех сторон собрался облачный туман, и дневной свет померк. На следующий день пошел сильный дождь; водяные потоки мчались с гор в долины, холмы затопило, речушки переполнило. Когда вода должна была вот-вот залить дом мальчика Инь, он вдруг увидел большого *цзяо*, около трех *чжан* в длину, который своими крыльями закрыл дом от бури».

Месть *цзяо*, превратившегося в девушку, описана в *И юань*³²⁴. Человек, ранивший *цзяо* стрелой, встретил плачущую девушку, у которой та стрела торчала из руки. Когда он спросил ее, что это значит, та ответила, что пришла вернуть ему жгучую боль, которую он ей причинил, после чего отдала ему стрелу и исчезла. Еще не дойдя до своего дома, он почувствовал приступ лихорадки и умер на дороге.

Вышеуказанные отрывки ясно показывают, что *цзяо*, точно так же, как и *лун*, могли, как считалось, принимать человеческий облик, вызывать дождь и бурю. Это и неувивительно, так как мы видели, что сами *цзяо* назывались также и *лун*.

³¹⁸ Гл. 43, 鱗之一, с. 7а.

³¹⁹ 裴淵廣州記.

³²⁰ 嬰, вероятно, то же, что и 纓, или 纓.

³²¹ Гл. VII, с. 3а.

³²² 吳記, цит. в Т.С., Разд. 蟲, Гл. 132, 蛟部外編, с. 2а.

³²³ 搜神後記, написано Цао Цянем, 陶潛, в пятом веке. Гл. X, с. 1. *Шоу шэнь цзи*, *搜神記*, было написано Юй Бао, 干寶, (или Гань Бао, 干寶) в десятых годах IV-го века.

³²⁴ 異苑, написано Лю Гиншу, 劉敬叔, в первой половине пятого века; цит. в Т.С., 1.1., Гл. 132, 外編, с. 2b.

§ 8. Приручение драконов и управление ими.

В Гл. II мы упоминали *Исторические Записки* в связи с императором Кун Цзя династии Ся, при котором Лю Лэй приручил двух драконов, посланных на землю Небом. Этот Лю Лэй научился искусству от семейства драконьих пастухов, и сам он получил фамильное имя Юй Лун, «Драконий Пастух».

*Цзо Чжуань*³²⁵ приводит ту же легенду в следующем отрывке: «Осенью (29-го года Чжао-гун, т.е. Чжао, правителя Лу, правившего 541–509 до н.э.) дракон появился в окрестностях Цзян. Вэй Сяньцзы спросил Цай Ми, говоря: 'Я слышал, что ни одно из животных не сравнится с драконом в знании, и по этой причине дракона невозможно поймать живым. Правильно ли приписывать это (что его не поймашь живым) его знаниям?' Ми отвечал: 'Люди действительно не знают; дело не в том, что в действительности знают драконы. Древние держали драконов; поэтому в государстве было семейство Драконьих Пастухов (*Хуаньлун ши*³²⁶) и семейство Правящих Драконами (*Юй-лун ши*³²⁷)'. Сяньцзы сказал: 'Я тоже слышал об этих двух семьях, но не знаю их происхождения; каково оно?' Ответ был таков: 'В старые времена был Шу Ань и Лю, у которого был дальний потомок по имени Дун Фу, очень любивший драконов, способный узнавать их вкусы и приверженности, с тем, чтобы снабжать их питьем и едой. Многие драконы искали у него прибежища, и он управлялся с ними в соответствии с их природой, дабы служить императору Шунь, который дал ему имя Дун и семейное имя Хуань-лун (Драконий Пастух). Ему было [также] даровано [княжество] Цзун-чуань, а семья Цзун И — его потомки. Таким образом, во времена императора Шунь и на протяжении последующих поколений драконы приручались. [Далее] мы приходим к Кун Цзя династии Ся, столь послушному и приемлемому для императора Небес, что последний даровал ему ездовых драконов: двоих, мужчину и женщину, из Хуан-хо, и двух из реки Хань. Кун Цзя не мог их кормить, не найдя [членов] семейства Хуань-лун. Семейство Тао Тан (Яо) почти вымерло, его потомком был Лю Лэй, учившийся искусству обращения с драконами у семейства 'Драконьих Пастухов'. С этим он взялся служить Кун Цзя и смог кормить и поить драконов. Император хвалил его и дал фамильное имя Драконьего Пастуха (Юй-лун)».

§ 9. Драконы, на которых ездят *сянь*, или тянущие повозки богов и святых.

В «Записях преданий бессмертных», *Ле сянь чуань*³²⁸, неоднократно упоминаются *сянь*, улетающие на драконах по воздуху. Мы также часто читаем о летающих драконах, или *ин-лун*, запряженных в повозки с богами, или святыми людьми. Как мы увидим ниже (Гл. VII), Хуан-ди ездил на драконе, а повозка Юя была запряжена двумя этими божественными животными. В *Ли Сао*, цитированной выше, повозка Цюй Юаня тянулась четырьмя *цю*, или летучими драконами. Император У династии Хань (140–86 до н.э.) однажды поднялся на башню Янь-лин и после второй ночной стражи увидел Си ван му, «Царскую Мать Запада», прибывшую в колеснице из пурпурных облаков, которую тянули девятицветные пятнистые драконы³²⁹. Эти идеи, разумеется, тесно связаны с представлениями о лошадях-драконах, крылатых и чешуйчатых лошадях необычайных размеров, о которых говорилось выше в Гл. II, § 3.

§ 10. Лодки-драконы.

³²⁵ Legge, *Chinese Classics*, Vol. V, pp. 729 sqq; Book X, year XXIX, par. 4.

³²⁶ 參龍氏

³²⁷ 御龍氏

³²⁸ 列仙傳, написаны в первом веке до н.э. знаменитым философом Лю Ханом, 劉向: цит. в T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 131, 外編, с. 1a, 2b. См. *Shen sien ch'wen*, "Traditions of the divine sien", цит. там же, с. 3a.

³²⁹ Хань У-ди нэй чуань (приписываемый Бань Гу, но, вероятно, написанный в 3-м веке); цит. там же, с. 3a.

Лодки–драконы упоминаются в *Хуай нань цзы*³³⁰, где их называют «лодки–драконы (и) головы–и» (龍舟鷓首). Комментатор объясняет это следующим образом: «Лодки–драконы — большие корабли, украшенные резными драконьими орнаментами; и — большая птица, рисованный образ которой изображается на руле корабля». Уэллс Уильямс³³¹ описывает и, как «разновидность морской птицы, летающей высоко, чья фигура забавно изображается на корме джонок, чтобы убыстрить их движение; описания противоречивы, но картины отдаленно напоминают цаплю». На таких лодках, использовавшихся императорами для приятных поездок, во время которых на борту играла музыка, птицы изображались не для подчеркивания быстроты плавания, но для отпугивания морских богов, если верить комментарию к *Вэнь сюань*³³². Кажется, корабли представляли драконов с головами–и, а «драконовы орнаменты» представляли собой чешую драконов, вырезанную на бортах судов.

Однако, японские придворные XI в., желая имитировать все обычаи китайского двора, не поняли слов *Хуай нань цзы*, в результате чего появились две разновидности кораблей, которые они называли одним термином: «Драконьи головы (и) Головы–и», 龍頭鷓首, «рёто–гэкису». Комбинация двух этих слов напоминает нам термин «сиси–комаину», использовавшийся при японском дворе того же века для указания на образы льва и единорога, не отдельно, но одним именем для обоих³³³. Поэтому я был бы склонен думать, что термин *Рёто–гэкису* исходно означал одну разновидность кораблей, украшенную головой дракона спереди и головой–и сзади, если бы отрывок в *Дзиккинсе*³³⁴ не утверждал, что по случаю увеселительной прогулки во времена императора Сиракава (1072–1086) «Корэсуэ играл на флейте на борту 'головы дракона', но на борту 'головы–и' не играла ни одна флейта». Что касается *Дневника Мурасаки Сикибу*³³⁵, где мы читаем, что новые корабли были очень красивы, и *Хамамацу тюнагон моногатари*³³⁶, то эти работы начала и середины XI в., как и *Эйга моногатари*³³⁷, в которых говорится, что император предпринял приятное путешествие с *рёто–гэкису*, похоже, говорят об одном и том же типе корабля. Однако, *Кагакюсю*³³⁸, датируемая 1444 годом, сообщает: «'Голова–дракона' и 'Голова–и' — два отдельных имени кораблей», что согласуется со словами в *Дзиккинсе*³³⁹.

Эти китайские корабли отличаются от «драконьих лодок», использовавшихся в Китае в пятый день пятого месяца во время праздника воды. Последние — настоящие лодки, используемые в регате, или игрушечные лодки–драконы, которые несут по улицам и сжигают на морском берегу взамен настоящий, чтобы они унесли с собой все злое. Без сомнений, то, как де Гроот³⁴⁰ объясняет этот праздник, основывающийся на симпатической магии, верно. Как мы увидим ниже³⁴¹, китайцы часто делали глиняных драконов, чтобы вызвать дождь. Таким же образом, их гонки на кораблях–драконах, несомненно, предназначены для имитации сражающихся драконов, дабы побудить к сражению настоящих драконов, что всегда сопровождается обильными осадками. Лодки–драконы, носимые по улицам, также могли служить для вызывания дождя, хотя они в то же время рассматривались, как заменители.

Что же касается огромного дракона, сделанного из полотна, бамбука и бумаги и проносимого процессией по улицам 15–го числа первого месяца, перед которой несли красный шар, то это сперва было объяснено де Гроотом³⁴², как имитация Лазурного Дракона, голова которого (звезда) в отдаленные века в начале весны поднималась и опускалась одновременно с солнцем (огненный шар), как будто она преследовала нашу землю и в конце концов успешно ее проглотила³⁴³. Что касается более поздних объ-

³³⁰ Гл. VIII (本経).

³³¹ *Chin.—Engl. Dict.*, p. 1092, s.v. yih.

³³² 文選, Разд. 西都賦, сост. в первой половине шестого века Сяо Туном, 蕭統; цит. в *Кокуси дайзитэн*, с. 2338, § у.

³³³ Рюдзу (ошибочно, вместо *рёто*) *гэкису–но фунэ*. См. мою статью “The Dog and the Cat in Japanese Superstition”, *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. XXXVII, Part I, pp. 54–62.

³³⁴ Гл. X, К.Т.К. Vol. XV, с. 1344; Ch. VIII, p. 1078.

³³⁵ *Гунсё рюдзю*, № 321, том XI, с. 591.

³³⁶ 濱松中納言物語, написана дочерью Сугавара Кохё (管原孝標), родившейся в 1008 г., наложницей Фудзивара-но Тосимицу (俊通, умер в 1058 г.); Гл. I.

³³⁷ Гл. XX (御賀), К.Т.К. Vol. XV, p. 1344; Гл. VIII, с. 1078.

³³⁸ Гл. 器財.

³³⁹ См. *Намбако*, 難波江, написано Окамото Ясутака, 岡本保孝, жившим 1798–1878 гг.; Гл. II, 下, *Хякка сэцурин*, т. 續 下, с. 636.

³⁴⁰ *Fetes annuelles a Emoui*, Vol. I, pp. 372 sqq.

³⁴¹ Эта Книга, Гл. VI (вызывание дождя).

³⁴² *Fetes annuelles*, Vol. I, p. 369.

³⁴³ См. Schlegel, *Uranographie Chinoise*, pp. 55 sqq.

яснений грома, вызываемого драконом, то нам следует обратиться к этой Книге, Гл. IV (*Орнаменты*), § 4.

§ 11. «Дорога–драконьего–хвоста» и другие слова, связанные с драконом.

«Дорога–драконьего–хвоста», 龍尾道, *Лун–вэй–дао*, была дорогой, поднимавшейся прямо на юг к Шэ юань дьянь, 舍元殿, строению, принадлежавшему ко дворцу китайского императора. По этой дороге шли те, кто должен был получить аудиенцию (北面) Его Величества, который всегда был обращен на Юг (南面). Имитируя ее, дорога перед Тайкёкудэн, строением, принадлежавшим к японскому дворцу, также была названа *Рюбидо*, «Дорога–драконьего–хвоста»³⁴⁴.

Другие слова, заимствованные из Китая: *рютэки*, 龍笛, «драконья флейта»; *рюбин*, 龍鬚, «драконьи усы», коврик, связанный из тростника³⁴⁵; по *Бао Пу–цзы* (Разд. 登涉, Гл. IV, № 17) это — название разновидности травы, произведенной усами дракона, на котором ездил Хуан–ди. Чиновники, которые не могли влезть на дракона, хватались за его усы, и своим весом оттягивали их. Когда усы упали на землю, там выросла «Трава драконьих усов» (см. ниже, Кн. I, Гл. VI, § 1); *рютан*, 龍膽 произносящийся, как *риндо*, «Драконья печень», приправа из травы горечавки; три ее цветка, вместе с пятью *саса* (笹, разновидность карликового бамбука), образовывали герб семейства Минамото (*саса–риндо*)³⁴⁶.

§ 12. Драконьи врата.

В *Синь ши Сань Цинь цзи*³⁴⁷ сказано: «*Лун мэн* (龍門, «драконьи врата») — иное название для *Хо цзинь* (河津, «Брода для Хуань Хо»). Несколько тысяч больших рыб собирались под Драконьими вратами, не будучи в силах подняться на них (т.е. плыть против течения). Те, кому это удавалось, становились драконами; прочие оставались рыбами.»

Рыба, превращающаяся в дракона, изображена на алтарном столе Ю–Фу–дьянь храма Фа–юй на Пу то шань³⁴⁸, а драконов, пытающихся схватить волшебную пламенную «жемчужину», висящую на Драконьих вратах, видно в том же храме³⁴⁹.

Как мы увидим ниже³⁵⁰, в Японии есть несколько водопадов *Драконьи врата*, а также — гора *Драконьи врата* в провинции Кию. Последняя напоминает нам гору Лун–мэн между реками И и Ло, недалеко от места их слияния.³⁵¹

§ 13. Логово дракона.

Мы читаем в *Шоу шэнь хоу цзи*: «На горе Цю в У–чан (провинции Ху–гуан) было логово дракона. Когда жители видели божественного *цю*, вылетающего и влетающего в логово, год был сухим, однако, когда они молились этому дракону, шел дождь».

Другое логово дракона упоминается в *Чжэнь–цзян тун–чи*, «Общих Записках о Чжэнь–цзян»³⁵², где мы читаем: «На горе Бянь в Ху–чжоу есть Пещера Желтого Дракона. На ее вершине бьет источник, который вытекает из пещеры и называется 'источник Золотой Колодец'. Пещера столь глубока, что невозможно увидеть ее окончание. Во времена династии Лян в ней поселился желтый дракон. По этой

³⁴⁴ *Рюан дзуйхицу*, 柳暗随筆, написано в 1819 г. Курихара Синдзю (Нобумицу), 栗原信充; Гл. IX, *Хякка сэцурин*, т. 續下二, с. 488.

³⁴⁵ 蘭, *линь*; *Кокуси дайджитэн*, с. 2338, s.v. *ryubin*.

³⁴⁶ *Рюан дзуйхицу*, 1.1., с. 485 sq.

³⁴⁷ 辛氏三奏記, написана неким Синь, 辛; цит. в T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 128, 龍部紀事一, с. 13a.

³⁴⁸ (Boerschmann, *Die Bankunst und religiose Kultur der Chinesen*, Vol. I, p. 65).

³⁴⁹ (1.1., с. 46, 87; см. ниже, Кн. I, Гл. IV, § 4).

³⁵⁰ Кн. II, Гл. XI, § 2, Б.

³⁵¹ См. Chavannes, *Shi ki*, 三皇本紀, Vol. I, p. 18, note 3.

³⁵² 信江通志 (см. Wylie, 1.1., p. 45; 16 век, переиздано в 1684 и 1736 гг.), цит. в T.S., 1.1., Гл. 129, 紀事二, с. 13b.

причине царь Юэ из У воздвиг храм, чтобы делать дракону подношения». Другое драконье логово, упоминающееся в *Га и чжи*, будет рассмотрено ниже в связи с индийскими Царями–Нага (Гл. IX).

§ 14. Стада драконов.

По *Ши чжоу цзи*³⁵³, стада драконов собирались на острове Фан–чжан в центре Восточного моря. *Лу и цзи*³⁵⁴ говорит о так называемом «Храме синего дыма», расположенном на острове. На протяжении нескольких дней облако дыма висело над святилищем. Однажды поутру внезапно яростно взметнулись волны, на поверхности появилось стадо драконов и вошло в реку Хань. Большие были несколько *чжан* в длину, маленькие — менее одного *чжан*. Некоторые были желтые, другие черные, красные, белые, или синие; они напоминали коров, лошадей, ослов, или овец. Выстроившись в ряды по пятьдесят штук, они проследовали один за другим в устье реки Хань; затем они вернулись в храм. Так они то входили, то выходили на расстоянии нескольких миль, иногда скрытые, иногда видимые. Это продолжалось три дня, а затем прекратилось.

§ 15. Жемчужины драконов.

По *Чжуан–цзы*, «жемчужина стоимостью в тысячу кусков золота (*цянъ цзинь*)» можно точно найти в пруду девяти слоев (т.е. очень глубоком) под горлом *ли–лун*, или «дракона–лошади». *Шу и цзи*³⁵⁵ (VI в.) заявляет, что так называемые драконьи жемчужины выплевываются драконами, так же, как змеиные жемчужины — змеями. В *Лун чи лу*³⁵⁶ мы читаем о драконе, который в облике маленького мальчика играл с тремя жемчужинами перед входом в свое логово. Когда приблизился человек, он вбежал в пещеру и, приняв свою исходную форму дракона, положил жемчужины себе в левое ухо. Человек отрезал ухо, чтобы завладеть жемчужинами, но они пропали вместе с драконом.

Другая легенда³⁵⁷ рассказывает нам о человеке, очень любившем вино, который от женщины *сянь* в горах получил жемчужину, которую, как она сказала, держат во рту драконы, заменяя ею вино.

Де Гроот³⁵⁸ упоминает «жемчужины грома» (*雷珠, лэй–чжу*), «которые драконы вырвали изо рта, и которые могут полностью осветить целый дом ночью». «Возможно, — пишет де Гроот, — эти объекты являются реликтами каменного века».

§ 16. Яйца дракона.

Яйца дракона представляют собой прекрасные камни, подобранные в горах, или на берегу реки, и сохраняемые до тех пор, покуда они не расколутся при громе, дожде и во тьме, и молодой дракон не вознесется на небо. Перед этим из камня вытекает много воды, а дракон появляется в форме маленькой змейки, или водяной ящерицы, которая вырастает все больше и больше в течение нескольких мгновений³⁵⁹. Старуха, нашедшая пять таких яиц в траве, отнесла маленьких змеек к реке и выпустила их, после чего драконы даровали ей способность предсказывать будущее. Эта «Мать Драконов», как называли ее люди, поскольку, когда она стирала в речке белье, рыбы (подданные драконов) плясали перед ней, стала такой знаменитой из–за своих сбывшихся пророчеств, что даже император пожелал проконсуль-

³⁵³ 十洲記, написана во времена династии Хань; с. 9а.

³⁵⁴ 錄異記, «Записи о замеченных чудесах», написаны Ду Гантином, даосским монахом, жившем во второй половине девятого века (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. V, p. 630, note 2), цит. в T.S., I.1., Гл. 129, 紀事二, с. 14а.

³⁵⁵ Гл. 上, с. 3b

³⁵⁶ 龍城錄, написаны во времена династии Тан Лю Цзуньюанем, 柳宗元, Гл. II.

³⁵⁷ 蘭城錄, 瑯嬛記 гл. 中.

³⁵⁸ *Rel. Syst. Of China*, Vol. V, p. 867.

³⁵⁹ Тай–пин гуан цзи, Гл. 424; Лан сюань цзи, Гл. 下; Гуэй–синь цза–ши су–цзи, 癸辛雜識續集, написанная Чжоу Ми, 周密, жившим во второй половине тринадцатого и в начале четырнадцатого века; Гл. 下, с. 23.

тироваться у нее. Однако, она умерла по пути в столицу и была похоронена на восточном берегу реки; однако, драконы подняли страшную бурю и перенесли могилу на другую сторону реки³⁶⁰.

Та же история излагается в *Нань юэ чжи*³⁶¹, однако здесь драконы несколько раз отгоняли обратно корабль, на котором старуху против ее воли везли в столицу. Наконец, власти оставили это немерение из страха перед драконами. По *Га и цзи*³⁶², рядом с могилой Матери-драконов всегда дует сильный ветер и идет дождь; тогда люди говорят: «Драконы омывают могилу».

В *Шань-си тун-чжи*³⁶³ мы читаем о женщине—драконе, выпрыгнувшей из большого яйца, найденного на берегу пруда. Она принесла богатство дому, в котором жила, однако в конце концов убежала и в облике змеи исчезла в трещине горы.

Автор *Мун ци би тань*³⁶⁴ говорит, что часто видел драконьи яйца, сохранившиеся в корзине в монастыре Цзинь-шань в Жунь-чжоу (старое название Цзинь-цзян-фу). Они напоминали куриные яйца, но были гораздо больше. Весили они очень мало и издавали пустой звук. Это яйцо было найдено в эру Тянь-син (1023–1032) посреди Великой Реки и по приказу императора передано монастырю. Однако, в том же году большое наводнение смыло большое количество домов поблизости, и люди приписали это воздействию драконьего яйца.

В соответствии с работой XVI в.³⁶⁵ нашей эры, драконьи яйца находят во время сильных дождей. Далее мы читаем в ней, что в 1469 г. рыбак вытащил большое яйцо, величиной с человеческую голову, пятицветное, нижний конец заостренный, а верхний — круглый. Если его трясли, раздавался такой звук, как если бы внутри яйца была вода; оно было тяжелым и тепловатым. Люди поклонялись ему, рассматривая его, как сверхъестественную вещь. Прорицатель объявил, что это — драконье яйцо.

§ 17. Драконьи кости, кожа, зубы, рога, мозги, печень, плацента и плод, использовавшиеся в медицине.

Среди девяти ингредиентов лекарства, убивающего привидения, упомянутого де Гроотом³⁶⁶, мы находим «драконьи кости», «определенные окаменелые кости, обнаруживаемые в магазинах ведущих аптекарей». Существует, разумеется, обширная медицинская литература о лекарственной силе этих костей, являющихся, вероятно, останками доисторических животных.

*Бэнь-цао ган-му*³⁶⁷ — самый лучший источник знаний об этих костях по всем медицинским вопросам и о том, как их использовали китайские врачи. По некоторым авторам, упоминаемым Ли Шичжэнем, ученым автором этого эталонного медицинского труда, драконьи кости представляют собой сброшенную шкуру живых драконов, поскольку считается, что эти животные сбрасывают не только шкуру, но и свои кости; по другим источникам, это — останки мертвых драконов. Ли Шичжэнь, сравнивая всевозможные различные точки зрения и истории, приходит к выводу, что дракон, хотя он и является божественным существом, несомненно, умирает, как все остальные животные, и что *Бэнь цзин*³⁶⁸, один из основных источников, прав, объявляя драконьи кости останками мертвых драконов.

Что касается мест, где их находят, то *Мин и бе лу*³⁶⁹ говорит: «Они обретаются (букв. «производятся») в долинах земли Цинь (провинция Шаньси) и в местах, где мертвые драконы лежат в пещерах

³⁶⁰ *Тай-нин гуан цзи*, там же.

³⁶¹ 南城志, цит. в T.S., 1.1., Гл. 128, 紀事一, с. 5а.

³⁶² T.S., Гл. 130, с. 7а.

³⁶³ 山西通志, цит. в T.S., Гл. 131, 外編, с. 17а.

³⁶⁴ 夢溪筆談, написано приблизительно в середине XI-го века Чэнь Го, 沈括(см. Bretschneider, *Botanicon Sinicum*, Journal of the North-China branch of the Royal Asiatic Society, 1881, New series, Nr XVI, Part I, pp. 137, 173, nr 510).

³⁶⁵ *Су вэнь сянь тун као*, 續文獻通考, написана Ван Цзи, 王圻, получившим официальный ранг в 1561 г.; Гл. 224.

³⁶⁶ *Rel Syst.*, Vol. VI, p. 1087.

³⁶⁷ Разд. 鱗魚, Гл. 43, с. 1 sqq.

³⁶⁸ 本經. Под этим сокращенным заглавием *Шэнь Нун Бэнь цао цзин*, «Классический труд по Медицине (императора) Шэнь Нуна», старейший медицинский трактат, цитируется в *Бэнь-цао ган-му*. Сама работа утеряна. См. Bretschneider, *Botanicon Sinicum*, 1.1., pp. 27 sqq.

³⁶⁹ 名醫別錄, написано Тао Хунцзином, 問う弘景(451—536). См. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. I, p. 274; Bretschneider, 1.1., p. 42; Giles, *Bibliogr. Dict.*, p. 718, s.v.: «один из самых прославленных адептов даосских мистерий». Цит. в *Бэнь-цао ган-му*, 1.1., с. 1b.

крутых речных берегов в Тай Шань. Их собирают в неопределенное время». «В наши дни, – говорит тот же автор, – много костей привозят из Лян, И и Ба (провинция Сычуань)»³⁷⁰.

Лэй Сяо³⁷¹ замечает: «Те, что из Чнь–чжоу, Цан–чжоу и Тай–юань — самые лучшие. Среди этих костей тонкие и с широкими венами принадлежат драконам—женщинам, а грубые и с узкими венами — драконам—мужчинам. Наилучшие — пятицветные; белые и желтые относятся к среднему типу, а черные — низшего качества. Как правило, те, у которых вены идут вдоль, — нечистые, а те, что собраны женщинами — бесполезны».

По мнению У Пу³⁷² синие и белые хороши, а Су Гун³⁷³ говорит: «В настоящее время все (кости) приходят из земли Цзинь. Свежие и твердые нехороши; хороши пятицветные. Синие, желтые, красные, белые и черные в соответствии с цветом относятся к определенным внутренностям, как пять *чжи* (счастливые растения), пять кристаллов (*ши ин*) и пять видов минеральной глины (*ши чжи*)». Значение последнего предложения следующее. Пять цветов (синий, белый, красный, черный и желтый) соответствуют пяти внутренним органам (печень, легкие, сердце, почки, селезенка) и так называемым пяти домам (желчный пузырь, тонкий и толстый кишечник, мочевой пузырь и желудок), как мы узнаем из списка, приводимого де Гроотом в *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 26. Вероятно, по этой причине использование драконьих костей, как лекарства, было различным, в соответствии с их цветом и тем органом, который намеревались лечить,

Приготовление костлей описано у Лэй Сяо следующим образом. «Перед использованием драконьих костей сперва приготовьте пахучие растения; дважды омойте кости в кипятке, растолките их в порошок и положите в мешочки из ткани. Возьмите пару молодых ласточек и, вынув из них внутренности и желудок, вложите в них мешочки и повесьте их над колодезцем. Через одну ночь выньте мешочки из ласточек, разотрите порошок и смешайте его в лекарство для укрепления почек. Эффективность его истине божественна!»³⁷⁴ Во времена Ли Шичжэня³⁷⁵, однако, они всего лишь поджаривались на огне до красноты, а затем растирались в порошок, либо использовались свежие кости. В том же отрывке он указывает на автора династии Сун³⁷⁶, который говорит, что кости должны быть одну ночь вымачиваемы в алкоголе, затем высушены на огне и растерты в порошок. Далее, по Чжэнь Цзюаню³⁷⁷, некоторые из них несколько ядовиты и (при подготовке) следует избегать пользования принадлежностями для разделки рыбы и сделанными из железа (драконы не любят железа, см. выше, эта глава, § 3).

Что касается болезней, которые излечиваются с помощью драконьих костей, то их количество велико. Дизентерия, камни в печени и конвульсии у детей, нарывы в кишечнике и язвы внутренностей, паралич ног, болезни беременных женщин, перемежающаяся лихорадка и абсцессы, – все устраняется при помощи этого мощного лекарства. Кровотечение из носа и ушей останавливается вдвухванием в них порошка из драконьих костей; высушенные на огне и на земле, они используются также против абсцессов пупка у младенцев. Короче говоря, колоссальная мощь *Ян* этих костей принуждает, разумеется, демонов *Инь*, удобно расположившихся в человеческом теле, обращаться в бегство, как только появляется лекарство, приготовленное из этих костей³⁷⁸.

Помимо медицинских трудов, мы можем упомянуть следующие отрывки. В *Шу и цзи*³⁷⁹ (VI в.) сказано: «По преданиям, дракон, достигнув возраста в тысячу лет, сбрасывает в горах свои кости. Есть еще драконьи курганы, из которых добывают драконьи мозги». В той же работе мы читаем: «В районе

³⁷⁰ *Бэнь-цао ган-му*, там же.

³⁷¹ 雷教, автор *Бао чжи лунь*, 炮炙論, живший 420—477 г. См. Bretschneider, 1.1., p. 41, nr 6: «Трактат в трех книгах, где объясняются медицинские достоинства 300 препаратов и даются советы по приготовлению лекарств». Цит. в *Бэнь-цао ган-му*, 1.1.

³⁷² 吳普, автор *У ши Бэнь-цао*, 吳氏本草, написан в первой половине третьего века. Цит. там же. См. Bretschneider, 1.1., p. 40, nr 5.

³⁷³ 蘇恭, тот, кто вместе с 23 другими учеными в середине седьмого века исправил и докончил *Тан Бэнь-цао*, 恭新本草 с тех пор называвшуюся *Тан Синь Бэнь-цао*, «Новая Бэнь-цао Тан». См. Bretschneider, 1.1., p. 44, nr 11. Цит. в *Бэнь-цао ган-му*, там же.

³⁷⁴ *Бэнь-цао ган-му*, 1.1., с. 2а.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Чэнь Юаньцин, 陳元觀, автор *Ши ли гуан цзи*, 事林廣記 (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. II, p. 713; Bretschneider, 1.1., p. 186, nr 719). Цит. в *Бэнь-цао ган-му*, там же.

³⁷⁷ 甄權, автор *Е син бэнь-цао*, 藥性本草, в первой половине VII-го века (см. Bretschneider, 1.1., p. 44, nr 10). там же, с. 2b.

³⁷⁸ T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 127, 龍部彙考, с. 9; *Бэнь-цао ган-му*, 1.1., с. 2 sq.

³⁷⁹ Гл. II, с. 5а.

Пу-нин (провинции Гуаньдун) есть 'остров захоронения драконов'. Старики говорят: 'Драконы сбрасывают свои кости на этом острове. До сегодняшнего дня там еще остается много драконьих костей'. Так, драконьи кости обнаруживаются в горах и на холмах, на склонах и в пещеристых скалах, – во всех местах, где драконы сгущают облака и собирают дождь. Много их лежит в земле, кое-где глубоко, а кое-где близко к поверхности; зубы, кости, позвончики и ноги, — есть все. Большие размеров в десять, или несколько десятков *чжан*, а маленькие — один, или два *чи*, или три-четыре *цунь*. Тела сохраняются полностью. Я видел их собранными»³⁸⁰.

Во времена династии Тан дань с земли Хо-дун, департамента Хо-чжун, провинции Хо-дун частично состояла из драконьих костей³⁸¹.

Ли Чжао 孝肇 пишет в своем *Гуо ши бу* («Комментарии к Династическим Историям»³⁸²): «Когда прибывает весенняя вода и рыбы поднимаются к Драконьим Вратам (ср. выше, эта глава, § 12), проявляется множество сброшенных костей, которые люди собирают, чтобы приготовить из них лекарства. Некоторые из них пятицветные. Драконьи Врата — это земля Цинь, что совпадает со сказанным в *Бэнь цзин* (сравни выше). Может быть, драконьи кости — это кости тех рыб?» Су Сун³⁸³, цитирующий этот отрывок, рассказывает, что в его время такие кости находили во многих местах провинции Хо-дун.

Другая работа XI в.³⁸⁴ рассказывает о человеке, который темной ночью увидел ветку дерева, распространявшую яркий свет. Он отломал ее и пользовался ею, как факелом. На следующее утро он обнаружил, что свет исходил от сброшенной шкуры дракона, размером напминавшей новый кокон цикады, и состоявшей из головы, рогов, когтей и хвоста. Внутри она была пустая, но твердая и, когда он стукнул по ней, издала звук, похожий на звук драгоценного камня. Яркость ее света ослепляла; в темноте она выглядела, как пылающий факел. Он сохранял ее, как драгоценность, в своем доме.

Сильный свет, исходящий от сброшенной драконьей шкуры, возникает, разумеется, от великой силы *Ян*.

В 1553 г., когда вода стояла очень низко, на маленьком острове на реке обнаружили скелет дракона, и люди очень хотели получить хоть одну из его костей³⁸⁵.

Также хорошим лекарством считались зубы дракона. В *Бэнь-цао ган-му* цитируется Сюй Чжичай³⁸⁶, сказавший: «Как правило, они хороши, когда обретают (т.е. смешиваются с) *жэнь-цань* (жэнь-шенем) и желтый-коровий (помет), но боятся (т.е. нехорошо смешивать их, или готовить вместе с) гипсовых и железных принадлежностей». Болезни, которые можно излечить драконьими зубами, перечислены в *Шэнь Нун Бэнь-цао цзин*³⁸⁷ следующим образом: «Существа, убивающие живительный дух; когда у взрослых спазмы, или эпилептические припадки, конвульсии, или сумасшествие, когда они бегут, как помешанные, а дыхание привязано под их сердцами, так что они не могут дышать (т.е. при астме); далее, пять (типов) припадков и двенадцать (видов) конвульсий у детей».

По Чжэнь Цзюаню³⁸⁸, они «успокаивают сердце и утихомиривают душу (*хунь* и *по*). Чжэнь Жэхуа³⁸⁹ заявляет, что они излечивают головную боль, меланхолию, жаркую лихорадку, сумасшествие и (одержимость) *гуэй* и *мэй* (демонами). Они также излечивают болезни печени, так как, «поскольку *хунь*, хранящийся в печени, может изменять себя, те, чей *хунь* сбивается с пути, не будучи закреплен,

³⁸⁰ То же мы читаем в *Мао тун ко хуо*, 茅亭客話, написано Хуан Сюфу, 黃休復, во времена династии Сун; Гл. IX (цит. в T.S., 1.1., Гл. 130, 記事三, с. 7b), где это рассказано человеком, продававшим драконьи кости, зубы, рога, головы и позвонки на базаре. «Некоторые из них, – говорил он, – пятицветные, другие белые, как шелк-сырец; некоторые поблекли, а некоторые сгнили за долгие годы».

³⁸¹ *New Books of the T'ang dynasty*, 新唐, Ch. XXXIX, nr 29, p. 1a (anno 760 A.D.).

³⁸² 国史補, написаны в начале девятого века. T.S., 1.1., Ch. 127, p. 8b.

³⁸³ 蘇頌, автор *Синь и сян фа яо*, 新儀象法要, работы по астрономии, написанной в конце XI-го века (см. Wylie, p. 107); цит. там же.

³⁸⁴ *Чунь чжу цзи вэнь*, 春渚紀聞, десять глав на всевозможные темы, написана Хо Вэем, 何遠, жившим в одиннадцатом веке (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 110); Гл. II, с. 11.

³⁸⁵ *Шан хань лунь тяо бянь*, 傷寒論候辨, написано в 1589 г. Фан Ючжи, 方有執; Разд. 本草.

³⁸⁶ 徐之才, знаменитый врач, живший во второй половине шестого века, автор *Лэй гун ё дуэй*, 雷公藥對 (см. Bretschneider, 1.1., p. 40, nr 3).

³⁸⁷ Цит. там же

³⁸⁸ Цит. там же. О *хунь* и *по* см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, Part I, Ch. I, pp. 4 sqq., p. 23.

³⁸⁹ 陳日華, живший во времена династии Сун и написавший *Цзин янь фан*, 經驗方 (Bretschneider, 1.1., p. 161, nr 338). Цит. там же

лечится драконьими зубами»³⁹⁰. Ли Шичжэнь дает следующее объяснение: «Поскольку дракон — божество восточного направления, его кости, рога и зубы побеждают болезни печени»³⁹¹.

Рога дракона использовались для излечения приблизительно тех же болезней, что вылечивались с помощью драконьих зубов³⁹².

Люди древности верили, что мозги дракона могут остановить дизентерию³⁹³, а печень этого божественного животного (иногда — живого) прописывалась некоторыми врачами в трудных случаях. Иногда царственный пациент по этой причине даже приказывал убить дракона в пруду, который обычно прислушивался к людским молитвам о дожде во времена засухи и охранял замок принца. В тот же день разразилась ужасная буря, и дракон улетел; замок, более не охраняемый божеством-покровителем, вскоре пал под натиском врагов, взявших его штурмом и разрушивших, как в прежние дни³⁹⁴. В другом месте мы читаем о драконе, который могучими чарами даосского доктора был принужден спуститься и залезть в сосуд для воды. Отрезав у живого животного печень, доктор дал ее больной жене префекта; та съела и поправилась³⁹⁵.

Плацента и фетус драконов, которые находили в Ба и Шу (провинции Сычуань), считались лекарствами от болезней крови и для женщин после разрешения³⁹⁶.

§ 18. Кровь, жир и слюна драконов.

В *Ю-ян цза-цзы*³⁹⁷ говорится: «Когда кровь дракона входит в землю, она превращается в ху-бо, янтарь».

Что касается драконьего жира, то из *Ши и цзи*³⁹⁸ мы узнаем, что башня, освещенная с его помощью, распространяла столь сильный свет, что его было видно за сотню миль. Некоторые люди называли этот свет счастливым предзнаменованием и приходили издалека, чтобы ему поклониться. Фитиль был сделан из «полотна, омытого в огне» (асбестовой ткани, очищавшейся огнем), скрученного в веревочку.

Относительно драконьей слюны мы читаем в *Бэнь-цао ган-му* следующее: «Ван Цзи³⁹⁹ сказал: 'Из слюны, выплевываемой драконами, делают ароматическую парфюмерию'. Ли Шичжэнь (сам автор) сказал: 'Драконья слюна редко используется в медицине; она смешивается лишь в парфюмерии. Говорят, что она может связать камфару и мускус на несколько десятилетий, и они не испарятся. Далее, говорят, что, если ее поджечь, в воздух поднимется синий дым. ... Прошлой весной слюна, выплюнутая драконами, появилась плавающей (в море). Местные жители собрали ее и продавали, каждый раз за две тысячи медных монет'».

*Ю хуань цзи вэнь*⁴⁰⁰ наставляет, что самое драгоценное парфюмерное снадобье — драконий плевок; жители земли Да—ши наблюдали пары, поднимавшиеся в течении полугода, а иногда даже двух, или трех лет, из одной и той же точки в море. Когда они прекратились, это был знак, что спавшие там все это время драконы ушли. Тогда люди поплыли к тому месту, чтобы собрать драконью слюну. По другому объяснению, которое мы находим в том же отрывке, драконы жили в водоворотах посреди моря. Плевки, ими изрыгаемые, отвердевали на солнце, а ветер выдувал эти твердые куски на берег. В

³⁹⁰ Сюй Шувэй, 許叔微, живший во времена династии Сун и написавший *Бэнь ши фан*, 本事方 (Bretschneider, 1.1., p. 179, nr 558). Цит. там же

³⁹¹ L. 1.

³⁹² *Бэнь-цао ган-му*, 1.1., с. 4b.

³⁹³ Гао Хунцин, цит. там же. «Мозг тысячелетнего дракона» упоминается среди ста лекарств в *Шу и цзи*, Гл. II, с.

5a.

³⁹⁴ (См. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 864, note 2). Цит. в T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 130, 紀事三, з. 3b.

³⁹⁵ *Чжао е цян цзай*, 朝野众戴, «Записи всех дел, связанных со двором и с заграницей», приписываемые Чжан Шо, 張騫, который, вероятно, жил в первой половине VIII-го века. T.S., Разд. 神異, Гл. 306, цит. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. VI, p. 1031, note 1

³⁹⁶ *Бэнь-цао ган-му*, 1.1., с. 5a.

³⁹⁷ Гл. XI (廣知), с. 6b.

³⁹⁸ Гл. X, Разд. 方丈山, с. 3b.

³⁹⁹ 汪機, прославленный врач XVI-го века, автор *Бэнь-цао хуэй-бянь*, 本草會編 (см. Bretschneider, 1.1., p. 54, nr

40) ⁴⁰⁰ 遊官紀聞, написано Чжан Шинанем, 張世南, во времена династии Сун; Гл. VII; цит. в T.S., 1.1., Гл. 130, 雜錄, с. 5a.

свежем виде они были белыми, понемногу становились алыми, и, наконец, черными (янтарь, считавшийся экскрементом кашалотов, — желтоватого цвета).

Эти благовония напоминают нам «парфюмерию драконьей битвы», упоминавшуюся в *Цзы тин ши юань*⁴⁰¹, которую драконы производили в схватке. Одна его пилюля вызывает большое ароматное облако.

По *Лан сюань цзи*⁴⁰², император Шунь использовал слюну пурпурного дракона в качестве чернил для записи имен божественных министров на яшмовых табличках, святых отшельников — на золотых табличках, талантливых министров — на табличках из кристаллического кварца; имена обычных министров писались обычными чернилами на деревянных табличках. Чтобы получить эту слюну, он приказал Юй Ху приручить пурпурного дракона. Последний ежедневно заставлял животное ронять слюну, держа приготовленную им ласточку (любимое блюдо драконов) перед ним и не сразу ему ее отдавая. Это провоцировало у дракона слюноотделение, и та в большом количестве капала на землю. Затем Юй Ху наполнял ею сосуд, после чего отдавал ласточку дракону. Таким образом, он ежедневно набирал один *го* (четверть пинты) слюны, которую смешивали с *хуэй-ши* (繪寶, «Трава сянь», 仙草). Во времена Яо эта трава росла перед залом аудиенций. На ней были цветы всех четырех времен года. Если потерять ее плод и смешать со слюной алого дракона, получается жидкость истинно красного цвета, проникающая в золото и яшму и, таким образом, пригодная для использования для написания имен на табличках, указанных выше.

⁴⁰¹ 祖庭事苑, цит. в Японском Буддийском словаре *Буккё ироха дзитэн*, т. II, с. 63, s.v. Ryu-to, 龍鬪.

⁴⁰² T.S., 1.1., Ch. 131, p. 1b.

ГЛАВА IV.

ОРНАМЕНТЫ.

§ 1. Символы императорского достоинства и плодородный дождь, представленный на одеяниях, священных вратах, гробах и т.п.

Как мы видели выше (Гл. I, § 2), *Шу-цзин* заявляет, что дракон относится к эмблемным фигурам, изображаемым на верхних одеждах императора.

Нет ничего удивительного в том, что этот божественный податель дождя, являющийся, одновременно, символом доброго правителя и его добродетельных служащих, входил в число императорских изображений.

Так называемые *ша* (髮) описываются де Гроотом⁴⁰³, как квадратные деревянные доски, покрытые белым полотном, с ручками длиной в пять футов, которые в древности несли за похоронными повозками высокопоставленных лиц и устанавливали в яме, когда гроб уже опустили в могилу. Эти *ша* отображали ранг человека с помощью эмблемных фигурок. «Цзяньлунское издание Трех Ритуалов предполагает, что два *ша*, которые Сын Неба имел дополнительно к шести принадлежностям феодального принца, несли рисунок дракона, характерного символа императорского достоинства»⁴⁰⁴.

Четыре пьедестала состоящих из пяти частей декоративных ворот у императорских гробниц династии Мин «изображают на каждой стороне Императорского Дракона, парящего посреди обычных эмблем, сопровождающих этого божественного распределителя несущих изобилие дождей, а именно — облаков и звезд»⁴⁰⁵. «Стержень каждой (из четырех колонн, образующийся при продлении диагоналей между табличками до дороги, ведущей к гробницам Минов) украшен скульптурным изображением гигантского дракона, обвивающегося вокруг нее, как будто он поднимается в небеса».

Относительно этих торжественных врат де Гроот замечает, что табличка, поставленная перпендикулярно под их самой высокой крышей, несет на себе иероглифы 御旨, «По Императорскому Указу», или 聖旨, «По Указу Священного» и поддерживается парой драконов, «символами благословенного правления Сына Неба»⁴⁰⁶.

Лазурный дракон, символ восточного направления в древнем Китае, располагался на левой стороне гробов аристократии династии Хань, тогда как на правой был белый тигр, представляющий Запад. Мы узнаем об этом из отрывка в Книгах Ранней Династии Хань⁴⁰⁷, цитируемого де Гроотом⁴⁰⁸, который ссылается также на Книги Поздней Династии Хань⁴⁰⁹, где говорится, что императорские гробы «обычно раскрашивались и украшались изображениями солнца, луны, птицы, черепахи, дракона и тигра». Так же было и при династии Тан⁴¹⁰. В настоящее время использование орнамента с драконом не ограничивается лишь случаями похорон императора, или аристократии, но и простым людям позволено обретать из благотворную силу. «На передней занавеси⁴¹¹ (катафалка) изображена пара драконов, полнимающаяся из волн, окруженная облаками и с солнцем между ними; задник несет изображение тигра, или единорога, верх — драконов, различные орнаментальные цветы и фигуры, представляющие облака. Благодаря этим облакам и драконам, их же производящим, как божества воды, величайшие добродетели, какие

⁴⁰³ *Rel. Syst.*, Vol. I, pp. 185 sqq.

⁴⁰⁴ С. 187, рис. 20, картинка *ша* с изображением дракона.

⁴⁰⁵ De Groot, 1.1., Vol. III, p. 1193, plate XL.

⁴⁰⁶ *Rel. Syst.*, Vol. III, p. 1201.

⁴⁰⁷ Гл. 93.

⁴⁰⁸ Vol. I, pp. 315 sq., cf. Vol. II, p. 699.

⁴⁰⁹ Гл. 16, с. 2.

⁴¹⁰ T.S., Разд. 禮儀, Гл. 56; De Groot, 1.1., Vol. I, p. 317.

⁴¹¹ По *Ли-цзи* (Гл. 58, с. 39, цит. De Groot, Vol. I, p. 182) в древности на боковых занавесях катафалка Правителя изображались драконы. См. De Groot, 1.1., p. 183, Fig. 18.

только может даровать Вселенная, а именно — плодородные дожди, побуждающие все живое к росту и дарующие пищу, одежду и богатство, окружают усопшего»⁴¹². Похоронные одежды женщин в Амое, называемые «драконьим полупальто»⁴¹³, «драконьей мантией»⁴¹⁴, и «накидкой облаков»⁴¹⁵, украшены вышивкой с драконами среди облаков, летучих мышей, фениксов, оленей, черепах и журавлей, эмблем плодородных дождей, преклонного возраста, радости, денежных доходов и счастья⁴¹⁶.

*Ли-цзи*⁴¹⁷ рассказывает, что при великом жертвоприношении Правителя Чжао в последнем месяце лета «правитель (Лу), в своем одеянии с фигурами драконов и шапке с подвесками стоял на восточных ступенях». Немного дальше⁴¹⁸ мы читаем: «В качестве черпаков они (правители Лу) пользовались изделиями из Ся с рукоятками, заканчивавшимися драконьей головой» и «у них были музыкальные подставки из Ся, на лицевой доске и ножках которой были вырезаны драконы»⁴¹⁹; «у них были наколенники из Чжоу с драконами»⁴²⁰.

§ 2. Девять различных типов драконов, использовавшихся в орнаментах.

Хорошо известная работа конца XVI в., *У цза цзы*⁴²¹ сообщает нам о девяти различных молодых драконах, чьи образы использовались в орнаментах в соответствии с их характерами. Пу-лао, 蒲牢 драконы, любящие кричать, изображаются на верхушках колоколов, служа их рукоятками. Сы-ню, 四牛 любящие музыку, используются для украшения музыкальных инструментов. Чи-вэнь, 蚩吻 любящие глотать, помещаются на обоих противоположных свесах крыш, (чтобы проглатывать все злые воздействия). Чжао-фэн, 嘲風 звери, похожие на львов, любящие обрывы, помещаются на четырех углах крыш. Ай-хуа, 睚眦 любящие убивать, служат орнаментами рукояток мечей. Хи-би, 虺蜺 имеющий форму *чи-луна*⁴²², и интересующиеся литературой, представлены по бокам надгробных памятников. Пи-хань 狻猊, любящие тяжбы, помещаются над тюремными воротами (в качестве охранников). Сань-и 狻猊, любящие посидеть, представлены на основаниях буддийских скульптур (под ногами будд, или бодхисаттв). Ба-ся 霸下, наконец, большие черепахи, любящие перетаскивать тяжелые предметы, помещаются под надгробными памятниками⁴²³.

Далее тот же автор перечисляет еще девять видов драконов, — их так много, говорит он, поскольку природа драконов чрезвычайно похотлива, и они спариваются со всеми животными⁴²⁴, что представлено в виде орнаментов на различных предметах, или строениях в соответствии с их пристрастиями: тюрьмы, запах только что пойманной рыбы, или свежего мяса, ветер и дождь, украшения, дым, закрытие рта (для украшения замочных скважин), стояние на покатых местах (помещаются на крышах) и огонь.

§ 3. Орнаменты, используемые У-истскими служителями и медиумами.

⁴¹² De Groot, Vol. I, p. 181.

⁴¹³ 蟒裙, *бонг-кун*.

⁴¹⁴ 蟒襖, *бонг-о*.

⁴¹⁵ 霞帔, *хе-пое*.

⁴¹⁶ De Groot, Vol. I, p. 53, Fig. III, IV and V.

⁴¹⁷ Couvreur, *Li ki*, Vol. I, p. 732, Chap. XII, *Ming T'ang Wei*, 明堂位, § 11. Legge, *Sacred Books*, Vol. XXVIII, p. 33.

⁴¹⁸ Couvreur, l. l., p. 736, § 20. Legge, l. l., p. 35.

⁴¹⁹ Couvreur, l. l., p. 736, § 26. Legge, l. l., p. 37.

⁴²⁰ Couvreur, l. l., p. 740, § 29. Legge, l. l., p. 38.

⁴²¹ 五雜俎, написана около 1592 г. Сиэ Чжаочжи, 謝肇淛.

⁴²² 螭龍, представлен в T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 127, и в *Вакан Сансай дзуэ*, Гл. XLV, с. 674. Cf. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. III, p. 1142, Fig. 37, *чи* (или *ли*) 螭, вырезанное на ограждении, увенчивающем каменную надгробную плиту. Они упоминаются уже в III-м веке до н.э. (в *Люй-ши чунь-цю*), и описываются в *Шуо вэнь*, как желтые животные, напоминающие драконов, или безрогих драконов.

⁴²³ Те же сведения мы находим в *Вакан сансай дзуэ*, Гл. XLV, с. 674, и далее; объяснены в словаре под названием *Цзин цзы тун* (正字通亥集下卷, с. 60; написано Яо Вэньингом 廖文英, во времена династии Цин.) Во многих отношениях японцы следовали этим китайским правилам орнаментации.

⁴²⁴ По той же работе (Гл. IX), скрещение дракона и коровы производит *лин* (麟, единорог-женщина), дракона и свиньи — слона, дракона и лошади — дракона-лошади (см. выше).

Описание де Гроотом религиозных одежд У-истских служителей (*сай-конг* 師公 в Амое) содержит следующее место: «Слева и справа (от сгрудившихся гор, представляющих континент мира, вышитых на спине главного одеяния *сай-конг*) большой дракон поднимается высоко над волнами, всей своей позой выражая парение над континентом; эти животные символизируют плодородные дожди и поэтому окружены фигурами из золотых нитей, представляющими облака, и другими, напоминающими спирали и выражающими раскаты грома... Есть также широкая лента синего шелка вокруг шеи, вышитая двумя поднимающимися драконами, изрыгающими шар, вероятно, символизирующий гром»⁴²⁵.

Похожее второстепенное одеяние *сай-конг* украшено «удлиненным куском синего шелка с двумя драконами, изрыгающими шар, а также с континентом и волнами, над которыми они парят»⁴²⁶.

«Становится очевидно, что священные одежды *сай-конг* являются магическими одеяниями. Служитель, их надевающий, облачается силой самого Мирового Порядка и, таким образом, становится способен восстановить этот Порядок где бы то ни было; с помощью жертвоприношений и магических церемоний он предотвращает внесезонные и несущие бедствия события, такие как засуха, вневременные и избыточные осадки, или солнечные затмения. Помимо этого, поскольку Дао есть самая мощная сила в борьбе с миром демонов, одежды наделяют ими облеченного всепобеждающей изгонительной силой»⁴²⁷.

На так называемом «вышитом животе» 繡肚, куске красного полотна, или шелка, прикрепленную к животу на *ки-тонг* 乩童, «мальчишках—прорицателях», использовавшихся, как медиумы, одержимые божествами, «вышиты золотой нитью два дракона; ибо драконы — символ императорского достоинства и, соответственно, — Императора Вселенной, в чьем услужении находится вселившийся в *ки-тонг* дух, равным образом, как и все другие *шэнь*»⁴²⁸.

«*Цзи* (乩, инструмент для духовных писаний) из стильной дубинки как правило укутан в красный шелк, или черное тонкое сукно, на котором золотыми нитками изображен дракон; очевидно, что столь часто являясь местом пребывания духа божества, инструмент, так же, как и его образ, заслуживает божественных одежд, которыми является накидка с вышитыми на ней указанными императорскими животными. У таких *цзи* высшего порядка верхняя оконечность красиво вырезана в форме головы и чешуйчатой шеи дракона, или змеи и позолочена»⁴²⁹.

«Если носилки (божества *ки-тонг*, чей образ переносится в них) полностью снаряжены, то сзади воткнуты пять тонких шестов, к каждому из которых присоединен треугольный флаг с вышитыми эмблемами императорского достоинства, а именно, — возносящийся дракон, который изрыгает шар»⁴³⁰.

§ 4. Драконы и шар.

Что касается шара, «изрыгаемого двумя драконами», то это немедленно напоминает нам праздник Дракона в 15—й день первого месяца; шар, носимый перед драконом в этот день, может быть объяснен так же, т.е. как гром, изрыгнутый драконом, а не как солнце, которое он преследует. На этот факт мне устно указал сам проф. де Гроот. Шар между двумя драконами часто обозначается, как спираль, а в древнем заговоре, представленном в *Бао Пуцзы* Гэ Хуна (17—й раздел) «спираль означает раскаты грома, от которых вспыхивают молнии»⁴³¹. «В знаке, выражающем молнию, линия обозначает вспышку; поэтому эффективность ее магических чар бесконечно усиливается удлинением этой линии так, что она начинает выглядеть, как спираль, что, одновременно, выражает громовой раскат»⁴³².

Эта теория совпадает с объяснением Хирта Triquetrum⁴³³ в связи с драконом в китайских и японских орнаментах⁴³⁴. Хирт идентифицирует Triquetrum с известной фигурой в форме трех запятых, япон-

⁴²⁵ *Rel. Syst.*, VI, p. 1265, Plate XVIII.

⁴²⁶ L.1., p. 1266.

⁴²⁷ L.1., p. 1266.

⁴²⁸ De Groot, 1.1., Vol. VI, p. 1275.

⁴²⁹ L.1., p. 1297.

⁴³⁰ L.1., p. 1316.

⁴³¹ *Rel. Syst.*, VI, p. 1036, Fig. 3.

⁴³² L.1., p. 1040.

⁴³³ Орнамент из трёх переплетённых дуг или петель, обыкн. в виде треугольника.

ской *мицу-томоэ*, с древней спиралью, выражающей гром, и приводит японскую картинку бога грома с его барабанами, каждый из которых испускает пламя и украшен *мицу-томоэ*. Но этот орнамент вовсе не органичивается барабанами бога грома⁴³⁵; напротив, его очень часто можно видеть даже на барабанах, в которые бьют дети на празднике Нитирэна в октябре. Во многих японских храмах праздники, не имеющие никакой связи с богом грома, или драконом, на фонарях и флагах виден такой же орнамент. Хирт объясняет его частое появление на черепице, как способ отогнать молнию, основанный на правиле «подобное излечивается подобным». Это противоречит использованию «симпатической магии», очень распространенной на Дальнем Востоке⁴³⁶, в соответствии с которым символ грома не только не отведет гром, но привлечет его, разрушая этим и прогоняя злые воздействия. Очевидно, оба взгляда обнаруживаются бок о бок, поскольку изображения драконов были призваны притягивать их, вызывая этим гром и дождь, однако в то же время божеству грома с горы Атаго (с которым идентифицировался Сёгун Дзидзо, как Атаго Гонгэн) поклонялись, как главному защитнику от огня. Но символ грома на черепице мог также служить для того, чтобы прогонять прочь все злые воздействия от зданий, подобно драконам, представленным на обоих концах распорки, упоминавшейся выше.

Хирт приводит картинку из японской работы по орнаментам, озаглавленной *Найрю кира га оса*, однако древние китайские Triquetrams, №№ 23, 25–27 отличаются от японских форм, так как у первых в центре круг и пять, или восемь запятых, все расположенные отдельно и повернутые к центру (за исключением № 23, где они исходят из центра), тогда как последние состоят из двух, или трех черных запятых, переплетенных с белыми и часто соединенных в центре. И все же, движение поворота очевидно присутствует везде, и чем больше я размышляю над этим, тем более склоняюсь к принятию объяснения Хирта *мицу-томоэ* и *футацу-томоэ* (две запятые), как катящегося грома. Их частое появление на фонарях, флагах, черепице и, в старину, на *томо*, или кожаном щите, носимом на запястье лучниками, и их частое использование в качестве военных значков может быть объяснено их магической силой, отвращающей зло и, в некоторых случаях, приносящей плодородные дожди. Ранее я считал их символами *Ян* и *Инь*, а третью запятую — *Тай Цици* (太極, первоначальность, из которой происходят *Ян* и *Инь*). Эта исходность, представленная в Китае всей фигурой, могла быть по ошибке выражена японцами с помощью третьей запятой⁴³⁷. *Ян* и *Инь*, Свет и Тьма, однако, представляются одной белой и одной черной фигурами, иногда напоминающими запятые и вместе образующими круг. Было бы очень странно, если бы древние японцы, старавшиеся максимально точно имитировать китайские модели, изменили бы этот символ до степени потери им своего фундаментального значения; замена двух запятых, белой и черной, двумя, или тремя черными имела бы именно такой результат. Более того, в японском гадании, основывающемся на китайских гексаграммах, оригинальный китайским символ *Ян* и *Инь* всегда используется и помещается в середине восьми гексаграмм. Таким образом, *футацу-томоэ* и *мицу-томоэ* явно отличны от этого символа, и Хирт правильно идентифицирует их с древней китайской спиралью, представляющей гром. Более того, я нашел такое же объяснение *томоэ* в японской работе *Сиодзири*⁴³⁸, где дается картинка двух разновидностей спиралей, древних символов грома и облаков. Наконец, на японских гравюрах дракон часто сопровождается громадной спиралью, символизирующей вызываемую им бурю.

Представляет ли гром шар, столь часто видимый в связи с драконом и часто изображаемый, как спираль, извергающая языки пламени, или как шар, на котором прорисовано что-то вроде спирали? Хирт и де Гроот считают, что да. Последний, рассматривая природу дракона, как божества грома, приходит к заключению, что дракон должен изрыгнуть шар, а не проглотить его, ибо зачем тому, кто вызывает гром, преследовать и стремиться проглотить его? Хирт говорит о драконе, который когтями приводит гром во вращение. Однако, это не есть обычный способ изображения дракона с шаром, или спиралью. Два дракона, летящие с открытыми пастями к шару, или спирали между ними, — таково чаще всего встречающееся и наиболее древнее изображение. Художники, в особенности позднего времени, часто варьировали этот сюжет, так что иногда мы видим более двух драконов, стремящихся к одному ша-

⁴³⁴ Hirth, *Chinesische Studien*, Vol. I, pp. 231 sqq. (Verhandlungen der Berl. Anthr. Ges., Sitzung vom 22 Juni 1889), “Ueber den Maander und das Triquetrum in der chinesischen und japanischen Ornamentik”.

⁴³⁵ Он не представлен на его барабанах на картинке в *Вакан сансай дзюэ*, Гл. III, с. 41.

⁴³⁶ См. ниже, Книга I, Гл. V, § 3; Книга II, Гл. III, § 10.

⁴³⁷ См. Florenz, *Jap. Mythologie*, p. 78, note 7.

⁴³⁸ Издание 1907, гл. XXXI, с. 497.

ру, или одного дракона, пытающегося проглотить его, или поймавшего его в когти; иногда бывает даже два шара и один дракон. Однако нигде не создается впечатления, что они изрыгают шар; напротив, весь их облик указывает на то, что они изо всех сил стремятся схватить и проглотить его. Более того, как два дракона могут изрыгнуть один шар? Также, дракон на празднике постоянно следует своей пастью за шаром, явно желая проглотить его. И все же, я склонялся к тому, чтобы принять теорию де Гроота, хотя было очень трудно согласовать ее с поведением драконов, когда Г—н Крамп любезно высказал мне свое мнение на этот предмет. Привлекши мое внимание к статье Хирта, описанной выше, он показал мне маленькую китайскую картинку, помещенную в книге Blacker's *Chats on Oriental China* (London, 1908), на с. 54, где мы видим двух драконов, летящих к яркому спиралевидному шару, под которым написаны следующие иероглифы: 兩龍朝月, «Пара драконов обращенных к луне». Луна! Это были первые написанные иероглифы, какие я увидел по отношению к этому интересному предмету, ибо в море текстов о драконах, древних и современных, не приводилось ни единого слова. Оставляя в стороне иероглиф 朝, который явно не лучший выбор для определения агрессивности драконов, мы будем рассматривать лишь иероглиф 月.

Абсурдным ли будет представить, что драконы пытаются проглотить луну? Нисколько, ибо драконы — это, как мы видели выше, облака, и древние китайцы вполне могли вообразить этих драконов, быстро приближающихся и закрывающих луну, собственно — поглощающих ее. Вскоре после этого плодородный дождь проливался на жаждущую землю, — великое благословение для человечества. По этой причине они так часто изображались пытающимися проглотить луну, именно — как символ плодородных дождей. Благодаря близкой связи между луной и водой, проглоченная драконом луна, как считалось, усиливала способность насылания дождя у последнего. Дракон на празднике, преследующий луну, должен был быть пронесен по улицам, чтобы вызвать дождь симпатической магией.

Сами китайцы, однако, в основном называли шар «драгоценной жемчужиной». Так это объясняется в высшей степени интересной книге Бёршманна о *Пу то шань*⁴³⁹, где позолоченный стеклянный шар свисает с центра крыши Великого Зала в буддийском храме Фа-юй (法雨寺, «Храме Дождя Закона»), а восемь драконов, вырезанные на окружающих его «висячих колоннах», алчно тянут свои когти к «жемчужине совершенства»⁴⁴⁰. Этот термин звучит «по-буддийски» и подходит к буддийскому окружению, так же, как и число драконов — восемь, что ко всему прочему, зафиксировано формой крыши, а также обнаруживается на ступеньках Юй-фо-тянь (с. 57). Драконы, пытающиеся схватить сказочную «жемчужину», висящую на воротах (Драконы-ворота, см. выше), дважды представлены в том же храме (сс. 46, 87). Оставляя в стороне фантастические идеи Бёршманна о том, что «драконы играют с жемчужиной» (с. 43), мы можем быть уверены, что китайские буддисты, идентифицируя дракона с Нага, также идентифицировали шар с их *чинтамани*, или драгоценной жемчужиной, исполняющей все желания. Возникает вопрос: «Был ли шар исходно также жемчужиной, не буддийской, но — даосской?»

Г—н Крамп указал мне, что иероглиф 玥, представляющий комбинацию знаков «драгоценный камень» и «луна», хотя и отсутствует в словарях Уэллс Уильямса, Гиля и Куврера, но приводится в словаре *Кан-си*. Я нашел его также в японском лексиконе, озаглавленном *Канва дайджитэн* (с. 852), объясненным, как «божественная жемчужина» (神珠), с японско-китайским произношением *гэцу, гати*. Очевидно, это основано на словаре *Кан-си*, где мы читаем s.v.: 魚厥切、音月、神珠也. То же произношение и значение приводится в лексиконе, озаглавленном *Цзы-вэй*. Эта священная жемчужина юэ обрела свою святость, вероятно, из-за связи с луной, так как вторая часть иероглифа 玥 может не только являться фонетическим элементом, но также указывать, что это — «жемчужина луны», так как есть еще «жемчужина яркой луны» (明月之珠, *Couvreur's Dictionary* s.v. 月). Возможно, что в маленьком предложении, приведенном выше: 兩龍朝月, последний иероглиф занял место более полной формы 玥, и в этом случае два дракона будут «обращаться к луне-жемчужине».

Нетвердыми моментами в «лунной теории» является красный цвет шара и его спиралевидная форма. Если это есть жемчужина, представляющая луну, или, по крайней мере, тесно с нею связанная, то красный цвет может означать блеск этого яркого, пламенного драгоценного камня, который в храме на Пу то шань, упоминавшемся выше, представлен позолоченным стеклянным шаром. Красный шар,

⁴³⁹ Ernst Boerschmann, *Die Baukunst und religiöse Kultur der Chinesen*. Band I: *P'u t'o shan*.

⁴⁴⁰ Драконы и жемчужина: сс. 18, 35, 57, 59, 77, 124. Один дракон с жемчужиной в когтях, другие летят с обеих сторон, с. 35.

несомый девушкой—драконом в Зале Закона того же храма (Voerschmann, 1.1., p. 122, pg 7), очевидно, также жемчужина. Спираль часто использовалась для изображения священных буддийских жемчужин, и, вероятно, могла служить для рисунков даосских сокровищ; хотя, я должен признать, что спираль буддийских жемчужин поднимается вверх, тогда как спираль драконов плоская.

Мы знаем о тесной связи между драконами и жемчужинами в обеих религиях. Она вполне логична, так как повелители морей, разумеется, являются обладателями и хранителями их сокровищ. Когда облака надвигались и скрывали луну, древние китайцы могли думать, что драконы схватили и проглотили эту жемчужину, более яркую, чем все остальные жемчужины их моря.

Все же, это — не более, чем предположения. Вот те факты, что нам известны: отношение драконов, готовых схватить и проглотить шар; идеи самих китайцев относительно того, что шар является лунной, или жемчужиной; существование разновидности священной «лунной жемчужины»; красный цвет шара, испускание им пламени и его спиралевидная форма. Поскольку три последних факта говорят в пользу «громовой» теории, я склонен предпочесть последнюю. Все же, я убежден, что драконы не изрыгают гром. Если бы их попытки схватить и проглотить гром могли быть объяснены, я немедленно принял бы теорию громовой спирали, особенно в той ее части, где она извергает языки пламени. Однако я не вижу причины для бога грома преследовать сам гром. Поэтому, приведя вышеизложенные факты, дабы читатель принял их ко вниманию, я вынужден сказать: *non liquet*⁴⁴¹.

⁴⁴¹ Лат. “не ясно”.

ГЛАВА V

ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ, ГРОМА И БУРИ.

§ 1. Боги грома, облаков и дождя.

Классики учат нас, что дракон — это гром и, одновременно, — водяное животное, родственное змее, спящей в прудах зимой и просыпающейся весной. Когда приходит осень со своей сухой погодой, дракон опускается и ныряет в воду, чтобы оставаться там, пока вновь не наступит весна. Когда в первый месяц года то там, то здесь слышались раскаты грома и сеял мелкий дождь, древние были уверены, что это — дело рук драконов, появляющихся в небе в форме темных облаков. Если наша интерпретация слов *И-цзин* верна, то «преимущества», даруемые ими, когда они парили над рисовыми полями, и «благословляющая сила, распространяемая ими повсеместно», являлись не чем иным, как плодородным дождем, падавшим на землю. Во всяком случае, в поздних текстах мы видим их определенно отнесенных к божествам облаков и дождя, чье дыхание обращается в облака⁴⁴² и чья сила проявляет себя в проливных дождях. Гэ Хун⁴⁴³, например, в *Бао Пу-цзы* заявляет следующее: «Если в день *инь* в горах встретишь существо, объявляющее себя “лесником”, то это тигр,... если в день *чэнь* существо называет себя “Повелителем дождя”, это дракон... Если знать эти их имена животных, они не причинят тебе никакого вреда». Действительно, тигр — бог гор и лесов, а дракон — божество воды и дождя.

В соответствии с *Го-юй*⁴⁴⁴, Конфуций заявлял, что «видения (怪, “странные существа”) в воде называются *лун* (龍) и *ван-сян* (罔象), тогда как видения между деревьями и скалами — *гуэй* (夔) и *ван-лян* (蝮蝮虫兩)». Что касается этих *гуэй*, то мы узнаем от де Гроота⁴⁴⁵, который цитирует *Шо-вэнь*⁴⁴⁶ и *Шань хай цзин*⁴⁴⁷, что это — класс одноногих животных, или драконов с человеческими лицами, который в древнем Китае считался амфибиями, вызывающими ветер и дождь. *Шань хай цзин*, цитируемая де Гроотом, описывает их следующим образом: «В Восточных морях есть Земля Катящихся Волн, простирающаяся вдоль моря на семь тысяч миль. Там живут некие животные, похожие на коров с синими телами, однако без рогов и с одной ногой. Когда они входят в воду, или выходят из нее, непременно задувают ветры и льются дожди. Они ослепительно блестят, как солнце и луна; их голоса подобны раскатам грома. Они зовутся *гуэй*. Император Хуан поймал нескольких и сделал из их шкур барабаны, которые, когда в них били костями 'зверя грома', звучали так, что были слышимы на расстоянии в пятьсот миль, и этим привел мир поднебесной в благоговейный трепет». «В этом описании, — говорит де Гроот, — мы немедленно узнаем *лун*, или Дракона, китайского бога Воды и Дождя».

Далее, де Гроот⁴⁴⁸ цитирует *Цзы бу юй*⁴⁴⁹, где говорится следующее: «Есть три разновидности вызывающих засуху *ба* (旱魃). Некоторые похожи на четвероногих; другие — изменившиеся *цзын-ши* (僵尸, мертвецы-привидения), и оба вида способны насыпать засуху, останавливая ветер и дождь. Однако главные, высшие демоны засухи, называемые *го* (или *го-цзы*, 格、格子), наносят еще больший ущерб; они напоминают людей, но выше и имеют лишь один глаз наверху головы. Они прогоняют драконов, а все Повелители-дождей (雨師) сильно их боятся, ибо когда они (*го*) видят, как встают облака, то поднимают головы и разгоняют их (облака) во все стороны, дуя на них, и солнце начинает печь сильнее. Ни один человек не в силах их победить. Некоторые говорят, что, когда Небо желает, чтобы была засуха, пары горных ручьев (山川之氣) сгущаются и превращаются в этих демонов. Когда же они внезапно исчезают, начинается дождь».

⁴⁴² См. *Эр я и*, где цитируется Ван Фу, выше, Книга I, Гл. III, § 2, с. 66; Хань Юй, 韓愈, (768—824), цит. в T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 127, с. 8b, говорит то же.

⁴⁴³ Гл. IV, Разд. 登涉, цит. у De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. V, p. 601.

⁴⁴⁴ Гл. V, 魯語, цит. у De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. V, p. 495.

⁴⁴⁵ I, I, pp. 496 sq.

⁴⁴⁶ 說文, словарь, составленный в первом веке нашей эры Сюй Шэнем, 許慎; Гл. V, 2.

⁴⁴⁷ Ch. XIV, 大荒東經, p. 6b.

⁴⁴⁸ *Rel. Syst.*, Vol. V, p. 761.

⁴⁴⁹ 子不語, написано во второй половине XVIII-го века Суй Юанем, 隨園; Приложение, Гл. III.

Термин «Повелитель-дождя» (*юй-ши*, 雨師) для дракона упоминает также У Шу⁴⁵⁰. Японцы в особенности применяли его к одному из речных божеств в форме дракона, знаменитому своей способностью насылать дождь⁴⁵¹. Поднимающиеся драконы вызывают дождь, однако, когда они спускаются с неба, результат не обязательно тот же. По «Различным крестьянским гаданиям»⁴⁵², когда опускается черный дракон, это означает приближение засухи, или, по крайней мере, меньше дождей, отсюда поговорка: «Много драконов — много засух». Однако, опускание белого дракона объясняется, как точный признак приближающегося дождя.

§ 2. Провлинные дожди, сопровождаемые сильным ветром и громом.

В отрывке из Истории [династии] Сун, цитированном выше⁴⁵³, где говорилось о предзнаменованиях, связанных с драконами, появление черного дракона над столицей сочли предвестником большого наводнения, которое на следующий год уничтожило поля и дома в 24 префектурах. Мы также читаем там, что дракон, который в четвертом месяце шестого года эры Кай—бао (973) вылетел из колодца, вызвал проливные дожди, уничтожившие большое количество домов и деревьев, а также людей. А в шестом месяце следующего года, когда в башню ворот замка ударила молния, то этот случай описали так: «В Ди—чжоу из воздуха упал огонь на башню Северных ворот замка. Было существо, обнявшее восточную колонну. Облик его был, как у дракона, цвет — золотой; ноги — около трех *чи* в длину, дыхание зловонное. Поутру, когда люди стали его искать, на верхней части стены было тридцать дымных пятен и следы когтей».

Такие же следы появились, к великому изумлению народа, после жестокой бури, сопровождавшейся громом, когда с ворот сорвало доску с надписью и далеко отбросило, уничтожив на ней один из иероглифов⁴⁵⁴. В другой раз белый дракон принес сильный ветер и дождь. Небо почернело и стало темно — хоть глаз выколи. Было разрушено более пятисот домов; большие деревья вырывало с корнем и поднимало на воздух, откуда они падали уже совершенно изломанные⁴⁵⁵. По *Ю-ян цза цзы*⁴⁵⁶, ветер, дождь и гром вызывались драконом, который в форме белой рептилии обвился вокруг одной ноги лошади, когда та купалась в реке. Тварь вцепилась так крепко, что лошадь потеряла много крови к тому времени, когда хватку чудовища удалось ослабить. Генерал, являвшийся хозяином лошади, взял рептилию и сохранил ее в коробке. В один из дней гости посоветовали ему испытать природу существа с помощью воды. Его положили в углубление в земле и побрызгали водой. Через некоторое время животное стало извиваться и как бы увеличиваться. В углублении забурлила вода, и внезапно оттуда повалил черный пар, похожий на дым от благовоний, и устремился прямо вверх к свесам крыши. Толпа внизу испугалась и бросилась по домам, убежденная, что это — дракон. Однако, не отбежали они и на несколько миль, как поднялся ветер, полил дождь и послышались несколько раскатов грома.

В особенности смерчи, в Японии именуемые *тацу—маки*, или «вертящиеся драконы»⁴⁵⁷, образующие водяные смерчи и поднимающие в воздух тяжелые объекты, рассматривались, как драконы, прокладывающие себе путь на небо среди грома и дождя. Дыры в земле от вулканической деятельности, испускающие дымы, считались местами, откуда вылетели драконы, лежавшие до этого в земле, и поднялись в небеса⁴⁵⁸. Два мальчика, рожденные от брака мужчины с драконом, принавшим сперва

⁴⁵⁰ 吳淑(947—1002), знаменитый ученый, стоявший во главе комиссии, составившей *Тай—пин юй—лань* и *Вэнь юань ин хуа*, автор *Ши лэй фу* 事類賦, (Giles, *Biogr. Dict.*, nr 2345); *Лун—фу* 龍賦, Т.С., тот же раздел, Гл. 127, с. 11а.

⁴⁵¹ См. ниже, Книга II, Гл. III.

⁴⁵² 田家類占, *Тянь цзя цза чжэнь*. Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 6b.

⁴⁵³ Гл. 五行志.

⁴⁵⁴ *Лао сюэ ань би цзи*, 老学庵筆記, по де Грооту (*Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 220, note 1) «собрание записей о различных предметах в десяти главах, составленное Лу Ю, 陸遊, также называвшимся У—ганем, 務觀, высокопоставленным чиновником, жившим 1125—1209 гг.». Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 7b.

⁴⁵⁵ *Чжоу гэн лу*, 輟耕錄, написанное Тао Цзунью, 陶宗儀, псевдоним — Цзю—чин, 九成, опубликовано в 1366 г. (см. De Groot, I. I., Vol. IV, p. 346). Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 10а.

⁴⁵⁶ Гл. XV (諸泉記下), с. 2а.

⁴⁵⁷ См. ниже, Книга II, Гл. IX.

⁴⁵⁸ См. *И цзянь чжи*, 夷堅志, написал Хун Май, 洪邁, в XII—ом веке; Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 9b; *Лун чин лу* 龍城錄, (Wylie, с. 197: «Записи о происшествиях в ранний период Тан», претендующие на авторство Лю Цзунью

форму змеи, а затем — женщины, внезапно вызвали страшную бурю, превратились в драконов и улетели⁴⁵⁹.

Когда в 1156 г. разразилась буря и все окутала тьма, внезапно раздался крик, слышимый за несколько миль, который повторялся на протяжении месяца и более. Люди считали, что его издает дракон из соседнего пруда⁴⁶⁰. В другой раз маленькая змейка, выползшая из трещины в незаштукатуренной стене дома, стала все увеличиваться, превратилась в дракона и улетела среди бури и дождя⁴⁶¹.

Выше было уже рассмотрено, как *цзяо* вызывали ливневые дожди и наводнения⁴⁶², а также то, что бури приписывались драконам, бьющимся в небе⁴⁶³.

§ 3. Молитвы о дожде и магия.

Поскольку дракон являлся богом дождя, с древнейших времен его образы использовались в симпатической магии, чтобы побудить его ко взлету. В *Шань хай цзин*⁴⁶⁴ сказано: «В северо-восточном углу Великой Пустыни (Да-хуан) есть гора, называемая земляной насыпью Сюн-ли; на ее южном склоне живет *ин-лун* (комментатор называет его крылатым драконом⁴⁶⁵).

Убив Чи Ю (первого бунтовщика) и Гуа Фу (?), он (дракон) не мог подняться вновь, и поэтому на земле часто случалась засуха. Во времена засухи делаются изображения *ин-лун*, и после этого идет сильный дождь». Комментатор Го По 郭璞 (276—324) добавляет: «Сегодняшние земляные драконы ведут от него свое происхождение»⁴⁶⁶.

Ван Чун 王充 (27—97) из поздней династии Хань, в своей работе *Лунь Хэн 論衡* остро критиковавший предрассудки своего времени, упоминает следующее заявление Дун Чжуншу⁴⁶⁷: «Во время приношения весенних и осенних жертв для вызывания дождя, устанавливаются земляные драконы. Замысел состоит в том, что они должны привлечь облака и драконов. В *И-цзин* сказано: 'Облака следуют за драконом, ветер следует за тигром'. Они приманиваются посредством их схожести, поэтому, когда установлены земляные драконы, *инь* и *ян* следуют их подобию, а облака с дождем прибывают сами».

Также в *Люй ши чунь-цю*⁴⁶⁸ сказано, что «с помощью драконов получают дождь», а Лю Ань⁴⁶⁹ говорит: «Земляные драконы приносят дождь». В соответствии с комментарием к этому отрывку, «император Тан (основатель династии Шан, 1766 г. до н.э.) во время засухи сделал земляного дракона, чтобы им символизировать дракона, за которым последуют облака». «Правитель Чжэ в земле Чжу, — говорит Ван Чун, — любил драконов и покрыл их изображениями все свои стены и подносы, поистине считая эти картины похожими на настоящих драконов. Поэтому дождь всегда шел (т.е. не было засухи) в земле этого правителя».

В Приложении к *Книгам династии Хань*⁴⁷⁰ дается описание церемоний, отправлявшихся при молении о дожде; пространный комментарий объясняет слова: «Мелкие чиновники поднимают земляных драконов». На первом месте цитируется упоминавшийся выше отрывок из *Шань хай цзин* и комментарий Гэ По относительно земляных драконов его дней. Затем следует долгое описание церемоний вызывания дождей из работы Дун Чжуншу *Чунь-цю фань лу*⁴⁷¹, цитированной выше.

юаня, 柳宗元, из той же династии. Считается, однако, что это — подделка работы Ван Чжи, 王鉉, XII-го века»); Гл. II.

⁴⁵⁹ *Хо линь ю лу*, 鶴林玉露, написано Ло Дацзином, 羅大經, псевдоним Цзин-лунь, 景論, жившим, вероятно, в XII-м веке (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 251, note 1). Т.С., тот же раздел, Гл. 131, с. 16а.

⁴⁶⁰ *Цзян-си тун-чжи*, цит. в Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 6б.

⁴⁶¹ *Фэй сюэ лу* 霏雪錄, цит. в Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 12а.

⁴⁶² Книга I, Гл. III, § 7.

⁴⁶³ Книга I, Гл. II, § 2.

⁴⁶⁴ Разд. 大荒東經, Гл. XIV, с. 6б.

⁴⁶⁵ См. выше, эта Книга, Гл. IV, § 6.

⁴⁶⁶ 今之士龍本此

⁴⁶⁷ 董仲舒, жил во втором веке до н.э., автор *Чунь-цю фань лу*, 春秋繁露, Т.С., тот же раздел, Гл. 127, 龍部芸文 — с. 3б.

⁴⁶⁸ Гл. XX, под заголовком 召類.

⁴⁶⁹ *Хуай нань цзы*, Гл. IV, 地形訓: 土龍致雨

⁴⁷⁰ 統漢書, Гл. V, с. 1: 早興土龍

⁴⁷¹ 春秋繁露, Гл. XVI, № 74 (求雨), сс. 3—6.

В этом отрывке описаны церемонии весны, лета, последнего месяца лета, осени и зимы. Все детали согласуются с даосской системой, описанной де Гроотом⁴⁷²; исполнителями ритуалов были служители—уисты. В церемониях весны, лета, последнего месяца лета, весны и зимы упоминаются, соответственно, восточные, южные (дважды), западные и северные ворота городов и деревень, цвета шелковых знамен на алтарях и одеяний служителей—участников: лазурный, красный, желтый, белый и черный. Далее, цифры восемь, семь, пять, девять и шесть использовались в отношении квадратных алтарей, воздвигаемых при пяти различных церемониях, а также емкостей, в которые помещали криветок, или лягушек, а также — дней, в которые делались различные приготовления⁴⁷³.

Что касается земляных драконов, упоминающихся в этом описании, то дни, когда их делали, размеры, цвета, количества, направления, в которых их устанавливали и стороны, на которых они стояли, так же, как и цвета одеяний тех, кто ими размахивал и их устанавливал, количество и возраст последних,— все соответствует той же даосской системе.

«В дни *цзя* и *и* (весной) делают одного большого синего дракона, восьми *чжан* в длину, и устанавливают в центре; семь маленьких, каждый по четыре *чжан* в длину, делают (и устанавливают) на восточной стороне. Все они направлены к Востоку и расположены в восьми *чи* друг от друга. Восемь маленьких мальчиков, соблюдавших религиозное воздержание три дня и одетые в синие одежды, размахивают драконами. Тянь се фу 田墻夫 (надсмотрщик за урожаем), также три дня соблюдавший религиозное воздержание и одетый в синие одежды, устанавливает их».

Таким же образом летом в дни *бин* и *дин* делается один красный дракон, семи *чжан* в длину, и помещается в центре, а шесть маленьких драконов, каждый по три *чжан* пять *чи*, стоят на южной стороне; все они направлены на юг и установлены на расстоянии в семь *чи* друг от друга. Семь взрослых мужчин, три дня соблюдавших религиозное воздержание, в красных одеждах, размахивают драконами, а Сы кун се фу 司空墻夫 (надсмотрщик за работами), также три дня соблюдавший религиозное воздержание, в красных одеждах, устанавливает их.

Когда горам и холмам молились в последний месяц лета, в дни *у* и *сы*, в центре помещали одного желтого дракона, пяти *чжан* в длину, а четыре⁴⁷⁴ маленьких, длиной в два *чжан* пять *чи*, стояли на южной стороне; все они были направлены на Юг, расстояние между ними было по пять *чи*. Пять пожилых мужчин, три дня соблюдавших религиозное воздержание, в желтых одеждах, размахивали драконами, а пять мужчин (или стариков⁴⁷⁵) в желтых одеждах устанавливали их.

Осенью, в дни *гэн* и *синь*, делали одного большого белого дракона, девяти *чжан* в длину, и помещают в центр; восемь маленьких, длиной четыре *чжан* пять *чи*, помещают на западной стороне. Все они направлены на Запад, расстояние между ними — девять *чи*; девять старых холостяков (или вдовцов 鰥) в белых одеждах размахивают ими, а Сы ма 司馬 (инспекторы лошадей), также в белых одеждах, устанавливает их.

Наконец, зимой, когда возносятся моления знаменитым горам, в дни *жэнь* и *гуэй* делают одного большого черного дракона, шести *чжан* в длину, и помещают в центр, и пять маленьких, каждый три *чжан* в длину, ставящихся на северной стороне; все они направлены на Север, расстояние между ними — шесть *чи*. Шесть стариков в черных одеждах размахивают ими, а *вэй* 尉 (военный), также в черных одеждах, устанавливает их⁴⁷⁶.

В церемониях, проводившихся для прекращения дождя, драконы не упоминаются. Мы узнаем из *Сун-чао ши ши*⁴⁷⁷, что при династии Сун использовались те же магические ритуалы; драконов опрыскивали водой, а после церемонии бросали в воду.

⁴⁷² *Religious System*, Vol. I, p. 317; Vol. IV, p. 26.

⁴⁷³ Моления происходили в день Воды (水日); запрещалось срубить известные деревья, или деревья в лесу; жертвы состояли из трехлетних петухов и свиней; люди жарили свиные хвосты, закапывали человеческие кости, отрывали пруды в горах, жгли дрова и пр., «дабы открыть Инь (воду) и закрыть Ян (солнце)» (с. 4b); по той же причине мужчинам запрещалось посещать базары.

⁴⁷⁴ Основной текст неверно дает цифру *пять*, однако цитата правильно говорит *четыре*.

⁴⁷⁵ Основной текст дает «мужчин», а цитирование — «стариков», 老者.

⁴⁷⁶ *Шэнь—нун цзю—юй шу*, 神農求雨書, цит. в *Го чжи цзин юань*, 格致鏡原, пространной энциклопедии, составленной Чэнь Юаньлуном, 陳元龍, и опубликованной в 1735 г., Гл. IV, Разд. 祈雨, с. 5а, приводит то же описание с меньшим количеством деталей.

⁴⁷⁷ 宋朝事實, цит. в той же главе *Чунь—цзю фань лу*, ном 75, сс. 6 seq.; см. ту же главу, раздел и страницу *Го чжи цзин юань*.

Де Гроот⁴⁷⁸ рассматривает этот обычай, чтобы показать (при том что эта разновидность магических ритуалов для вызывания дождя являлась весьма распространенной в дневнем Китае), что процессу с драконом в 15-й день первого месяца и гонки на драконьих лодках в пятый день пятого месяца можно легко объяснить таким же образом. Он также ссылается на отрывок из *Ю-ян цза цзы*⁴⁷⁹, в котором буддийский служитель, которому в эру Кай-юань (713–742) императором было приказано молиться о дожде, сказал, что желает получить какой-либо предмет утвари с изображением фигуры дракона. Ничего подобного найти не удавалось, пока через два, или три дня в императорском хранилище не обнаружили старинное зеркало, рукоятка которого была выполнена в форме дракона. Монах взял его в святилище и молился; и вот, в тот же вечер полил дождь!

Такая же симпатическая магия упоминается в *Би цзи мань чжи*⁴⁸⁰, где говорится, что для вызывания дождя поклонялись (или, скорее, использовали в магических целях) зеркалу, на заднике которого был изображен «свернувшийся дракон», *пань лун*⁴⁸¹.

Целью этих магических ритуалов было принудить драконов следовать за своим изображением и подняться из пруда. Ничего удивительного, что иногда применялись жестокие меры, чтобы заставить их повиноваться человеческим командам, когда успеха не удавалось достичь. Так, в X в. нашей эры глава двух районов нимало не колеблясь приказал высечь земляного дракона, чтобы принудить непослушных драконов ко взлету; и он оказался прав, так как в тот же день пролилось достаточно дождя⁴⁸².

Как мы видели выше, буддийские монахи также использовали изображения драконов для вызывания дождя. В той же работе⁴⁸³ рассказывается еще одна история времен эры Кай-юань, где говорится, как их иногда использовали для остановки дождя. Император попросил индийского монаха остановить непрекращавшийся дождь, вызванный одним из его коллег, который исполнил свои обязанности столь хорошо, что из-за наводнения утонуло несколько человек. Индийский монах сделал из глины пять, или шесть драконов, положил их в воду и поругал на своем родном языке. Затем вынул их из воды и положил в другом месте, громко смеясь. Через небольшое время дождь прекратился. Значение этой магии, очевидно, отличалось от идей, превалировавших в древнем Китае. Помещая драконов в их элемент, воду, он давал им жизнь, точно так же, как поступил буддийский монах в IV в. с драконом, которого он откопал. Последний, однако, после такого возрождения дракона, с помощью возгласов побудил его подняться в небо и этим прекратил сильную засуху⁴⁸⁴. Его индийский коллега эры Кай-юань, напротив, презрительным смехом удалил дракона после того, как вдохнул в него жизнь, чтобы побудить его собратьев уйти вместе с ним. Мы можем сравнить это с несколькими примерами подобной магии, упоминаемой Фрэйзером в его «Золотой Ветви»⁴⁸⁵. Мы читаем там об эпидемиях, вызванных дикими зверями, скорпионами, или змеями, которые были остановлены при помощи захоронения, или убиения изображений этих пагубных существ.

Забавные предписания относительно вызывания дождя даны в *Ю-ян цза цзы*⁴⁸⁶, где мы читаем следующее: «Взять четыре водяных ящерицы, наполнить два глиняных сосуда водой и посадить в них по две ящерицы. Затем закрыть сосуды деревянными крышками, поместить их в два отдельных тихих места, подготовить сидения перед и позади них и зажечь благовония. Если затем более десяти мальчиков возрастом десять лет, или моложе, днем и ночью непрерывно станут ударять по сосудам маленьки-

⁴⁷⁸ *Fetes annuelles a Emoui*, Vol. I, pp. 375 sqq.

⁴⁷⁹ Гл. III.

⁴⁸⁰ 碧雞漫志, написано Ван Чжоу 王灼, при династии Сун. T.S., тот же раздел, Гл. 131, с. 11b.

⁴⁸¹ Относительно того, что нарисованные драконы были столь же могущественные, как настоящие, мы можем упомянуть *Юнь цзи ци цян*, 雲笈七籤, даосскую работу конца X-го, или начала XI-го века (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 74), где мы читаем о драконе, нарисованном на стене, перед которым расположен колодец, которому молились о ниспослании дождя люди из ближних мест и издали, и он обычно отвечал их мольбам. Однажды во времена засухи некий пьяница имел дерзость обругать дракона. Он закричал из-за баллоустрды колодца: «Если Небо посылает такую засуху, какой же прок от тебя?», и с этими словами ударил большим камнем по ноге дракона. След был еще виден во времена написания труда. Когда тот человек вернулся домой, то вдруг почувствовал непереносимую боль в ноге. И, хотя он отослал человека, чтобы тот зажег перед драконом благовония и извинился, все было тщетно, и через несколько дней он умер. T.S., тот же раздел, Гл. 129, с. 11b.

⁴⁸² *History of the five Dynasties*, 五代史 (907—960); *Го чжи цзин юань*, I. 1.

⁴⁸³ *Ю-ян цза цзы*, Гл. III.

⁴⁸⁴ *Тай-нин юй лань*, Гл. 930. Тот же монах своими молитвами побудил двух белых драконов спуститься и пролить дождь на площадь в тысячу миль.

⁴⁸⁵ Frazer, *Golden Bough*, Vol. II (sec. ed.), pp. 426 sq. Cf. Vol. I, pp 9 sqq.; вызывание дождя магическими способами, I, сс. 82—114.

⁴⁸⁶ Гл. XI (девятый век).

ми бамбуковыми палочками, наверняка пойдет дождь». Этому совету последовали, и через один день и две ночи пролился дождь. «Предания говорят, – добавляет автор, – что драконы и водяные ящерицы относятся к одному виду». Идея раздражения драконов шумом и побуждения этим подняться вверх обнаруживается и в Японии, где, как мы увидим ниже⁴⁸⁷, придворные чиновники устраивали музыкальные и танцевальные представления на драконьем корабле в пруду Парка–Священного–Источника, чтобы вынудить дракона подняться и наслать дождь.

Другой способ вызывания дождя — рассердить драконов, бросая в их пруды ядовитые растения⁴⁸⁸, или пепел⁴⁸⁹, или куски дерева, или камни⁴⁹⁰, или тигровые кости⁴⁹¹ — поскольку тигр является заклятым врагом дракона — или протягивая тигровую голову на веревке через реку, в которой живет дракон⁴⁹². Как мы увидим ниже⁴⁹³, японцы, исследуя те же методы, бросали в драконьи пруды лошадиный помет, старые сандалии и другие грязные вещи, или раздражали драконов с помощью металлической утвари, ибо, как мы видели выше, считалось, что эти животные не любят и боятся железа.

В *У ца цзы*⁴⁹⁴ описывается замечательный способ, с помощью которого люди из Лин–нани вызывали дождь. Поскольку драконы очень похотливы и любят женщин, на возвышенности помещали обнаженную женщину, чтобы привлечь дракона. Как только он появлялся и начинал летать вокруг нее, ему магическими приемами не позволяли до нее дотронуться, чем вызывали его ярость, в результате чего шел проливной дождь. В той же работе⁴⁹⁵ говорится, что в начале лета драконы разделяются, и у каждого есть своя территория, за пределы которой он не выходит. Вот почему летом где–то идет много дождей, а где–то совсем неподалеку не идет вообще.

Помимо этих способов раздражения драконов мы часто читаем о возносимых им молитвах о даровании плодородных дождей. Это происходило в святилищах, или у прудов, населенных драконами, либо у входа в их пещеры. *Мао тин ко хуа*, например, упоминает о храме Дракона–женщины, посвященном дракону женского рода, который в 740 г. появился во сне и пообещал дождь, когда в засушливое время ему станут читать молитвы⁴⁹⁶. А в *Шо шэнь цзи* мы читаем о больном драконе, который в результате возгласения молитв у его пещеры вызвал плохо пахнувший дождь, который испортил бы урожай, если бы предсказатель не узнал об этом заранее и не излечил дракона по просьбе последнего. После этого прошел плодородный дождь, а из скалы забил чистый родник⁴⁹⁷.

§ 4. Буддийские церемонии по вызыванию дождя.

⁴⁸⁷ Гл. V. Это напоминает нам о громадных бронзовых барабанах, украшенных лягушками, демонами дождя, в которых вероятно били племена Мань в южном Китае, когда затягивалась засуха. См. De Groot, *Die antiken Bronzepakken im Ostindischen Archipel und auf dem Festlande von Sudostasien*, Mitth. des Seminars f. Orient. Spr. zu Berlin, Jahrg. IV, Abth. I, pp. 76—113.

⁴⁸⁸ *Тай—тин юй—лань*, Гл. 930.

⁴⁸⁹ *Вэн юань сянь чжи*, 翁源懸志, цит. в японской работе *Сёбуцу руйдзан*, 庶物類纂, Раздел 龍.

⁴⁹⁰ Цит. в T.S., тот же раздел, Гл. 130, с. 8а: «Если бросить кусок дерева, или камень в драконий пруд, это немедленно вызовет поднимающийся черный пар, за которым последует гром и молния, дождь и град». В ясные дни поверхность воды этого пруда пятицветная, – признак того, что там живет дракон. Во время засухи делались приношения и возносились моления.

⁴⁹¹ *Чжэнь чжу чуань*, 珍珠船, написано Чэнь Цзэйцзюном, 珍船公, при династии Мин; Гл. I.

⁴⁹² *Шан шу цзю ши*, 尚書故實, написано Ли Чо 孝韓 в IX–ом веке: «На юге, когда стоит долгая засуха, тигровый череп привязывают к длинной веревке и бросают в воду в том месте, где живет дракон. Затем несколько человек тянут ее то туда, то сюда. Внезапно из середины пруда поднимаются облака и вскоре проливается дождь. Дракон — враг тигра, и даже высушенные кости последнего раздражают его до немалой степени». См. *Гуа и чжи* (XIII–й век), цит. в T.S., тот же раздел, Гл. 130, с. 7а: «В эру Шунь—си (1174—1190) тигровая кость, привязанная к длинной веревке, была опущена в “Пруд белого дракона” рядом с “Пещерой белого дракона” перед буддийским храмом. Вскоре пошел дождь, и, поскольку они вынимали кость из пруда медленно, жестокая буря создала угрозу правительственному зданию, однако прекратилась, когда кость вынули». Дата показывает, что здесь мы имеем отрывок из *Сянь чуань гуа и чжи*, 閑窗括異志, написанного Лу Инлуном, 魯心龍, жившим приблизительно в середине XIII–го века (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 347, note 1), а не из *Гуа и чжи*, написанной во второй половине XI–го века Чжан Шичжином, 張師正, псевдоним Бу—и, 不疑 (De Groot, 1.1., IV, с. 210, note 1).

⁴⁹³ Книга II, Гл. III.

⁴⁹⁴ Гл. IX.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Гл. 130, с. 2а.

⁴⁹⁷ Гл. VI; см. Гл. X.

Во *Введении* (§ 4) мы рассматривали буддийские церемонии по вызыванию дождя, прописанные в *Махамегха-сутре* и описанные де Гроотом в его *Code du Mahayana*. Как мы увидим ниже (Книга II, Гл. III), также и в Японии буддийские монахи постепенно отвоевывали эту сферу, исходно бывшую во владении синтоистов. Они пользовались теми же сутрами, что и китайские буддисты. Последние процветали во времена династии Тан, когда бывало, как мы читаем в *Ду и чжи*⁴⁹⁸, что одиннадцать сотен буддийских монахов читали сутры, чтобы вызвать дождь. Относительно этих церемоний читатель может обратиться ко *Введению*.

⁴⁹⁸ 獨異志, приписывается Ли Ю, 孝尤, или Ли Кану, 孝亢, династии Тан. T.S., Гл. 130, с. 10b.

ГЛАВА VI.

СВЯЗЬ ИМПЕРАТОРОВ С ДРАКОНОМ

§ 1. Хуан—ди ездит на драконе.

Поскольку дракон являлся императорским символом, равным образом, как и символом его блистательного правления, огромное количество легенд указывает на тесную связь между этим божественным животным и Сыном Неба. На первом месте, разумеется, в этом отношении упоминаются священные императоры самой седой древности.

В *Исторических Записках*⁴⁹⁹ есть следующий отрывок: «Император Хуан собрал медь на горе Шо и отлил треножник у подножия горы Цзин. Когда треножник был готов, появился дракон, который, свесив усы, спустился, чтобы встретить Хуан—ди. Последний сел на дракона и катался на нем, после чего то же сделали министры, всего более семидесяти человек. Затем дракон поднялся и улетел. Оставшиеся министры низшего ранга не имели возможности взобраться на дракона, и все одновременно схватились за его усы, которые (под их тяжестью) оторвались и упали вниз».

По *Цзю цзинь чжу*⁵⁰⁰, Хуан—ди топил киноварь (чтобы приготовить напиток бессмертия) в горах Цзо—янь, когда стал *сянь* и взлетел на драконе к небу. Когда министры уцепились за усы животного, те упали на землю. На вопрос, от них ли произошла так называемая «трава драконьих усов», дается ответ, что это — ложное мнение, возникшее от другого названия того же растения: «трава красных облаков». При том же правителе крылатый дракон (*ин лун*) напал на войска бунтовщика Чи Ю и рассеял их⁵⁰¹.

§ 2. Яо и Гао Цзы — сыны дракона.

Говорили, что император Яо был сыном красного дракона, явившегося его матери с надписью на спине: «Ты также получишь защиту Неба». Со всех сторон поднялся ветер и пала тьма, дракон коснулся ее и она забеременела и через 14 месяцев родила Яо в Дань—лин⁵⁰². Подобную же историю рассказывали о Гао Цзы (206—195 до н.э.), основателе династии Хань. Тай—гон, его отец, увидел *цзяо лун* над своей женой среди грома, молнии и черной тьмы, когда она спала на берегу большого пруда. Ей приснилось, что у нее с богом произошло соитие, после чего она родила Гао Цзы. Этого императора, очень любившего вино, всегда защищал дракон, когда он напивался пьян⁵⁰³.

§ 3. Шуня посещает желтый дракон.

Императора Шуня, знаменитого наследника Яо, посетил желтый дракон, вылетевший из реки Ло. На его чешуйчатых доспехах была видна надпись: «Шунь вступит на престол»⁵⁰⁴.

Как мы видели выше, этот же священный суверен основал семейство приручителей драконов, члены которого занимались приручением этих животных для императора.

⁴⁹⁹ Разд. 封禪書, Гл. XXVIII, № 6, с. 30a (Chavannes, *Memoires Historiques*, Vol. III, p. 488).

⁵⁰⁰ 古今注, написан прилизительно в середине IV—го века Цуй Бао, 崔豹 (см. Wylie, p. 159; De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 244, note 1), цит. в T.S., Разд. 禽蟲, Гл. 130, 龍部雜錄, с. 4b.

⁵⁰¹ Шань хай цзин, Разд. XVIII, nr 14, 大荒東經, с. 6b; *Bamboo Annals* (*Chuh shu ki nien*, 竹書記年,) Ch. I, Legge, *Chinese Classics*, Vol. III, Part I, Prolegomena, p. 108.

⁵⁰² *Bamboo Annals*, Ch. II, Legge, 1.1., p. 112.

⁵⁰³ *Исторические Записки*, Гл. VIII (高祖), с. 2; Chavannes, 1.1., Vol. II, pp. 325 sq.

⁵⁰⁴ Ю фу шуй ту, 玉符瑞圖; T.S., тот же раздел, Гл. 128, 紀事二, с. 2b.

§ 4. Юй едет в повозке, запряженной драконами, ему помогает *ин лун*.

Юй, прославленный основатель династии Ся, ездил в повозке, запряженной двумя драконами, которая спустилась с неба к нему во дворцовый сад, поскольку при нем мощь Ся была на пике своего величия⁵⁰⁵. Когда он закончил регулирование водных потоков, синие драконы остановились на окраине столицы⁵⁰⁶. В соответствии с более поздними записями, *ин лун* помогал Юю в работе, размечая землю своим хвостом⁵⁰⁷.

§ 5. Лодка Мин Хуана двигалась вперед с помощью дракона.

И в более поздние времена драконы, как сообщалось, помогали императорам, как, например: в эру Тянь-бао (742–755), когда маленький дракон поднялся из пруда за вечер до того, как император Мин Хуан, побежденный бунтовщиком Ань Лушанем, оставил столицу и бежал на юг. Дракон двинулся в том же направлении и, когда император пересекал реку, животное появилось из воды и понесло лодку вперед на своей спине. Его Величество, глубоко тронутый преданностью дракона, поблагодарил его и поднес ему вина⁵⁰⁸.

§ 6. Два желтых дакона угрожают перевернуть лодку Юя.

Иногда, однако, драконы рек и морей причиняли беспокойство даже императорам. Так, два желтых дракона угрожали перевернуть лодку Юя, взяв ее себе на спины, когда Его Величество пересекал Ян-цзы цзян; однако Юй, нимало не испугавшись, рассмеялся и сказал: «Я получил свое назначение от Неба и делаю все возможное, чтобы кормить людей. Родиться — ход природы; умереть — повеление Неба. К чему беспокоиться из-за каких-то драконов?» Услыхав эти слова, драконы бежали, поджав хвосты⁵⁰⁹.

§ 7. Ши—хуан умер оттого, что убил дракона.

Другой император был жестоко наказан за то, что убил дракона. Это был Ши-хуан, основатель династии Цинь (246–210 до н.э.), который настолько желал долголетия, что весьма обрадовался, когда появились два *сянь*, притворявшиеся, что знают, как найти травы, продлевающие дни⁵¹⁰. Получив высшие почести и щедрую плату, они отплыли с толпой из шестисот мальчиков и девочек, не старше пятнадцати лет, на поиски благословенного острова⁵¹¹, но, хотя искали его долгое время, все было напрас-

⁵⁰⁵ *Бо у чжи*, Гл. II, с. 2а.

⁵⁰⁶ *Bamboo Annals*, Ch. III, Legge, 1.1., p. 117

⁵⁰⁷ *Сань цай ту хуэй*, в *Вакан сансай дзуэ*, Гл. XLV, с. 675. По *Bamboo Annals* (Ch. III, 1.1.), дух реки Хо, человек с телом рыбы, преподнес ему карту Хо.

⁵⁰⁸ *Цзы-лю ши цзюэнь*, 次柳氏舊聞, написано во времена династии Тан Ли Дэньюем, 孝德裕. Таким же образом лодка У Су, царя У и Юэ (т.е. Цзянь Лю, 851–932), которая в 909 г. наскочила на камни и не могла двигаться дальше, была вынесена двумя драконами среди плотного дождя, грома и блистания молний (*Ши-гуо Чюнь-цзю*, 十国春秋, написано во второй половине XVII-го века У Жэньчэнем, 吳任臣; по De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 327, «довольно апокрифическая история» (десяти маленьких государств, существовавших в период между династиями Тан и Сун) (Wylie, p. 41). T.S., тот же раздел, Гл. 129, 紀事二, с. 14а.

⁵⁰⁹ *Bamboo Annals*, Ch. III, Legge, 1.1., p. 118; см. *Хуай нань цзюэ*, Гл. VII, 精神訓, с. 9.

⁵¹⁰ См. De Groot, *Rel. Syst. of China*, Vol. IV, pp. 307 seqq.: *чжи*, 芝, древесная губка на ветвях, которая, как считалось, растет на острове Цзу в Восточном Океане. По *Ши чжоу цзи* (十洲記, «Описание десяти островов»), «Очерки о сказочных странах, которые, как верили, существуют в нескольких областях под океанами, вероятно, написанные в самом начале нашей эры» [De Groot, 1.1., Vol. I, p. 272]), император услышал о существовании этой травы на острове Цзу от даосского философа-аскета и затем послал на поиски этого острова пятьсот молодых людей обоих полов. Они вышли в море, но не вернулись.

⁵¹¹ *Пэн Лай*, 蓬萊, «сказочный остров, некий элизиум, существующий вдалеке от людей; некоторые считали, что это — японский остров Кюсю» (Wells Williams, *Chin.-Eng. Dict.*, p. 661, s.v.).

но. *Сянь*, боявшиеся наказания за свою ложь, изобрели новую выдумку. Вернувшись ко двору, они посоветовали императору самому подняться на борт и отправиться с большой армией. И вновь монарх был одурачен ими и вышел в море с не менее, чем тремя миллионами солдат, издававших ужасный шум общими криками и стуком в барабаны (чтобы напугать морских богов и смочь достичь остова блаженства). Бог–дракон, пробужденный шумом, поднялся на поверхность в форме громадной акулы, пятисот *чи* (футов) в длину и с головой, как у льва. Флот немедленно окружил ее и убил отравленными стрелами, так что кровь окрасила море на расстоянии в десять тысяч миль. В ту же ночь императору приснилось, что он сражается с богом–драконом; на следующий день он заболел и через семь дней умер⁵¹².

⁵¹² Эту версию истории мы находим в *Тайхэйки*, Гл. XXVI. с. 115, seqq.

ГЛАВА VII.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

§ 1. Превращения дракона неограниченны.

Из *Гуань-цзы* и *Пи-я*, цитированных выше, мы узнали, что возможности превращений драконов безграничны. Неудивительно, поэтому, что китайская литература переполнена историями драконов, принявших облик людей, животных, или предметов. Когда они превращаются в людей, то это, в основном, бывают старики, или прекрасные женщины; последние напоминают нам о девушках Нага из индийских сказаний. Иногда рыбы, когда их приготавливали, испускали пятицветный свет, или говорили человеческими голосами, тогда в них распознавали драконов; однако, и четвероногие — собаки, крысы, или коровы — также иногда являлись временными обликами этих божественных животных. Разумеется, змеи, близкие родственники драконов, часто служили метаморфозами для сокрытия их истинной природы, — новорожденные драконы выползали из яиц в такой форме. Наконец, стволы деревьев, или другие предметы, плывущие по реке, иногда внезапно обращались драконами. В одном из отрывков⁵¹³ говорится, что драконы всегда во что-то превращаются, за исключением времени своего рождения, когда они спят, либо — когда разгневаны, или охвачены похотью, однако это — единственное подобное упоминание среди других бесчисленных сведений относительно их природы и способностей.

§ 2. Появление в виде стариков, или прекрасных женщин.

Относительно старческого облика мы можем упомянуть *Сюань ши чжи*⁵¹⁴, где говорится, что желтый дракон зашел в домик в горах в образе старика и в желтых одеждах. В *Гуан-синь-фу чжи*⁵¹⁵ есть история о колдуне-у, который в начале династии Сун молился о дожде над колодцем, как вдруг упал в него, пытаясь схватить рог белой коровы, в который дул, и который внезапно выпал у него из рук. На дне колодца он увидел величественного старца, сидящего в водяной башне и с рогом в руках. Это был дракон колодца, который на первый раз позволил ему вернуться и отдал рог с условием, что больше он никогда не будет шуметь у колодца. Однако, когда наступила следующая засушливая пора, этот человек забыл о своем обещании и принялся дуть в рог над колодцем, как раньше. Для дракона это было уже слишком, и он сделал так, что и рог, и человек свалились в воду, и на этот раз колдун утонул. После он явился одному крестьянину во сне, и по его совету в честь этого дракона был воздвигнут храм, который после уже прислушивался к молениям о дожде.

Также, *Ю-ян цза цзы*⁵¹⁶ упоминает о драконах, принимавших облик стариков, а также — прекрасных женщин⁵¹⁷. Лю Цзунъюань⁵¹⁸ рассказывает нам, как дракон, наказанный Императором Неба, упал на землю в облике женщины, распространявшей яркий свет. Она должна была оставаться там семь дней, а затем, когда выпила немного воды, ее дыхание стало облачным паром, она обратилась белым драконом и улетела на небо.

⁵¹³ *Чжэнь чжу чуань*, 珍珠船 цит. в T.S., тот же раздел, Гл. 130, 龍部雜錄, с. 6b.

⁵¹⁴ Цит. в T.S., тот же раздел, Гл. 131, 外編, с. 12b.

⁵¹⁵ 廣信府志, “Записи отдела Гуан—синь (в провинции Цзян—си)”, цит. в T.S., 1.1., с. 16a.

⁵¹⁶ Гл. II и VI; T.S., тот же раздел, Гл. 131, 龍部外編, с. 12a.

⁵¹⁷ Гл. VI.

⁵¹⁸ 柳宗元(773—819), один из прославленнейших поэтов и эссеистов династии Тан. 謫龍說, T.S., тот же раздел, Гл. 127, 芸文一, с. 8b. О другом наказании дракона упоминается в *Юнь сянь цза цзи* (雲仙雜記, о которой де Гроот [Rel. Syst, Vol. IV, p. 289] говорит: «Десять глав повествований на всевозможные темы сомнительной аутентичности, приписываемые некоему Гун Чжи, 馮贄, о котором ничего, кроме имени, не известно. Более вероятным автором представляется ученый Ван Чжи, 王銍, также именовавшийся Син—чжи, 性之, благоденствовавший в середине XII-го века»), где говорится, что непослушному дракону по повелению Небес отрезали уши; кровь, капавшая на землю, произвела сливовое дерево с мясистыми плодами без косточек. T.S., тот же раздел, Гл. 129, 紀事二, с. 12a.

§ 3. Появление в образе рыб.

Превращение драконов в рыб встречается как в *Династийных Историях*⁵¹⁹, так и в книгах историй и легенд, подобных *Лан сюань цзи*⁵²⁰ (династия Юань) и даже в таком географическом труде, как *И тун чжи*⁵²¹, где мы читаем о белом угре, которого поймали крестьяне. Они уже совсем было собрались готовить его, как вдруг старый человек сказал: «Это — дракон из реки Сян. Я опасуюсь бедствий». Однако другие сочли это глупой болтовней и не прислушались. На следующий день вся деревня была разрушена.

В *Шоу юань*⁵²² говорится, что белый дракон принял облик рыбы и был поражен в глаз стрелой рыбака. Дракон обвинил его перед Императором Неба, однако последний заметил, что в том была его собственная вина, поскольку довольно глупо было обращаться рыбой. Рыбака нельзя винить за то, что он обошелся с ним, как с прочими рыбами. Эта история часто повторяется в японской литературе, например в *Дзоку Кодзидан*⁵²³, где рыба попадает в рыбацкие сети, а затем приносит жалобу Царю Драконов (индийская концепция, см. *Введение* и следующую главу), который дает ему такой же ответ и советует не повторять подобной глупости вновь. В *Тайхэйки*⁵²⁴ Нитта Ёсисада, погибший в сражении, сравнивается с драконом из этой легенды, который, вместо того, чтобы спрятаться в глубинах пруда, вышел на мелководье и был пойман в сети.

Как мы видели выше, считалось, что рыбы превращаются в драконов, когда им удается подняться до Драконьих-ворот (вероятно, по водопаду), и что старые тигровые рыбы, или рыбы, достигающие веса в две тысячи *цзинь*, становятся *цзяо*.

§ 4. Проявления в образах змей, собак, или крыс.

В *Бо мун со янь*⁵²⁵ говорится о ребенке, который в эру Тон-гуан (923–926) встретил на дороге белую змею, связал веревкой и мотал ее головой по сторонам, покуда та не отвалилась. В тот же миг началась буря, и ребенка подняло на воздух, где в него ударила молния, так что на землю он упал уже бездыханный. На его спине можно было прочесть написанное киноварной тушью, что Небо наказывает его за убийство священного дракона.

Два дракона в образе собак *мао* (茅狗), на которых по воздуху ехал *сянь*, упоминаются в *Ле сянь чуань*⁵²⁶. *Сянь* привел их к гадателю, которому было за сто лет, и пригласил его прокатиться на них вместе со старой женщиной. По *Лан сюань цзи*⁵²⁷, две охранные собаки в пещерном дворце были драконами. *Цзян-си тун-чжи*⁵²⁸ говорит об очень глубоком «Пруде приручения драконов» рядом с замком в районе Гуан-чан в Цзянь-чан фу, населенном драконом. Над прудом был каменный поднос, на котором для животного всегда раскладывались остатки пищи, а он обращался черной собакой и поедал их. Этот пруд все еще существовал во времена автора, и рядом с ним был построен «Храм драконьего колодца».

В седьмом году эры Цзя-ю (1062) видели огромную белую крысу, обнюхивающую жертвенную еду в храме на Великой Белой Горе в районе Фу-фун (провинции Шэнь-си), горе со многими *лин*, т.е. где божественная сила ее бога так же отчетливо проявляла себя, отвечая на моления верующих, как это

⁵¹⁹ *Books of the Tsin Dynasty*, 列傳, Ch. VI, 張華傳(рыба испускала пятицветный свет, когда ее приготавливали).

⁵²⁰ Гл. I (рыба говорила человеческим языком).

⁵²¹ 一統志, «Записи обо всей Империи» (1647); T.S., тот же раздел, Гл. 129, 龍部紀事二, с. 13а.

⁵²² 說苑, написано Лю Сяном, 劉向(жил 80—9 гг. до н.э.), знаменитым автором *Ле сянь чуань* (列仙傳); Разд. 正諫.

⁵²³ *Gunsho ruiji*, Vol. XVII, p. 661.

⁵²⁴ Гл. XX, с. 9а. То же сравнение мы находим в Гл. XXXI, с. 12, той же работы.

⁵²⁵ 北夢瑣言, приписывается Сунь Гуансяню, 孫光憲, также назвавшемуся Мэн-вэнем, 孟文, высокопоставленному чиновнику у основателя династии Сун (Тай-цзы, 960–976) (см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. V, p. 527, note 2). T.S., тот же раздел, Гл. 129, с. 14а.

⁵²⁶ T.S., тот же раздел, Гл. 131, с. 2b.

⁵²⁷ N.S., тот же раздел, Гл. 129, с. 12b.

⁵²⁸ T.S., тот же раздел, Гл. 129, с. 12b.

было на японской горе с тем же названием (Хакусан). Старые люди объявили эту крысу, только обнюхавшую еду, но не съевшую ее, драконом⁵²⁹.

§ 5. Корова, обратившаяся драконом.

Автор *Хуай-ань-фу чжи*⁵³⁰ рассказывает нам, как корова обратилась драконом. Богатый крестьянин, имевший большое стадо скота, однажды увидел во сне, что одна из коров говорит ему: «Я стала драконом и сражалась с драконом из озера Сан-цзюй, но не смогла победить. Ты должен привязать к моим рогам маленькие ножи». На следующий день он обнаружил, что у самой большой коровы в его стаде рубцы под животом. Когда он прикрепил ножи к ее рогам, корова победила другого дракона, который был ранен в глаз и убрался из озера. Эта же корова сама стала драконом Великого Озера. Вплоть до времен, в которые жил автор, те, кто проходил мимо этого озера, избегали иероглифа 牛 (корова), а те, кто проходил мимо озера Сан-цзюй — иероглифа 瞎 (слепой на один, или оба глаза); в противном случае немедленно разражалась буря и поднимались высокие волны.

§ 6. Появление в виде предметов.

Относительно предметов, оказавшихся драконами, мы можем рассмотреть *И юань*⁵³¹, где читаем, как человек, рыбачивший в реке, обнаружил ткацкий челнок и взял его домой. Через некоторое время эта вещь, которую он повесил на стену, превратилась в красного дракона, поднявшегося в небо среди грома и дождя. Дракон, принявший форму дерева, росшего под водой, упоминается в *Шу и цзи*⁵³². Женщина, прикоснувшаяся к этому дереву, когда вошла в воду, чтобы ловить рыбу, забеременела и родила десять мальчиков. После, когда дракон появился в своем истинном облике, десять из мальчиков в страхе убежали, но десятый взобрался на драконью шею своего отца и позднее стал царем той земли. В той же работе говорится о девочке во дворце при династии Ся, которая обратилась в ужасного дракона, а потом, вновь приняв человеческий облик, стала прекрасной женщиной, пожиравшей мужчин⁵³³.

В *Книгах династии Цзинь*⁵³⁴ говорится, что астролог обнаружил среди звезд жизненные души (精) двух драгоценных мечей и указал место, где они были погребены. Оттуда выкопали каменный сундук, из которого лился яркий свет; однако, как только мечи извлекли из сундука, их души на небе исчезли. На одном из мечей были написаны иероглифы 龍泉, *лун-цюань*, «Драконье гнездо», а на другом — 太阿, *тай-о*. По словам астролога, эти сверхъестественные мечи не могли долго находиться в человеческих руках. И, действительно, вскоре один из них исчез, а другой сам по себе выпрыгнул из ножен и скрылся в реке, которую пересекал его владелец. Когда его стали искать, то не нашли ничего, кроме двух драконов, два-три *чжан* в длину, связанных вместе и испускавших яркий свет, который освещал воду. Затем они исчезли, взбурлив воду своими яростными движениями. Очевидно, мечи превратились в драконов и вновь соединились.

⁵²⁹ *Дун-по чжи-линь*, 東城志林, несистематизированные записи Су Дунпо, 蘇東坡, или — Су Ши, 蘇軾, знаменитого поэта, жившего в 1036–1101 гг.; T.S., тот же раздел, Гл. 130, с. 4а.

⁵³⁰ *淮安府志*, «Записи о Хуай-ань-фу (в провинции Цзянь-су)»; T.S., *ibidem*, p. 12b.

⁵³¹ Гл. I, с. 2. В той же работе приводится история о большом куске плавника, который разбил суденышко человека, его подобравшего, обратился в дракона и уплыл.

⁵³² Гл. 下, с. 16b.

⁵³³ Гл. 上, с. 4а.

⁵³⁴ *列傳*, Гл. VI, 張華傳. Об этих мечах, превращавшихся в мужчину и женщину, упоминается в *Тайхэйки*, Гл. XIII, pp. 10 seq.

ГЛАВА VIII.

ИНДИЙСКИЕ НАГА В КИТАЕ.

§ 1. Перерождение в облике дракона.

Относительно индийского дракона (Нага) в Китае мы можем отослать читателей ко *Введению*, добавив следующие легенды.

Считалось, что буддийская реинкарнация в виде дракона стала судьбой наложницы Цзи императора У (первая половина VI в.), которая была столь ревнива, что возродилась в виде дракона, поселившись в колодце в пределах дворца и пугавшего своего бывшего мужа во снах. Когда он влюблялся в какую-нибудь женщину, вода в колодце яростно бурлила. Чтобы умиловить дух, император приказал построить над колодцем покои и поместить в них всевозможные одежды и утварь, как будто она все еще была человеческим существом; он так и не женился вновь⁵³⁵.

§ 2. Пруды, населенные Царями—Драконами.

По другой буддийской легенде⁵³⁶, Царь—Дракон, живший во дворце на дне пруда под названием Гунь мин чи 昆明池, явился в образе старика отшельнику, жившему неподалеку, и умолял его спасти ему жизнь, поскольку буддийский служитель, под предлогом молений о дожде по приказу императора, все понижал и понижал уровень воды в пруду, чтобы убить его (дракона) и воспользоваться его мозгом для приготовления снадобья. Отшельник посоветовал дракону пойти к Сунь Сымо⁵³⁷, который занимался в горах, чтобы стать *сянь*. Когда дракон так и поступил, тот пообещал спасти его при условии, что он научит его приготавливать три тысячи разновидностей лекарств, которые только можно найти в Драконьем—Дворце на дне пруда. Дракон принял условие, после чего вода в пруду стала подниматься все выше и выше, а бонза умер от ярости и стыда. Дракон сдержал свое обещание, и так Сунь Сымо обрел знание, выразившееся в его знаменитом медицинском труде, озаглавленном *Цянь цзинь фан*⁵³⁸.

Другие пруды, населенные Царями—Драконами, упоминаются в *Ло-ян цзя-лань цзи*⁵³⁹ и в *Бо-чжи гуо чуань*⁵⁴⁰, однако они были в иноземных, западных странах. Им делались жертвоприношения; последнему — прохожими (было три пруда, в самом большом из которых жил сам Царь—Дракон, в следующем — его наложница, а в самом маленьком — его ребенок), так как в противном случае им мешали ветер и снег. Первый пруд располагался рядом с буддийским монастырем на западе земли У-и, и царь этой земли молился дракону и бросал в пруд золото и яшму. Когда эти драгоценности вымывались из пруда, он приказывал монахам собирать их.

§ 3. Храмы Царей—Драконов.

В «Пруду приручения драконов» 參龍井 при храме «Царя Драконов» 龍王朝廟 жил дракон. Никто не осмеливался брать оттуда воду, потому что в противном случае происходили странные вещи, и

⁵³⁵ *History of the South* (南史, *Нань—ши*).

⁵³⁶ *Ю-ян цза цзы* (IX-й век), Гл. V, (T.S., 1.1., 外編, с. 11a).

⁵³⁷ 孫思邈, живший 550–630 гг.

⁵³⁸ 千金方. Драконы жемчужины назывались 千金珠, см. выше, Гл. III, § 15, с. 88.

⁵³⁹ 洛陽伽藍記, по Wylie (с. 55), «описательная деталь различных буддийских учреждений в Лояне — метрополисе времен Северной Вэй; написал Ян Сюаньчжи, 楊銜之, чиновник той династии»; было написано в VI-м веке (De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. I, p. 344). T.S., тот же раздел, Гл. 131, с. 5a.

⁵⁴⁰ 波知國傳, цит. в T.S., тот же раздел, Гл. 129, с. 4b.

лицо, рискнувшее возбудить ярость дракона, заболело⁵⁴¹. Другие храмы Царя–Дракона: на горе, рядом с прудом белого дракона (на вершине горы) и у логова дракона упоминаются в *Гуа и чжи*⁵⁴².

Во время засухи крестьяне обычно молились у пещеры, в которой всегда весной и летом стояла вода, и когда они брали эту воду и поклонялись ей, выпадали обильные дожди. Близко от этого места располагалась могила Матери–дракона, упоминавшаяся выше⁵⁴³.

§ 4. Дворцы Царей–Драконов.

Дворец Царя–Дракона упоминается в *Лу и цзи*⁵⁴⁴. По мнению, бытовавшему среди моряков, он располагался под небольшим островом в пяти–шести днях плавания от Су–чжоу (в провинции Цзян–су). Даже в безветрие волны там были так высоки, что ни одно судно не осмеливалось приближаться к нему сразу. Однако, при каждом высоком приливе, когда вода заливала остров и высоких волн не было видно, корабли могли там проходить. Ночью в этом месте издали был виден красный свет, яркий, как солнечный, на более, чем ста квадратных милях, и достигавший до неба.

*У ца цзы*⁵⁴⁵ описывает тот же остров, однако, не упоминая света, говорит, что он лежит под водой, красный, как солнце. Хотя ни один человек не осмеливается приблизиться к нему, от острова исходит звук, как если бы тысяча людей там была занята рубкой и перетаскиванием древесины. Ясными ночами видно, что все деревья на острове повалены. Говорили, что это было сделано для постройки жилища Царя–Дракона. Очевидно, даосские идеи об острове длагословенных, земле *сянь*, сливаются здесь с индийскими концепциями относительно дворцов Нага.

Наконец, мы можем процитировать отрывок из *Тай–пин юй–лань*⁵⁴⁶, где говорится, что градоначальник часто принимал в своем доме прекрасную женщину–дракона, которая каждый раз прибывала в величественном экипаже и в сопровождении прислужниц. В своем прошлом существовании он обещал жениться на ней и теперь держал свое слово и наконец исчез с ней. Люди говорили, что он ушел в Драконий–Дворец и стал «водным–сянь» (水仙).

⁵⁴¹ *Ми ко хуэй си* (11 век), Т.С., тот же раздел, Гл. 130, с. 3б.

⁵⁴² 括異志, см. De Groot, *Rel. Syst.*, Vol. IV, p. 210, note 1. Это должна быть работа более позднего периода под таким названием, датируемая XIII–м веком, поскольку в ней упоминается эра Шунь–си (1174–1190). Т.С., 1.1., Гл. 130, с. 7а.

⁵⁴³ Книга I, Гл. III, § 16.

⁵⁴⁴ Т.С., тот же раздел, Гл. 129, с. 14а.

⁵⁴⁵ В отрывке, переведенном на японский в *Хэйсёку вакумонтин*, 乘燭或問珍, написано в 1710 г. Кодзима Фую, 兒嶋不求, и напечатано в 1737 г.; упоминается Иноуэ Энрё в *Ёкайгаку коги*, т. II, Гл. XXVII (龍宮仙郷), с. 123 sq.

⁵⁴⁶ Гл. 424.

КНИГА II.

ДРАКОН В ЯПОНИИ.

ГЛАВА I.

ИСХОДНО ЯПОНСКИЕ БОГИ — ДРАКОНЫ РЕК, МОРЕЙ И ГОР.

Рассматривая легенды о японских драконах, нам следует прежде всего принять во внимание исходные верования местных жителей и отделить их от концепций, импортированных из Индии и Китая. В самых старых произведениях драконы упоминаются по-разному, но чаще всего — как божества вод в образах змей, или драконов.

§ 1. *Оками*.

В *Нихонги*⁵⁴⁷ мы читаем, что Идзанаги, когда его наложница Идзанами умерла, родив бога огня Кагудзути, разрезал этого младенца на три части, каждая из которых стала божеством. Кровь, сочившаяся с верхней части меча, обратилась тремя богами: Кура-оками (閻御紙), Кура-яма-цуми (閻山紙) и Кура-мицу-ха (閻網象). Профессор Флоренц дает в своем труде *Японская мифология*⁵⁴⁸ пространные примечания относительно этих трех богов. *Кура*, пишет он, объясняется, как «пропасть, долина, расщелина», хотя значение иероглифа — «темный». Второй иероглиф, 雷, состоящий из частей «дождь» и «дракон» (по Флоренцу, прим. 26; хотя в японском тексте [К.Т.К. I, 13] есть комбинация верхней части иероглифа 靈 с драконом), объясняется, как «дракон»; в *Бунго Фудоки*⁵⁴⁹ иероглифы 蛇龍, «змея-дракон», читаются *оками*. Это и позднейшие идеи о Кура-оками показывают, что божество представляет собой дракона, или змею. Он — бог дождя и снега, и в *Манъёсю* (2, 19) говорится, что ему молились о ниспослании снега. *Энгисики* заявляет, что во всех провинциях этому богу Оками построили синтоистские святилища. В варианте⁵⁵⁰ мы читаем, что один из трех богов, вышедших из кусков тела Кагудзути, был Така-оками. Это имя объясняется одним из комментаторов, как «бог-дракон, пребывающий в горах», в отличие от Кура-оками, «бога-дракона долин»⁵⁵¹.

Отрывок из *Бунго Фудоки*, на который ссылается Флоренц, гласит, что в деревне Кутами района Наори был колодец, из которого черпали воду для императора Кэйко (71–130) (не — Суйнина, как пишет Флоренц), когда он навещал то место. Затем появилась змея-дракон (蛇龍, *оками*), и император сказал: «Эта вода наверняка грязна (*кусай*). Надо запретить черпать отсюда». Отсюда колодец получил название Куса-идзуми.

⁵⁴⁷ Гл. I, К.Т.К. Vol. I, p. 13. К.Т.К. — *Кокуси тайкэй*, 国史大系, современное издание старых исторических и легендарных трудов, которые мы будем сокращенно указывать, как К.Т.К. Работы того же рода — *Сисэки сюран* (史籍集覽) и *Гунсё руйдзю* (群書類從) (1795), тогда как в *Хякка сэцурин* (百家説林) содержится большое количество работ периода Токугава.

⁵⁴⁸ Florenz, “Japanische Mythologie”, p. 46.

⁵⁴⁹ 豊後風土記, написано в 713 г.; *Гунсё руйдзю*, V. XVII, nr 499, p. 1126.

⁵⁵⁰ *Нихонги*, Гл. I, с. 16; Florenz, l. l., p. 63: 高雷.

⁵⁵¹ По мнению Aston'a (*Shinto*, p. 153), это просто “О Ками”, “Августейший бог”, так что имена Кура о ками и Така о ками должны означать “бог долин” и “бог возвышенностей”. Однако, по моему мнению вернее аргументы Florenz'a.

§ 2. Ямацуми и Мицуха.

Что касается второго божества, упомянутого в *Нихонги*, Кура-яма-цуми, то его имя означает «Повелитель Темных Гор», но один из комментаторов объясняет его, как «Горная Змея» (*яма-цу*[之]-*ми*). Имя третьего божества, Кура-мицу-ха, вероятно, может быть переведено, как «Змея-темной-воды», или «Змея-дольней-воды»⁵⁵². Флоренц думает, что этот бог идентичен Мицуха-но Мэ в предыдущем тексте (Гл. I, с. 11), хотя это — женское божество. Там мы читаем, что Идзанами, умирая от последствий рождения бога огня, родила богиню земли Мицу-ха-но Мэ (水紙網象女). Флоренц⁵⁵³ посвящает последней интересное примечание и цитирует *Вамёсё*, где по ошибке Ми-цу-ха идентифицируется с китайским *ван-лян*, 魍魎, вместо *Ван-сян*, 網象. Мы читаем в *Religious System of China De Groot'a*⁵⁵⁴, что «китайские авторы не заботились о разделении этих двух терминов (*Ван-лян* и *Ван-сян*)». *Ван-сян*, говорит де Гроот, есть водяные привидения, так же, как и *лун*, или драконы, и он указывает на *Шо шэнь цзи*⁵⁵⁵ Юй Бао, где *Ван-сян* описан, как выглядящий «подобно трехлетнему ребенку с красными глазами, черным лицом, большими ушами и длинными руками с красными когтями».

Японский комментатор определяет *мицу-ха*, как «водяную змею» (水津蛇), и цитирует несколько имен и слов, в которых *ха* означает «змея»; если это верно, то Мицуха-но Мэ — «женская водяная змея». В другом комментарии, однако, слово *ха* 生 объясняется, как, «производить», так что имя этой богини будет означать «женщина, производящая воду». Флоренц не знает, какое объяснение верно, я — тоже.

§ 3. Ватацуми.

В другом отрывке из *Нихонги*⁵⁵⁶ рассказывается, как Идзанами и Идзанаги родили «богов моря», названных Ватацуми-но Микото (少童命), или, как сказано в Гл. III, с. 76 (Дзимму Тэнно), 海童, «маленьких мальчиков», или «морских мальчиков». Китайские иероглифы, которыми записывается это имя, совпадают с вышеуказанным описанием, данным Юй Бао *ван-сян*, как маленьким детям; очевидно, эти термины идентичны «морским богам», 海神. Флоренц объясняет имя «Вата-цу-ми», как «Повелители моря», где *вата* — старое наименование моря, а *ми* — разновидность гонорифического эпитета. Однако, тот же комментатор, видевший в Мицуха-но Мэ «Женщину — водяную змею», считает Вата-цу-ми «Змеями моря», где *ми* — старое слово, обозначавшее змею. Возможно, что он прав, и старые японские божества моря были змеями, или драконами.

§ 4. Мидзути, боги рек.

Название речных богов, *мидзути*, или «водные отцы», которое мы находим в Гл. XI *Нихонги*⁵⁵⁷, записывается иероглифом 虬, *цю*, что означает рогатого дракона. Астон⁵⁵⁸ пишет: «У речных богов нет индивидуальных имен. Их называют *мидзу-ти*, или “отцы-вод”. В японских словарях *мидзу-ти* описываются, как животное типа дракона с четырьмя ногами. Хэпбёрн в своем *Японско-английском словаре* называет их большой водяной змеей. Различие не материального плана. Цари-драконы из китайского мифа (эхом которого является Тоётамахико) в Индии являются Нага-Раджами, или царями-кобрами». Сказав, что речным богам молятся о ниспослании дождя в период засухи, Астон приводит перевод вышеуказанного интересного отрывка из *Нихонги*, который мы приведем возможно полно:

⁵⁵² Флоренц переводит: 'dunkler Wasserdrache' (темный водяной дракон), но в прим. 29 слово *ха* объясняется, как «змея», а не «дракон». См. мою статью *Snake in Jap. Superstition*, Ch. II, A, 2 (Serpent-shaped gods of the water), pp. 13 sqq., Mitt des Seminars f. Orient. Sprachen zu Berlin, Jahrg. XIV, Abt. I.

⁵⁵³ *Jap. Mythologie*, Chap. III, p. 333.

⁵⁵⁴ Vol. V, Ch. III, p. 521.

⁵⁵⁵ Гл. XII.

⁵⁵⁶ Гл. I, с. 12; Florenz, 1.1., Ch. IV, p. 39.

⁵⁵⁷ К.Т.К., Vol. I, p. 209.

⁵⁵⁸ *Shinto*, p. 150.

«В тот год у развилки реки Капа–сима–гапа в средней части провинции Киби появился большой водяной змей, которого все боялись. Если путник оказывался рядом с этим местом, то его настигал змеиный яд, и было много погибших. И вот, был такой Агата–мори, предок Каса–но оми, чрезвычайно отважный и сильный. Заглянул он в стремнину, бросил туда три кувшина из тыквы–горлянки и сказал: «Ты изрыгаешь яд и губишь проходящих. Я собираюсь тебя, змея, убить. Если эти тыквы потонут, я отступлю. Если же не потонут, тогда я сумею тебя поразить».

Змей тут превратился в оленя и потащил кувшины вглубь. Они же не потонули. Тогда [Агата–мори] вынул меч, вошел в воду и зарубил змея. Стал он искать его сородичей, а все змеиное племя обитало в пещере на дне стремнины. [Агата–мори] всех их зарубил. И река превратилась в поток крови. Потому и называли это место на реке Стремниной Агата–мори»⁵⁵⁹.

Астон также упоминает другой отрывок из *Нихонги* (Гл. XI, с. 197), где мы читаем о подобном же эксперименте с двумя тыквами–горлянками, посредством которого человек, которого должны были принести в жертву богу реки, спас свою жизнь. Это произошло в одиннадцатый год правления императора Нинтоку (323), и императору приснилось, что бог указал ему на двух мужчин, которых следовало принести в жертву божеству Северной реки, дабы люди смогли закончить строительство дамбы, прорванной в двух местах. Один из них нырнул в воду и умер, после чего смогли закончить работы в одном месте. Другой же продемонстрировал беспомощность божества с помощью тыкв, которых оно (божество) не могло утопить; оставшаяся часть дамбы была заделана без человеческих потерь. Из этого отрывка мы узнаем, что в древности человеческие жертвоприношения делались божествам рек в облике драконов.

§ 5. Оо—ватацуми, морской бог.

Наконец, мы должны упомянуть морского бога Оо–вата–цу–ми–но Микото, в имени которого мы вновь обнаруживаем термин «Морской повелитель», или «Морская змея», о котором говорилось в предыдущем тексте. Он также звался Тоё–тама хико–но Микото («Принц–Изобилия–Жемчужин»), а его дочь — «Тоё–тама–бимэ» («Принцесса–изобилия–жемчужин», 豊玉姫). У этого божества был величественный дворец на дне моря, и когда его дочь объявила ему, что увидела в воде колодца у ворот отражение лица прекрасного юноши, который сидел на дереве *кассия* неподалеку, он принял Хико–хоходэми — таково было имя юноши — весьма радушно. Позже гость женился на принцессе и прожил во дворце три года. Однако затем он вернулся на землю (по *Кодзики* — на спине *вани*, 和邇, одной сажени в длину), за ним последовала и супруга, для которой он построил на берегу «родильный дом». Она умоляла на глядеть на нее во время родов, но он был слишком любопытен и посмотрел украдкой, и увидел, что его жена обратилась *вани* (*Кодзики*), или драконом (*Нихонги*). Рассерженный и пристыженный, он бросил ее ребенка, отца Дзимму Тэнно, и вернулся во дворец морского бога⁵⁶⁰.

§ 6. Вани.

Слово *вани*, записываемое либо фонетически (和邇), либо иероглифом 鱷, обозначающим крокодила, обнаруживается еще раз в Главе I *Нихонги* (с. 40). Там мы читаем: «Далее сказано, что Кото–сиро–нуси–но ками обратился в медведя–*вани*, восьми сажен в длину (я–хиро–но кума–*вани*, 八尋熊鱷)». Эпитет «медведь» обозначает «сильный, как медведь»⁵⁶¹. Что касается слова *вани*, то в одной версии легенды о Хоходэми⁵⁶² говорится, что морская принцесса стала *вани*, а по другой — что обратилась драконом; в первой использованы те же слова, что в вышеуказанном отрывке о Кото–сиро–нуси–но ками: «Тоётама–бимэ обратилась большим медведем—*вани*, восьми сажен в длину, ползавшим вокруг».

⁵⁵⁹ Пер. Л.М.Ермаковой и А.Н.Мещерякова. «Нихон сёки», СПб, «Гиперион», 1997, т. 1, с. 318.

⁵⁶⁰ *Нихонги*, Гл. II, сс. 62 seqq.; *Кодзики*, 上、傳十七、神代下, К.Т.К., Vol. VII, p. 59. *Нихонги*, с.63:化為龍; с.66(вариант)化為八尋大熊鱷(*вани*) 匍匐透蛇

⁵⁶¹ Florenz, I.1., p. 148, note 89.

⁵⁶² *Нихонги*, Гл. II, с. 66.

Астон⁵⁶³ в примечании к этому отрывку предполагает, что слово *вани* — не японское, но корейское, *ванг*—и, должно означать просто «царь». Флоренц⁵⁶⁴ соглашается с ним, и они основывают свое мнение на том факте, что в легенде содержится много характерных китайских особенностей. Хотя индийские идеи относительно Царей–Нага, о которых шла речь выше (*Введение*) легко прослеживаются в японской легенде, все же мне кажется, что нам не следует заходить слишком далеко и считать всю историю западной по происхождению; так же у нас нет права подозревать старое слово *вани* на основании того факта, что часть легенды — иноземного происхождения. Отчего надо было древним японцам, или корейцам называть этих морских чудовищ «царями», опуская слово «дракон», являющееся важнейшей частью комбинированного термина «царь–дракон»? И, если бы полный термин использовался в Корее, наверняка японцы не взяли бы из него лишь последнюю часть. По моему мнению, *вани* является старым японским морским божеством в облике дракона, или змеи, а легенда — древнее японское сказание, облеченное в индийские одежды позднейшими поколениями. Старейшая версия, вероятно, излагала, как Хоходэми пошел к божеству моря, женился на его дочери и получил от него две драгоценности отлива и прилива, или какие-то другие средства для наказания своего брата, что чуть не утопило его; после, вернувшись на землю, он построил родильный дом и, нарушив обещание не смотреть на жену при родах, увидел, что она превратилась в *вани*, т.е. ужасное морское чудовище. Что касается жемчужин, хотя магические драгоценности очень часто встречаются в индийских сказаниях о Царях–Нага; возможно, считалось, что японские морские боги также обладают ими, поскольку море хранит в своих глубинах много драгоценностей; но это может быть и индийской идеей. Когда поздние поколения познакомились с китайскими и индийскими драконами, они идентифицировали с ними своих *вани* и придали своим старинным легендам черты, заимствованные из сказаний об индийских Нага. Величественный дворец — индийского происхождения, а, как указывает Астон⁵⁶⁵, ворота замка и дерево (*кассия*) перед ним, равным образом, как и колодец, служащий зеркалом, образует комбинацию, известную и по европейскому фольклору. Европа, вероятно, также заимствовала их из Индии — колыбели западных и восточных легенд.

Написав это, я узнал интересный факт, указанный г-ном Мюллером⁵⁶⁶, что подобный же миф существует на островах Кей и Минахасса. Некоторые черты в нем столь поразительно напоминают японские, что мы можем быть уверены в его индонезийском происхождении. Вероятно, иноземцы, которые в доисторические времена завоевали Японию, пришли из Индонезии и принесли этот миф с собой. В версии островов Кэй человек, потерявший крючок, который ему одолжил брат, входит в облака на лодке и, наконец, обнаруживает крючок в горле у рыбы. Однако, в легенде Минахасса он нырнул в море и очутился в деревне на дне под водой. Там он обнаружил крючок в горле у девушки, а домой его доставляют на спине большой рыбы. И, как Хоходэми наказал брата, чуть не утопив его с помощью сокровища прилива, так и герой легенды Минахасса своими молитвами призывает ливневый дождь на голову своего злого приятеля. В Японии буддийское влияние очевидно изменило деревню в море на дворец Царя–Дракона, однако в более старой версии бог моря и его дочь сохраняли свой исходный облик *вани*, вероятно — разновидности крокодила, как на то указывает китайский иероглиф. На старой картине Сэнсай Эйтаку, демонстрированной Мюллером, изображен Хоходэми, возвращающийся домой на спине крокодила. Вполне возможно, что форма индонезийского мифа, привнесенного в Японию, говорила о крокодилах, и смутная идея об этих животных сохранилась под старым названием *вани*, которое может быть индонезийским словом.

На стр. 149 той же работу Астон говорит: «Мало сомнений в том, что *вани* — действительно китайский дракон. На японских картинах он часто изображается именно так. Передо мной лежит гравюра, на которой изображены Тоётама–хико и его дочь с драконьими головами, возвышающимися над человеческими. Это показывает, что он считался не только Повелителем Драконов, но и сам представлялся драконом... В японском мифе змей, или дракон почти всегда ассоциировался с водой в одной из этих

⁵⁶³ Нихонги, т. I, с. 61, прим. 3.

⁵⁶⁴ L. I., с. 148, note 89.

⁵⁶⁵ Shinto, pp. 113 seqq.

⁵⁶⁶ F. W. K. Muller, *Mythe der Kei—Insulaner und Verwandtes*, Zeitschrift für Ethnologie, Vol. XXV (1893), pp. 533 sqq. Dr. H. N. Juynboll любезно указал мне на существование этих мифов о Kei и Minhassa и на интересную статью д-ра Мюллера. См. Kern в ежемесячнике “Bijdragen tot de taal-, land en volkenkunde van Ned. Indie”, 1893, p. 501; Juynboll, ibidem, 1894, p. 712, note 1.

форм». Он приводит гравюру на той же странице, и мы сразу видим, что находимся здесь не столько на китайской, сколько на индийской территории. Во *Введении* я упоминал описание дракона в индийском искусстве, данное Грюнведдэлем, так что здесь нет надобности повторять, что «драконьи головы, появляющиеся над человеческой», образуют вполне индийский мотив, перенесенный в Китай, а оттуда в Корею и Японию. Поскольку морской бог в величественном дворце был индийской концепцией, японское искусство представляло его, разумеется, по-индийски. Это, однако, не доказывает, что *вани* исходно был идентичен с Нага, или с китайско-индийскими Царями-Драконами.

§ 7. Сокровища прилива и отлива.

Относительно сокровищ приливов и отливов мы можем вспомнить *Мидзу кагами*⁵⁶⁷, где содержится легенда, очевидно созданная по ассоциации с повествованием о Хико-Хоходэми в *Кодзика* и *Нихонги*. Она рассказывает о следующем. В 200 г., когда императрица Дзинго (200—269) прибыла в Корею, она зачерпнула ладонью морской воды и издали помолилась божеству Касима (в Хитати) и Касуга (Такэмикадзути, которому построили знаменитый старый храм в Касима и другой на холме Касуга в Нара, под названием Касуга-даймэджин; последний, однако, был построен не ранее 710 г.). Затем у корабля императрицы появились боги Касуга, Сумиёси и Сува, одетые в доспехи и со шлемами на головах. Касуга послал Великого Бога (Даймэджин) из Каваками⁵⁶⁸ во Дворец-Дракона (龍宮, *рюгу*) на дне моря, и этот могучий речной бог взял «жемчужину отлива» и «жемчужину прилива» у Великого Царя-Дракона Сагара⁵⁶⁹ и вынес их с собой на поверхность. Когда корейские военные корабли стали выстраиваться в боевой порядок, брошенная в море жемчужина отлива внезапно высушила всю воду. Затем царь Кома ступил на морское дно со своими войсками, чтобы уничтожить японский флот, но как только он сделал это, бог Каваками, следуя приказу Касуга, бросил в море жемчужину прилива, и вода внезапно прибыла и залила землю. Перепуганные войска молились за свои жизни, поскольку вода покрыла даже всю землю Кома. Затем жемчужина отлива снова была брошена в море, и вода спала. Так помощь, оказанная Касуга императрице, помогла разбить неприятельскую армию, не пролив ни единой капли крови, и получить три корабля, груженных данью и сокровищами от царя Кома.

В *Нихонги*⁵⁷⁰ мы читаем, что во втором году правления императора Тюоя (193) императрица Дзинго обнаружила в море *нё-и-тама* (如意玉), «драгоценность, исполняющую все желания» (*чинта-мани*). Об этих драгоценностях нам рассказали индийские сказания о Нагах. Флоренц замечает в примечании к этому отрывку⁵⁷¹, что в *Уса-но мия энги*⁵⁷² рассказывается, как императрица получила две драгоценности из Дворца драконов: *кан-дзю* и *ман-дзю*, вышеуказанные жемчужины отлива и прилива, и что эта книга описывает их, как пяти *сун* в длину, первая белая, а вторая синяя.

§ 8. Такэ-ива Тацу-но Микото, бог-дракон священного пруда в провинции Хиго.

В *Сандай дзицуруку*⁵⁷³ в следующем отрывке упоминается японский дракон: «В 6-м году Дзёган (864), на 26-й день 12-го месяца, Дадзайфу (大宰府, Губернатор Цукуси, т.е. современного Кюсю, имевший резиденцию в Тикудзэн) сообщал императору о следующих фактах: 'В провинции Хиго, районе Асо, в священном пруду Такэ-ива Тацу-но Микото (健磐龍命), «Бог-Дракон Крепкой Скалы», божество высшего второго ранга и пятого Ордена Достоинства (勲, *кун*), в ночь на третье десятого месяца прошлого года [т.е. в том же 864 году, поскольку это будет "последний год" в то время, когда император получил послание] был слышен звук и наблюдались движения и тряска. Вода в пруду всплескива-

⁵⁶⁷ 水鏡, Гл. 上、神功, К.Т.К., Vol. XVII, p. 351; написано во второй половине XII-го века.

⁵⁶⁸ 上、神功, «Повелитель-Дождя» (水師), см. ниже, Гл. IV.

⁵⁶⁹ 沙竭羅, также упоминаемый в *Фусо рьякки*, Сёму Тэнно, К.Т.К., Vol. VI, p. 564. Он — один из восьми Великих Царей-Драконов.

⁵⁷⁰ Гл. VIII, с. 156.

⁵⁷¹ L.1., pp. 222, note 13.

⁵⁷² *Уса Хатиман-но мия энги*, 宇佐八幡宮縁起; скопирована Уса Дзюэй, 宇佐重榮, в 1335 г.

⁵⁷³ К.Т.К., Vol. IV, Ch. IX, p. 167.

лась в воздух и падала в восточном и западном направлениях; падавшее на восток расплескивалось в виде длинного куска ткани, около десяти *тё* в ширину. Цвет воды был как у *сёю* (красным); он прилипал к растениям и деревьям, и даже по истечении десяти дней его следы не исчезали. Далее, в ту же ночь один из трех каменных богов, около 4 *дзё* в высоту, которые с древности стояли на вершине горы Химэ-гами (“Женское Божество”), сломался. Чиновники Дадзайфу, после гаданий на черепаших панцирях, с уверенностью заявили, что это были предзнаменования (букв. “соотносилось с”) волнениями вод [水疫, *суй-эки*, букв. “водяной мор”; в следующем тексте, однако, сказано, что гадатели предсказали *хэй-эки*, “мор от войны”]».

На десятый день второго месяца того же года (865) император издал указ⁵⁷⁴, в котором заявлял, что вышеуказанные недобрые предзнаменования имели причиной его плохое правление, и что поэтому он будет серьезно молиться богам и править лучше, чем до этого. Он сказал, что вода в священном пруду, о которой говорило Дадзайфу, никогда не поднималась, даже в период обильных дождей, и не спадала даже во времена засухи (букв. «избыточного солнечного света»), и что гадания прояснили тот момент, что внезапные выплескивания воды являлись предсказанием войны. Он говорил, что очень опечален, но надеется остановить эти дурные влияния путем более правильного, нежели ранее, управления. И вот, семь дней спустя⁵⁷⁵ он отправил двух посланников в императорскую усыпальницу в Ямасина, чтобы те прочли письменное послание его предку, Тэндзи Тэнно, где он излагал всю историю и умолял избавить от напастей.

Столь важен был «Бог-Дракон Крепкой Скалы» и его священный пруд. Здесь мы впервые встречаем слово *тацу*, использованное отдельно, в значении «дракон» (в *Нихонги* оно использовано лишь в имени Тацута, «Драконово-поле»), и можно быть уверенным, что здесь мы видим очень старое японское божество-дракона. Тот же пруд упоминается в *Нихон-коки*⁵⁷⁶, но без имени бога, которому оно принадлежит. Здесь мы читаем в Указе императора Камму от 796 г. следующее: «Дадзайфу сообщает, что в провинции Хиго, районе Асо есть водоем в горах (*нума*, 沼, не просто болото, но водоем больший, чем пруд, но меньший, чем озеро), именуемый «Священный Пруд» (神靈池, *Синрэйти*). На протяжении многих лет даже во времена больших наводнений, или серьезных засух вода в этом водоеме не спадала и не прибывала. Теперь, однако, безо всякой на то причины она упала более, чем на двадцать *дзё*. Судя по словам гадателей, это означает напасть в виде засухи (早疫, *кан-эки*, букв. ‘эпидемия засухи’)»⁵⁷⁷. В 840 г. она упала на 40 *дзё*⁵⁷⁸, и император приказал молиться об отвращении недоброго предзнаменования⁵⁷⁹.

§ 9. Драконий хвост императора.

В *Аиносё*⁵⁸⁰ дается забавное объяснение использования слова *биро* (尾龍) в смысле *дотай* (同躰, «то же тело»). По убеждению некоторых людей, говорит автор, это случилось из-за того, что у императора Одзина (270–310, сын императрицы Дзинго, деифицированный, как Хатиман в 712 г.) был драконий хвост, поскольку он являлся потомком морского божества (Дзимму Тэнно, его предок, был внуком дочери морского бога). Чтобы спрятать этот хвост он изобрел *сусо*, или юбку. Но однажды, когда он выходил из комнаты, его хвост еще оставался внутри, когда прислужница захлопнула раздвигающиеся двери и прищемила его между ними. Тогда император воскликнул: *Бирю!*, т.е. «(Я —) хвостатый дракон!» После слово *бирю* было изменено на *биро* со значением «то же тело», так как император хотел сказать, что оставшееся за дверями также относилось к его телу. Автор *Аиносё* верит в легенду о драконьем хвосте императора Одзина, потому что, говорит он, Угая-фуки-аэдзу, сын Тоётама-бимэ, женился на собственной тете, также дочери морского бога, младшей сестре своей матери по имени Тамаё-

⁵⁷⁴ Гл. X, с. 173.

⁵⁷⁵ Гл. V, с. 174.

⁵⁷⁶ 日本後期, написано в 841 г.; Гл. V, К.Т.К., Vol. III, с.2:

⁵⁷⁷ То же мы находим в *Нихон исси*, 日本逸史, Шд. IV, XIII, К.Т.К., Vol. VI, сс. 39, 363.

⁵⁷⁸ *Сёку Нихон коки*, 続日本後期, написано в 869 г.; Гл. IX, К.Т.К., Vol. III, с. 285.

⁵⁷⁹ Та же работа, Гл. IX, с. 288. Cf. Ch. X, p. 293.

⁵⁸⁰ Гл. VII, № 21, с. 19.

ри–химэ, с которой он произвел четверых сыновей, младшим из которых был Дзимму Тэнно. Поэтому, по его мнению, вполне возможно, что у потомков Дзимму были драконьи хвосты!

ГЛАВА II.

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН И ДРАКОН–ЛОШАДЬ, КАК ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ В ЯПОНИИ.

В Китае дракон — часто, а дракон лошадь — всегда являлись, как мы указывали выше⁵⁸¹, весьма добрыми предзнаменованиями. Японцы, полностью перенявшие отношение китайцев к предвестиям, нимало не колебались и поверили в истинность их убеждений относительно появлений драконов.

§ 1. Летающий дракон, как лошадь, призрак, или *сянь*.

Китайский дракон, летающий по воздуху, упоминается в *Нихонги*⁵⁸², где мы читаем: «В первый день пятого месяца первого года правления императрицы Саймэй (655) на небе появился человек, сидящий на драконе. По виду он напоминал китайца, на нем была синяя (широкополая бамбуковая) шляпа, (покрытая) промасленным шелком. Промчавшись от вершины Кацураги, он исчез в горах Икома; в полдень он промчался от Пика Сосновой Вершины Суми–но э (Сумиёси, 住吉) в западном направлении».

В *Фусо рьякки*⁵⁸³ приводится та же легенда с добавлением: «Люди того времени говорили: "Это — душа Сога Тоёра–но О–оми Эмиси"». То был знаменитый министр, умерший в 645 г., сын Умако и внук Инамэ, первых защитников буддизма: Инамэ воздвиг первый буддийский храм, Когэндзи, или Кацураги–дэра, который был разрушен в 645 г. после падения семейства Сога. Хотя об этом не говорится в тексте *Нихонги*, вероятно, появление этого дракона в виде лошади *сянь*⁵⁸⁴, в начале правления императрицы было очень хорошим предзнаменованием, так же, как и явление желтого дракона, который поднялся с северо–западных гор в небо в 887 г. при вступлении на трон императора Уда⁵⁸⁵.

§ 2. Драконы–лошади.

В *Нихонги*⁵⁸⁶ мы читаем: «Император (Котоку Тэнно в шестом году своего правления, т.е. 650) сказал: "Когда святой правитель появляется в мире и правит империей, Небо, соответственно, подает добрые знаки. В старые времена, под управлением правителей Западной страны (Китая) Чэн Вана династии Чжоу и Мин Ди династии Хань [в действительности — династии Цзинь], появились белые фазаны. В правление японского императора Хонда (Одзин Тэнно, 270–310) белый ворон угнезвился во дворце, а во времена императора Осадзаки (Нинтоку Тэнно, 311–399) на Западе появился дракон–лошадь (龍馬, *рю–мэ*, или *тацу–но ума*). Таким образом, с древности и до нынешних времен было много случаев явлений благоприятных знаков в соответствии с присутствием достойных людей».

Также, в *Энгисики*⁵⁸⁷ дракон–лошадь упоминается среди благоприятных предзнаменований (祥瑞). Там он назван «божественной лошастью» (神馬), и описан следующим образом: «У него длинная шея и крылья по бокам. Когда он бежит по воде, то не тонет»⁵⁸⁸.

Дракон упоминается в том же перечислении, в следующем описании, заимствованном из Китая: «У него пять цветов, он ходит (или летает) вокруг; он сам может делаться видимым, или невидимым, маленьким, или большим».

⁵⁸¹ Книга I, Гл. II, с. 43—59.

⁵⁸² Гл. XXVI, с. 457.

⁵⁸³ К.Т.К., Vol. VI, p. 516, Ch. IV.

⁵⁸⁴ См. выше, Книга I, Гл. III, § 9, с. 83.

⁵⁸⁵ *Фусо рьякки*, Гл. XXII, с. 637.

⁵⁸⁶ Гл. XXV, с. 451.

⁵⁸⁷ Гл. XXI, Разд. 治部省, К.Т.К., Vol. XIII, p. 653.

⁵⁸⁸ См. *Шуй ин ту*, выше.

Сёку Нихонги⁵⁸⁹ и Сёку Нихон коки⁵⁹⁰ цитируют китайские выражения относительно черепах и драконов, появляющихся, как знаки правления доброго императора.

Нихон сандай дзиуроку⁵⁹¹ сравнивает облачное испарение, висевшее под солнцем 27-го дня 7-го месяца 883 г., с лошадьё-драконом, и заявляет, что в 885 г. «драконовая звезда» (龍星) появлялась дважды⁵⁹², из-за чего название эры правления было изменено (очевидно, это сочли дурным предзнаменованием), о чем император сообщил народу в указе, и 9-й год Гангё стал 1-м годом Нинна.

В Кондзяку моногатари⁵⁹³ мы находим весьма искаженный отрывок о лошади-драконе, летавшей по воздуху во времена Сёму Тэнно (724—749).

Масу кагами⁵⁹⁴ упоминает лошадь-дракона лишь в связи с ее способностью пересекать широкие реки. В 1221 г., когда Ходхё Ёситоки двинулся из Камакура на Киото против императора Дзюнтоку, реки Фудзигава и Тэнрюгава (天龍川, «Река Небесного Дракона») вздулись от дождей до такой степени, что «даже лошадь-дракон не смогла бы их пересечь».

Интересный отрывок относительно лошади-дракона мы обнаруживаем в Тайхэйки⁵⁹⁵, где говорится, что такая прекрасная лошадь⁵⁹⁶ была подарена Энъя Такасада императору Годайго (1318–1339). Его Величество высоко оценил ее и сказал, что она наверняка является «небесной лошадьё» (тэмма, 天馬). На его вопрос, является ли появление такой лошади в период его правления добрым, или нехорошим предзнаменованием, ответом придворных было, что это — чрезвычайно удачный знак, благодаря достоинствам Его Величества. Подобно тому, как феникс появился во времена китайского императора Шуня (предположительно правил 2255–2205 до н.э.), а цзилинь — в эпоху Конфуция, так и эта небесная лошадь была чудесным предзнаменованием для периода, предвещая, одновременно, долгое правление императору и славу буддизму. Далее они вспомнили, как во времена китайского императора Му Вана из династии Чжоу появилось восемь небесных коней, все с разными именами, и как император, носимый ими, посетил все уголки мира. Итак, все присутствовавшие поздравили Годайго с его лошадьё, за исключением Фудзивара-но Фудзифуса. Когда спросили о его мнении, он заявил, что уверен в том, что это не есть доброе предзнаменование, и также привел «китайские» примеры для подтверждения своих слов. Дома двух императоров династии Хань — Вэнь и Гуан У, отказавшихся от подобных подарков, правили долго и счастливо, сказал он, тогда как Му, использовавший восемь небесных скакунов, вскоре пришли в упадок. Те лошади были лишь метаморфозой созвездия Фан (房, одиннадцатого из созвездий Зодиака) и предвестником падения династии Чжоу. Годайго, услышав эти слова, рассердился и остановил празднества в тот день. Неповерив пессимистическому прогнозу Фудзифуса, он принял лошадь, и через несколько лет (1336) великий раскол на Северный и Южный Дворы явился подтверждением истинности слов Фудзифуса.

Та же работа⁵⁹⁷ рассказывает, как император Годайго передал вышеуказанную лошадь Нитта Ёси-сада, когда отправлял его в провинцию Овари (1335). Ожидалось, что она покроет расстояние, на которое у обычной лошади уходило от четырех до пяти дней, за полдня, так что он вернется в Киото в тот же вечер. Через несколько часов он прибыл в провинцию Оми, однако там животное внезапно умерло, что было, разумеется, очень нехорошим предзнаменованием.

Наконец, мы можем упомянуть лошадь-дракона, наверняка не являвшуюся предвестником зла, а именно ту, на которой императрица Дзинго, после смерти своего супруга Тюая (200) пролетела по воздуху до Сугияма в Икэда, провинции Будзэн, где она молилась богам о помощи в ее экспедиции против Кореи. Тогда четыре Царя Дэва с восемью белыми флагами (Хатиман) в руках, спустились с неба⁵⁹⁸.

⁵⁸⁹ Гл. IX, К.Т.К., Vol. II, p. 145: «Сяо цзин, разд. «Соглашения с помогающими божествами» гласит: 'Когда Сын Неба послушен своим родителям, божественные драконы опускаются и появляются земные черепахи'». См. выше.

⁵⁹⁰ Гл. XVIII, К.Т.К., Vol. III, p. 401.

⁵⁹¹ Гл. XLIV, К.Т.К., Vol. IV, p. 607. См. Фусо рьякки, Гл. XX, К.Т.К., Vol. VI, p. 616.

⁵⁹² Гл. XLVII, с. 657.

⁵⁹³ Гл. XI, К.Т.К., Vol. XVI, p. 546.

⁵⁹⁴ Гл. II, К.Т.К., Vol. XVII, p. 1012.

⁵⁹⁵ Гл. XIII, с. 1.

⁵⁹⁶ Прекрасные лошади часто назывались китайцами «летучими драконами» (飛龍, фэй лун), см. Нихон коки, Гл. XII, К.Т.К., III, с. 48, и Сёку Нихон коки, Гл. III, К.Т.К., III, с. 199.

⁵⁹⁷ Гл. XIV, с. 14.

⁵⁹⁸ Санся такусэн рьякусё, 三社託宣略抄; автор неизвестен; 3-й год Кэйан (1650) упоминается, как дата эпилога. Дзоку дзоку гунсё руйдзю, Vol. I, p. 741.

§ 3. Повозка с призраком, влекомая по воздуху восемью драконами.

В связи с тем же императором, мы можем упомянуть третью легенду из *Тайхэйки*⁵⁹⁹. Омори Моринага, победивший преданного Годайго генерала Кусуноки Масасигэ (1336), в один из вечеров увидел призрак последнего, появившийся в саду и пытающийся отобрать у него меч. Он спросил у призрака, кто его сопровождает, на что тот ответил, что это император Годайго, сын императора принц Моринага (убитый в Камакура в 1335) и Нитта Ёсисада. Омори зажег факел и, посмотрев вверх, обнаружил в большом облаке двадцать демонов, несущих на плечах императорский трон; за ними следовал принц в повозке, которую тянули восемь драконов, а Ёсисада ехал перед ними с более, чем тремя тысячами всадников. Это напоминает нам предложение из *Гэмнэй сэйсуйки*⁶⁰⁰, цитату из *Ба—ику—кё*, 馬郁経 где говорится, что «на небе лошадь превращается в дракона, а среди людей дракон становится лошастью». Число восемь стереотипично в этих легендах о драконах, на которых ездят цари, или боги, либо — тянущие их повозки. Так, мы читаем о буддийском божестве с двенадцатью лицами и сорока двумя руками, сжимающими мечи и копья, едущем на восьми драконах по воздуху среди дождя и ветра⁶⁰¹.

§ 4. Дракон, появляющийся, как доброе предзнаменование.

*Кандэн дзихицу*⁶⁰² описывает дракона, которого видели под мостом рядом с деревней Унава, провинции Харима, у подножия горы Сико. Он был семи сяку в длину, с одним рогом, руками и ногами, а его тело имело цвет листьев дерева с легкой позолотой. Это было прекрасное животное, совершенно такое же, как красный дракон на картинках. Когда крестьяне спустились под мост и погладили его по рогу, оно не испугалось и не рассердилось, но было явно радо. После неподалеку, на другом берегу реки нашли шкуру этого божественного дракона. «Это не был злой дракон, или ядовитая змея, но, вероятно, добрый признак хорошего правления. Тот факт, что урожай этой осени был особо хорош, связали с появлением дракона, которого (поэтому) назвали добродетельным существом»⁶⁰³.

⁵⁹⁹ Гл. XXIII, с. 3.

⁶⁰⁰ Гл. XXXVII, с. 982.

⁶⁰¹ См. ниже, Гл. IV, *Тайхэйки*, Гл. XII, с. 9b.

⁶⁰² 閑田次筆, написано тем же автором, кто написал *Кандэн кохицу*, т.е. Бан Сукэёси, 伴資芳, жившим 1732—1806

ГГ.
⁶⁰³ *Хякка сэцуруин*, т. 続下, Гл. IV. *Гадан кэйроку*, 盡譚雜助 (написано в 1775 г. Накаяма Коё, 仲山高陽, *Хякка сэцуруин*, т. 正下, с. 419) говорит о чиновниках, назначенных в древнем Китае для приручения драконов (см. выше, Книга I, Гл. III, § 8), которые не были собственно драконами, но — лошадьми; далее там приводятся иллюстрации драконов.

Другая работа в *Хякка сэцуруин* (Конъё манроку, 昆陽漫録, написана в 1763 г. Аоки Конъё, 青木昆陽, *Хякка сэцуруин*, т. 正上, с. 880) упоминает кости дракона (см. выше, Книга I, Гл. III, § 17). Датчанин, которому Аоки показал такую кость, объявил, что это был камень, что согласуется с китайским трудом.

ГЛАВА III.

ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ.

§ 1. Синтоистские божества.

В древних японских анналах часто говорится об убийственных засухах, приводивших страну в состояние голода и нищеты. Их считали божественным наказанием, или, в любом случае, бедствием, которое можно было остановить исключительно искренними молитвами и подношениями тем же божествам. В особенности старые речные боги в форме драконов («речные дяди», 河伯, *кава-но ками*) с древних времен считались приносящими дождь, и их умоляли не устранять свое благословение с пересохшей и страдающей земли.

*Нихонги*⁶⁰⁴ рассказывает нам, что в первый год правления императора Когёку (642) была долгая засуха, которую не могли остановить синтоистские служители. В переводе Астона этот отрывок звучит так: «25-й день. Министры совещались друг с другом, говоря: — 'В соответствии с учениями деревенских *хафури* [синтоистских служителей], в некоторых местах убивали лошадей и скот, как приношение богам различных (синтоистских) святилищ; в других — часто менялись рыночные места; [и то, и другое — старинные китайские обычаи⁶⁰⁵], или моления речным богам. Ни одна из этих практик не принесла никакого доброго результата'. Затем Сога-но Оо-оми [Ирука, последний из Сога, убитый в 645 г. вместе со своим отцом Эмиси; все Сога — Инамэ, Умако, Эмиси и Ирука являлись могущественными министрами и влиятельными защитниками буддизма] ответил и сказал: — 'Махаяна Сутра должна быть читаема отрывками⁶⁰⁶ в храмах; как учит Будда, нам следует каяться в своих грехах и со смирением молиться о дожде'».

«27-й день. В Южном Дворе Великого Храма образы Будды и бодхисаттв, а также изображения четырех Царей Дэва были величественно украшены. Множество монахов, по смиренному прошению, читали *Махаяна-сутру*. По этому случаю Сога-но Оо-оми держал в руках кадильницу и, зажегши в ней благовония, сказал молитву».

«28-й день. Выпал небольшой дождь».

«29-й день. Молитвы о дожде были безответны, чтение Сутры прекратили».

«8-й месяц, 1-й день. Император проследовал к источнику реки в Минабути. Там он преклонил колени и молился, поклоняясь четырем направлениям и взглядывая в небеса [китайский стиль, поскольку буддийские моления оказались безрезультатными]. Немедленно прогремел гром и пошел сильный дождь, не прекращавшийся пять дней и обильно оросивший империю. [В одном труде сказано: — “На протяжении пяти дней лил дождь и девять зерен набухли”]. После этого крестьяне всей империи единым духом закричали 'Банзай!' и сказали: 'Император наш — отменно добродетелен'».

Среди восьмидесяти пяти синтоистских святилищ, куда Двором были посланы люди молиться о дожде, *Энгисики*⁶⁰⁷ упоминает несколько речных и водных божеств, например богов Кибунэ и Нибу-но Каваками, но также богов ветра из Тацута, бога грома из Камо и многих других. *Нихонги*⁶⁰⁸ неоднократно приводит одни и те же слова относительно этих молитв, а именно: «Император послал *дайбу* (大夫, чиновников высшего ранга), гонцами в различные синтоистские святилища с тем, чтобы молить о дожде; он также послал молиться богу Оо-оми из Хиросэ и богам ветра из Тацута (龍田, 'Драконово

⁶⁰⁴ Гл. XXIV, К.Т.К., Vol. I, p. 410.

⁶⁰⁵ См. примечание Астона к этому отрывку (*Нихонги*, т. II, с. 174, прим. 4) и примечание № 3 Флоренца (*Nihongi, Japabische Annalen*, Book XXII—XXX, sec. ed., p. 75).

⁶⁰⁶ 轉続, *тэндоку*; Астон, с. 175, прим. 1: “чтение отрывков книги, представляющих целое”.

⁶⁰⁷ Гл. III (神紙三、臨時祭), К.Т.К., Vol. XIII, p. 142.

⁶⁰⁸ Гл. XXX, с. 565.

Поле')». Было ли случайностью, что боги ветра, явившиеся также подателями дождя, имели свой храм в месте под названием «Драконово Поле»? Слово *тацу*, дракон, насколько мне известно, отсутствует в *Нихонги*, за исключением этого названия, однако тот факт, что у древних японцев такое слово было, указывает, что они имели представление о разновидности драконов до того, как корейцы и китайцы поведали им о существовании китайских драконов. Они идентифицировали этих *тацу* с *лун* (龍) и, как мы видели выше, писали имена их «водяных отцов», *мидзутти*, иероглифом 虬, *цзю* (рогатый дракон), тогда как слово *оками* записывалось иероглифом из составляющих «дождь» и «дракон».

Их драконы были *ками*, богами⁶⁰⁹, жившими в реках и морях, долинах и на горах (в ручейках, озерах и прудах), посылая дождь своим почитателям. Что эти речные боги могли также вызывать ветер мы узнаем из вышепротитированного отрывка в *Нихонги*⁶¹⁰, в котором бог Северной реки вызывает смерч, чтобы потопить тыквы–горлянки. Итак, три вида драконов, обнаруживаемые в Японии — исходно японские, китайские и индийские — все имеют одну общую черту, т.е. способность вызывать дождь, тогда как ветер относится лишь к сфере первых двух.

*Сёку Нихонги*⁶¹¹ повествует, что в 715 г. император Гаммэй послал людей молиться о дожде к «знаменитым горам и большим рекам» (名山大川), после чего через несколько дней прошел ливневый дождь. Примечательно, что он в то же время устроил религиозные празднества в двух великих буддийских храмах в Нара — Кофукудзи и Хорюдзи и послал гонцов в различные синтоистские святилища с *нуса* (幣帛, подношения из конопли и очищенной коры⁶¹²). Мы часто наблюдаем этот дуализм в мерах, предпринимавшихся императорами для прекращения засухи, или при слишком продолжительном дожде, особенно в позднее время, когда буддизм становился все более и более влиятельным⁶¹³.

Синтоистские боги, вызывающие, как верили, дождь, могли также его и останавливать, и мы часто читаем о молитвах к ним с подобной просьбой. Во время засухи большинство посланцев отправлялось к различным приносящим дождь божествам в пределах так называемых *гокинай* (五畿内), пяти провинций, окруживших столицу, т.е. Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзуми и Сэтцу⁶¹⁴. Самым мощным в этом отношении был, похоже, речной бог Нибу каваками (丹生川上神), упоминаемый в *Энгисики*⁶¹⁵ среди десяти храмов в районе Ёсино провинции Ямато. Не только конопля и кора предлагалась речным богам, но иногда также и черная лошадь, дабы побудить их насладиться дождем⁶¹⁶. Драконий облик этих богов очевиден из термина «Хозяин Дождя» (雨師, *У-си*, которым его часто определяли, имитируя китайского дракона⁶¹⁷, который, похоже, был дарован ему, как особый титул. Ему также молились об остановке ветра и

⁶⁰⁹ Satow, *The revival of pure Shinto*, Transactions of the Asiatic Society of Japan, App. Vol. III, 1, p. 43; Aston, *Shinto*, p. 9.

⁶¹⁰ Гл. XI, с. 197.

⁶¹¹ Ch. VI, К.Т.К., Vol. II, p. 92.

⁶¹² См. Aston, *Shinto*, pp. 213 seqq.

⁶¹³ См. *Сандай дзюкуроку*, Гл. V, К.Т.К., Vol. IV, pp. 87 seq.: «На пятнадцатый день император послал гонцов в семь храмов знаменитый синтоистских богов рядом со столицей для подношения *нуса* и для молений о дожде... На шестнадцатый он пригласил служителей из всех великих буддийских храмов, 60 человек, прийти во Дворец и там читать *Дай Ханья кё* (Махапраджняпарамита сутру) частями, — это ограничилось тремя днями; то были моления о мягком дожде (в тексте сказано “три *месяца*”); если это верно, то имелось в виду, что сутра моления о дожде никогда не должна была читаться дольше, чем три месяца; однако, вероятно, иероглиф 月 напечатан ошибочно вместо 日). На восемнадцатый день загремел гром и слабый дождь едва смочил (землю). На девятнадцатый было землетрясение, и слабый дождь прекратился. Чтение сутры было продлено на два дня, так как хороший увлажняющий дождь так и не был получен».

⁶¹⁴ *Сёку Нихонги*, Гл. VII, XI, XXXVII, К.Т.К., Vol. II, pp. 103, 187, 676.

⁶¹⁵ Гл. IX, К.Т.К., Vol. XIII, p. 291.

⁶¹⁶ *Сёку Нихонги*, Гл. XXXIX, с. 739. *Нихон коки*, Гл. XVII, К.Т.К., Vol. III, p. 82. *Энгисики*, Гл. III, К.Т.К., Vol. XII, p. 144.

⁶¹⁷ См. выше, Книга I, Гл. V, 109 sqq. Мы находим этот термин повсюду в *Сёку Нихон коки* (К.Т.К., Vol. III, p. 281, «Хозяин Дождя внезапно пробежал по четырем морям» (т.е. дождь шел по всей стране; с. 287, «Высшее звание основного, пятого ранга было даровано Хозяину Дождя, богу Нибу каваками, имевшему (ранее) более низкое звание»; с. 300 (затем его подняли до низшего звания вторичного четвертого ранга); с. 313 (моления о дожде отправлены в храм того же Хозяина Дождя императорским посланником, и в тот же вечер прошел дождь); с. 397 (*нуса* поднесены ему, чтобы прекратить непрерывный дождь); с. 402: «*Нуса* и шелк поднесены верхнему и нижнему святилищам Мацуо и Камо, а также святилищам Кибунэ и Хозяина Дождя, чтобы молить о ниспослании мягкого дождя»; в *Сандай дзюкуроку*, К.Т.К., Vol. IV, p. 41: *нуса* и синяя (т.е. темная) лошадь поднесены Хозяину Дождя из Нибу каваками, чтобы остановить непрерывный дождь; с. 395: *нуса* поднесены с той же целью; с. 465: того же бога подняли до основного третьего ранга и поднесли ему черную лошадь, чтобы вызвать дождь; и т.д.; а в *Нихон исси*, К.Т.К., Vol. VI, Ch. XVIII, p. 184: *нуса* поднесены Хозяину Дождя, чтобы остановить дождь; Гл. XXVI, с. 270: поднят до вторичного пятого ранга, молили о дожде; Гл. XXVII, с. 285: ему поднесена черная лошадь, молили о дожде; с. 286: поднесены *нуса*; Гл. XXXI, с. 334: поднесены *нуса* и лошадь для остановки продолжительного

дождя⁶¹⁸. В *Кимтисё*⁶¹⁹ говорится, что придворные заботились о подношениях, посылаемых императором в храмы Нибу и Кибунэ для молений о дожде, или чтобы побудить богов-драконов остановить продолжительный дождь. Однако, они не ездили туда сами, но посылали чиновников из Дзикакан, или, по особым случаям, придворных чиновников (*курабито*). Существовало шестнадцать синтоистских святилищ, божествам которых поклонялись ради вызывания, или прекращения дождей, а именно семь «Верхних храмов» (в Исэ, Ивасимидзу, Камо, Мацуо, Хирано, Инари и Касуга), а также в Охарано, Ямато Исигами, Хиросэ и Тацута, Сумиёси, Нибу и Кибунэ.

Наконец, в провинции Бидзэн, в районе Камигэ, в так называемом Тацу-но фути (龍の淵), или «Драконьем Прудом» жил местный японский дракон, знаменитый тем, что даровал дождь молившимся ему⁶²⁰. А в провинции Этидзэн, в районе Сакаи еще и сегодня есть синтоистский храм Кокурю Мёдзин, 黒龍明神, «Черный Бог-Дракон», на берегу Кусурю-гава, 九頭龍川, или «Реки Девятиглавого Дракона», называемой также Кокурю-гава, или «Потоком Черного Дракона». Если там молиться о дожде, то эти слова непременно будут услышаны⁶²¹.

§ 2. Подношение лошадей синтоистским божествам.

Относительно лошадей, жертвованных богам дождя, мы можем упомянуть другой отрывок⁶²², где мы читаем, что в 838 г. белых лошадей дважды подносились богу из Кибунэ (貴布禰) на горе Курама рядом с Киото, еще одному знаменитому богу дождя, а также указанному «Хозяину Дождя», дабы остановить ливень. Подношение последнему синей (т.е. темной окраски) лошади в 859 г. (для прекращения дождя) и белых в 875 и 883 годах зафиксировано в *Сандай дзицуроку*⁶²³, тогда как черные лошади дважды подносились тому же богу в 877 г., а также в 880 и 885 годах⁶²⁴. Неудивительно, что император неоднократно поднимал ранг этого могущественного речного бога⁶²⁵. В *Кимтисё*⁶²⁶, работе, написанной в эру Кэнряку (1211—1212) императором Дзюнтоку, сказано, что, когда в то время чиновники из Дзингикан, Департамента Синтоистских Ритуалов и Церемоний, отправлялись в храмы Нибу («Хозяина Дождя») и Кибунэ, чтобы молить о дожде, или о прекращении ливней, то брали с собой священную лошадь из императорских конюшен, а когда Курабито (*куродо*, или *курудо*, 蔵人, чиновники *куродо-докоро*, занимавшиеся императорскими указами) шли в те храмы, одна из обычных императорских лошадей, или взятая из конюшни ушедшего на покой императора, считалась достаточной. В случае необходимости остановить дождь подносились красные лошади, а, когда дождь требовался, — белая, поскольку при молениях о дожде красного цвета избегали. *Энгисики*, напротив, говорит, что в эру Энги (901—922) белую лошадь подносили в первом случае, а черную — во втором. Возможно, это варьировалось в различное время; красный (или синий, т.е. темного цвета), черный и белый были, в любом случае, цветами, среди которых красный ограничивался молитвами об остановке дождя.

дождя; с. 337: поднесены *нуса*, моления о дожде; Гл. XXXVII, с. 412: *нуса* и белая лошадь из императорских конюшен поднесены, чтобы Хозяин Дождя остановил проливной дождь.

⁶¹⁸ *Сёку Нихон коки*, Гл. VIII, с. 247.

⁶¹⁹ *Гунсё руйдзю*, т. XVI, ном. 467, Гл. 下, сс. 1072 seq. См. ниже, Гл. V, § 4.

⁶²⁰ *Будзэнкокуси*, 豊前国志, написано в 1865 г. Такада Ёситика, 高田吉近; Гл. IV, 上, с. 31.

⁶²¹ *Нихон сюкё фудзокуси* (написано в 1902 г., см. ниже, Гл. III, § 12), с. 325.

⁶²² *Сёку Нихон коки*, Гл. VII, с. 247: «*Нуса*, шелк и белая лошадь были поднесены богу из Кибунэ и богу — Хозяину Дождю из Нибу каваками; это было сделано, чтобы в дальнейшем молить их остановить дождь».

⁶²³ Гл. III, с. 41. «С пятого месяца и до настоящего месяца (восьмого) непрерывно шел дождь, поэтому в храм Хозяина Дождя в Нибу каваками в провинции Ямато были посланы гонцы, и ему поднесли *нуса*, синюю лошадь и прочее; это было сделано, чтобы упросить его остановить ливень». Гл. XXVII, с. 416: *нуса* и белая лошадь поднесены богу из Нибу каваками, чтобы остановить дождь. Гл. XLIV, с. 606: *нуса* поднесены храмам в Исэ, Камо, Мацуо, Инари, Кибунэ и Нибу каваками, а последнему еще и белая лошадь по причине проливных дождей и дурных предзнаменований.

⁶²⁴ *Сандай дзицуроку*, Гл. XXXI, с. 464: черная лошадь поднесена богу из Нибу каваками, а *нуса* — богу из Кибунэ с молениями о дожде. Гл. XXXI, с. 465: бог из Нибу каваками поднят до основного третьего ранга, ему поднесены *нуса* и черная лошадь, вознесены молитвы о дожде. Гл. XXXVII, с. 543: *нуса* поднесены богам одиннадцати синтоистских святилищ (Камо и другим), вознесены молитвы о дожде; но к подношениям, отосланным в храм Нибу каваками добавлена черная лошадь. Гл. XLVIII, с. 666: *нуса* и черная лошадь поднесены богу — Хозяину Дождя из Нибу каваками.

⁶²⁵ Ср. примечания выше. *Сёку Нихон коки*, Гл. IX, сс. 287, 300 etc.

⁶²⁶ *Гунсё руйдзи*, т. XVI, №467, Гл. 下, сс. 1072 seq.

§ 3. Буддизм завоевывает пространство.

В особенности в последней из шести старейших японских унифицированных исторических трудов (*Риккокуси*, 六国史), т.е. в *Сандай дзицуроку* (написана в 910 г.) мы видим, что буддийские монахи понемногу начинают превалировать в борьбе с синтоистскими. Тогда как ранее во времена засухи был лишь один способ предотвращения такого зла, а именно — моления и подношения синтоистским речным богам, теперь же императоры стали прибегать к помощи буддистов в подобных случаях, иногда даже не обращаясь к синтоистским божествам.

Весьма характерно, что в седьмом месяце 877 г., когда стояла такая засуха, премьер-министр Фудзивара-но Мотоцунэ подал в отставку, поскольку счел это последствие своего дурного управления, но ничего не говорится о молениях, или подношениях синтоистским богам⁶²⁷. Император не принял отставку Мотоцунэ, а приписал засуху проклятью мавзолея императрицы Дзинго в Татанами в Ямато, после чего немедленно послал гонцов расследовать дело. Те сообщили, что в окрестностях мавзолея был разрезан на куски и съеден олень, а крестьяне вырубili триста тридцать два дерева; виновные чиновники были наказаны, однако засуха продолжалась. Тогда сто буддийских монахов были призваны в Сисиндэн (строение во дворце), и им указали читать там *Дайханья* (Махапраджняпарамита) *сутру* три дня; эту сутру обычно читали осенью, однако — и в случае необходимости дождя. Через два дня поднялся ураган и тучи закрыли небо. Выпал небольшой дождь, однако его было недостаточно, и чтение сутры продлили на два дня; читали также *Нинно* (仁王) сутру. На следующий день вода в пруду Синсэнэн, или Парка Священного Источника (см. ниже, § 4) потребовалась для орошения рисовых полей; за один день и одну ночь пруд высох. Тогда император снова послал гонцов к мавзолею Дзинго, чтобы извиниться за срубленные деревья и убитого оленя. Там читались сутры на протяжении пяти дней безо всякого результата, и некоторые бонзы были столь пристыжены, что тайком бежали. Однако, один из них, хорошо известный настоятель Дэнто Дайхоси⁶²⁸, посоветовал позволить одному из своих учеников попробовать применить магическое искусство вызывания дождя с помощью тантр. Того призвали, и он был достаточно умен, чтобы попросить на всё пять дней. На следующий день землетрясение и гром возгласили о хорошем результате применения тантр; дождь шел три дня, и во дворце и по всей стране царил бурная радость.

За два года до этого, в 875 г. были посланы люди в пятнадцать великих буддийских храмов, и читали *Дайханья* сутра, чтобы призвать дождь⁶²⁹. Шестьдесят буддийских служителей читали тот же священный текст в Тайкёкудэн (строение во дворце), а пятнадцать других возглашали *Дайунрин сэю кё* (大雲輪請雨經, «Великую сутру Облачного-колеса моления о дожде»)⁶³⁰ в вышеуказанном парке Синсэнэн. Высшие чиновники пошли к императорскому мавзолею в Фукакуса и, испросив прощения за возможно допущенное зло, молились о снисхождении, ибо *Дзингикан*, Департамент синтоистских ритуалов и церемоний, объявил засуху результатом проклятья за срубание деревьев у мавзолея.

§ 4. Парк Священного Источника.

Синсэнэн (神泉苑, «Парк Священного Источника») являлся важным местом в стародавние дни, упоминавшимся бесчисленное количество раз в древних анналах, начиная с *Нихон коки* и до *Фусо рьякки*. Однако, говорится о нем по-разному. В более древних работах сказано, что императоры неоднократно посещали его для развлечения, посмотреть на схватки борцов и т.п., но в *Сандай дзицуроку* это уже место, где проводились буддийские службы для вызывания дождя. Кроме 875 г. мы читаем о такой же церемонии в 877 г., когда Дэнто Дайхоси, тот же самый, кто за месяц до этого рекомендовал своего ученика для вызывания дождя с помощью тантр, прибыл в парк во главе двадцати одного буддийского монаха и, практикуя метод возглашения «Сутры царя-птицы с золотыми крыльями» (без сомнения —

⁶²⁷ *Сандай дзицуроку*, Гл. XXXI, сс. 466 seq.

⁶²⁸ 傳燈大法師; см. *Фусо рьякки*, Гл. XX, К.Т.К., Vol. VI, p. 598.

⁶²⁹ Гл. XXVII, сс. 414seq.

⁶³⁰ Это — *Махамегха сутра*, о которой шла речь во *Введении*, § 4.

Гаруда, цель которого — испугать дракона и заставить его взлететь)⁶³¹, молились о дожде. На следующий день другой высший служитель, Рисси Эндзю и верховный член Церемониального Совета, Татибана Асон были посланы императором к Дайбуцу в Тодайзи в Нара, дабы молиться там на протяжении трех дней; но все было напрасно. Тогда речное божество из Како⁶³² в провинции Хитати и Каро в Инаба были повышены в рангах; посланники прибыли во все императорские мавзолеи с объявлением, что *нэнго* (название эры правления) изменяется (с Дзёган на Гангё, способ отвращения напастей, в данном случае — засухи)⁶³³.

Затем последовало то, о чем мы рассказали выше (§ 3). Интересно наблюдать, как помощь древних синтоистских божеств не призывалась до того, как буддийские служители оказались бессильны вызвать дождь, и даже тогда не было ни молений, ни подношений, как раньше; божества всего лишь повысили в ранге, а императорским предкам объявили о смене девиза правления.

Именно из-за пруда в парке буддисты избрали его для своих молитв о дожде. Мы читаем в *Сандай дзицуроку*⁶³⁴, что на 23-й день 6-го месяца, когда все попытки буддийских служителей, упомянутые выше, вызвали лишь слабый, недостаточный дождик, старик сказал: «В пруду Парка Священного Источника живет божественный дракон. Раньше, во времена тяжелых засух воду из этого пруда выпускали и он осушался; били в колокола и барабаны, и, когда (дракон) отвечал (на просьбы), гремел гром и шел дождь. Это наверняка принесет хороший результат». Тогда император отправил в парк высоких чиновников и приказал выпустить воду. Другие чиновники, придворные музыканты заняли места на драконьей лодке (龍舟, лодка с носом в форме дракона, см. выше, Книга I) и принялись бить в барабаны и колокола, петь и танцевать, так что их голоса «сотрясли небо». На следующий день загремел гром и пошел небольшой дождь, однако через некоторое время небо вновь прояснилось, а за Киото была лишь слегка пририта пыль. На 25-е результат был тем же, а на 26-е чиновники, которые непрерывно, ночью и днем играли музыку на пруду, получили похвалу от императора и разрешение прекратить свои труды.

Из этого отрывка мы узнаем, что дракон в пруду в Парке Священного Источника исходно не был индийским Нага, привнесенным буддистами, но — китайским, а, возможно, и японским драконом, которого ранее принуждали взлетать и производить дождь, лишая его своего элемента, воды, или раздражая его ужасным шумом, в соответствии с китайскими методами, описанными выше⁶³⁵.

Буддийские служители идентифицировали этого дракона с индийским царем-Нага, которого побуждали послать дождь, читая сутры. Однако, в VII в. китайские идеи превалировали при японском дворе, и император иногда лично приходил к реке и, преклонив колена и кланяясь четырем сторонам света, молился Небу в китайском стиле. Затем гремел гром и продолжительный дождь приносил хороший урожай⁶³⁶.

К 875 г. старые китайские методы вызывания дождя, очевидно, канули для японского двора в небытие, однако были вновь востребованы, когда старик привлек к ним внимание придворных, поскольку чтение сутр не привело ни к какому результату.

Подобно синтоистским божествам-драконам, дракон в Парке Священного Источника считался способным не только приносить дождь, но и останавливать его, если он лил непрерывно. Так, в 880 г. буддийский служитель возглашал там *Кантё* (灌頂, омовение головы) сутру на протяжении трех дней, чтобы остановить дождь⁶³⁷. Также, в *Нихон кираку*⁶³⁸ содержится несколько отрывков, связанных с буддийскими молениями о дожде в парке. В 972 г. так называемый «Закон (способ) Сутры-молений-о-дожде» (*Сэйукё-хо*, 請雨經法, т.е. учение *Махамегха-сутры*, см. выше) практиковался там на протяжении девяти дней с прекрасным результатом, так же, как и в 982, 985 и 1018 гг.⁶³⁹.

⁶³¹ См. выше, *Введение*; ср. Книга I, Гл. V, § 3.

⁶³² 河江神 («реки») — в Китае Хуанхэ и Янцзы.

⁶³³ *Сандай дзицуроку*, Гл. XXXI, с. 465.

⁶³⁴ Гл. XXVII, с. 415.

⁶³⁵ Книга I, Гл. V, § 3; ср. китайскую легенду об императоре Ши Хуане, солдаты которого производили страшный шум, чтобы испугать бога-дракона (Книга I, Гл. VI, § 7).

⁶³⁶ *Фусо рьяки*, Гл. IV, К.Т.К., Vol. VI, с. 508, император Когёку в 642 г.

⁶³⁷ *Сандай дзицуроку*, Гл. XXXVII, с. 541.

⁶³⁸ 日本紀畧, написано после 1036 г. К.Т.К., Vol. V.

⁶³⁹ Вторая Часть, Гл. VI, с. 940; Гл. VII, с. 975; Гл. VIII, с. 986; Гл. XIII, с. 1115; одновременно, в 1018 г. произошел «Праздник Пяти Драконов» 五龍祭.

Оставив *Анналы* и обратившись к произведениям легендарного жанра мы обнаруживаем следующие сведения. В *Кондзяку моногатари*⁶⁴⁰ рассказывается, как во время сильной засухи император приказал Кобо Дайси (774–835) вызвать дождь, и святой семь дней практиковал учение Сутры–молений–о–дожде в Парке Священного Источника. Затем с правой стороны от алтаря появилась змея⁶⁴¹ пяти *сяку* в длину, несущая маленькую змею золотого цвета, и, через некоторое время, обе исчезли в пруду. Из двадцати сидевших в ряд монахов лишь четверо видели это появление. Один из этих избранных спросил, что это означает, и другой ответил — появление индийского царя–дракона Дзэннэ, 善如, жившего в Индии в пруду Анаватапта⁶⁴², который живет теперь в пруду Парка Священного Источника, было знаком того, что предпринятое возымеет действие. И действительно, на северо–западе поднялось темное облако и вскоре полил дождь. После этого, когда бы ни случалась засуха, в парке отправляли ту же церемонию, и она всегда оказывала воздействие.

В *Кодзидан*⁶⁴³ говорится, что это событие случилось в 824 г. В соответствии с этой работой, буддийский служитель Сюбин (守敏) испросил императора о разрешении практиковать самолично церемонию молений о дожде вместо Кукая (Кобо Дайси), поскольку он был столь же искушен в этом, как и последний. Таковое было дано, и ему удалось вызвать гром и дождь в Киото, но не далее Хигаси–яма. Затем Кобо Дайси было приказано вызвать дождь по всей стране, что тот пообещал устроить в течении семи дней. Однако, этот срок прошел, а небо было все так же безоблачно. Святой, углубленный в медитацию (*самадхи*), пришел к выводу, что Сюбин, его соперник, поймал всех драконов и закрыл их в кувшине для воды с помощью магических формул (тантр). Именно по этой причине его (Кобо) собственные молитвы не принесли результата. Он, однако, решил не отчаиваться и продолжал возглашать сутру. Ночью второго дня он сказал: «В этом пруду есть дракон, называемый Дзэннэ, который сочувствует людям. Ему я молился и теперь вижу, как он поднимается из озера, весь — золотого цвета, около восьми *сун* в длину, сидящий на голове другого дракона, восьми *сяку* в длину». Об этом донесли императору, который отослал человека с подношениями царю–дракону. И, когда истекли семь дней после новых молений, разразилась сильная гроза и струи дождя пролились по всей стране, так что вода в пруду выплеснулась на алтарь. В качестве награды за спасение людей от голода Кукай был повышен до ранга Сёсодзу, епископа⁶⁴⁴.

В *Тайхэйки*⁶⁴⁵ приводится другая версия той же легенды. После рассказа о том, что парк был заложен во времена императора Камму (781–806) в подражание Лин–ю (靈園), парка китайского императора Вэнь династии Чжоу, автор информирует нас, что тот же японский монарх (построивший дворец в Киото, новой столице, которую он основал и сделал своей резиденцией в 794 г.) построил два буддийских монастыря — с восточной и западной сторон ворот Судзяку, названных Тодзи и Сэйдзи, «Восточный и Западный Монастыри». Первый находился под управлением Кобо Дайси, который был должен охранять императорский ранг, а последний — под управлением епископа Сюбина, который охранял императорское тело. После возвращения Кобо Дайси из Китая Сюбин, который в его отсутствие считался великим человеком, отошел в тень. Император, восхищавшийся чудесной магической силой Сюбина, теперь стал считать Кобо выше его. Этого амбиционный Сюбин вынести не мог; он затаил черную ненависть к своему суверену, равно как и к сопернику, и, чтобы отомстить, поймал всех богов–драконов внутренних и внешних морей силой тантр и запер их в водяном кувшине. Этим он вызвал страшную засуху, о которой мы читаем в *Кондзяку моногатари* и в *Кодзидан*; она продолжалась целых три месяца и сделала людские страдания невыносимыми. Затем Кобо Дайси доложил императору, что остался всего один дракон, бодхисаттва с рангом выше, чем у Сюбина, а именно царь–дракон Дзэннэ из пруда Анаватапта 無熱池 в Северной Индии, который не был в подчинении у Сюбина. Немедленно перед дворцом был вырыт пруд и наполнен чистой водой, после чего Кобо пригласил царя–дракона пересе-

⁶⁴⁰ К.Т.К., Vol. XVI, Ch. XIV, nr 41, pp. 812 sq.

⁶⁴¹ Здесь мы обнаруживаем Нага в форме змеи; в *Сандай дзицууроку* и *Кодзидан* бога называют драконом.

⁶⁴² 阿耨達智, переведено, как 無熱. Буддийские работы упоминают женского Нага, называвшегося 善女, Дзэннэ, «Добродетельная Женщина»; однако тот же Нага представлен, как *мужчина* с драконьим хвостом, стоящий на облаках, на картине девятого века, в Конгобу–дзи на Коя–сан (*Kokkwa*, Nr 227, Pl. I). Две другие картинки с Коя–сан, изображающие Нага, не описаны. Ср. Petrucci, *Les documents de la Mission Chavannes*, Revue de l'Universite de Bruxelles, Avril—Mai 1910, pp. 495 sq.

⁶⁴³ Гл. III, К.Т.К., Vol. XV, p. 65.

⁶⁴⁴ Ту же легенду мы находим в *Гёно сякусё*, Гл. I, К.Т.К., Vol. XIV. p. 651.

⁶⁴⁵ Гл. XII, с. 11 seqq.

литься и жить там. И вот, дракон золотого цвета, восьми *сун* в длину, появился, сидя на голове у змеи, более девяти *сяку* в длину, и вошел в пруд. Когда Кобо оповестил об этой новости, император послал человека с различными подношениями, чтобы прославить царя–дракона. Результат был прекрасный, так как вскоре по всей империи прошел дождь, длившийся три дня. С того времени школа Сингон процветала все больше и больше, а Кобо Дайси глубоко почитали и знатные, и бедные. Напрасно Сюбин возносил моления Гундари⁶⁴⁶ и Якшасам, чтобы те уничтожили его врага, ибо, как только Кобо прослышал об этом, то стал молиться Дай Итоку Мё⁶⁴⁷, и в воздухе произошло яростное сражение двух сторон. Чтобы Сюбин стал беспечен, Кобо распространил слух о своей смерти, что вызвало большое горе среди всех социальных классов, но великую радость в сердце его врага. Как Кобо и ожидал, Сюбин сломал свой алтарь и перестал молиться демонам, однако в тот же момент его поразил удар Кобо и он пал мертвым на пол. Вскоре его монастырь захирел и исчез с лица земли, а слава Тодзи крепла с каждым годом. Кобо сделал дракона из так называемого *тигая* (*imperata arundinacea*, разновидность тростника) и положил его на алтарь⁶⁴⁸. Затем он пообещал собравшимся, что упросит дракона остаться в парке и охранять страну своей силой, покуда царь–дракон из тростника не вырастет в большого дракона и не полетит в индийский пруд Анаватапта. По другому источнику, тростниковый дракон поднялся в небо и улетел в восточном направлении, однако остановился в провинции Овари, в знаменитом синтоистском храме Ацута, — счастливое предзнаменование распространения буддийского учения на восток. Кобо сказал: «Когда этот царь–дракон (т.е. настоящий) отбудет в другую страну, пруд высохнет, земля придет в запустение, а мир — в бедность. Затем мои служители (школы Сингон) должны будут молиться, чтобы царь–дракон остался и этим спасут страну».

Итак, мы знаем, что буддийские настоятели, которым разные императоры приказывали молиться о дожде, или о его прекращении, всегда принадлежали к школе Сингон.

В *Кодзидан*⁶⁴⁹ говорится о том, как в 1016 г. епископ Синкаку (深覺) молился о дожде в парке и добился великолепного успеха уже через несколько часов, хотя до этого стояла долгая и страшная засуха. Найдайдзин, один из министров, послал ему уведомление с предупреждением, что он будет осмеян всем миром в случае неудачи, но епископ отвечал, что постарается не для себя, но для всех людей. И вот, в час овцы сгустилось темное облако, разразилась сильная буря и струями полил дождь.

В *Гэмэй сэйсуйки*⁶⁵⁰ мы читаем, что в 1179 г. «Тайное учение Сутры–молений–о–дожде» практиковалось безрезультатно в Парке Священного Источника; также ничего не дали моления других влиятельных служителей, покуда наконец сокровенная мелодия, сыгранная на *бива* в храме Сумиёси не вызвала продолжительный и сильный дождь. По *Хякурэнсё*⁶⁵¹, ту же сутру читали в парке в 1215 и 1224 гг.; *Гэнко сякусё*⁶⁵² говорит, что то же имело место в 1082 г.

В *Дзоку Кодзидан*⁶⁵³ упоминает двухуровневые ворота на южной стороне парка, которые были уничтожены «Драконом Священного Источника», который во времена Фудзивара–но Санёри (899–970) вошел в них в облике прекрасного лицом мужчины. Он присел, а когда был спрошен, откуда пришел, то ответил, что живет на западе и прошел через ворота по пути в другое место. Затем он исчез и тут же небо потемнело и разразилась ужасная буря. Записи говорят, что буддийский настоятель Гэнка как раз возглашал в парке Сутру–молений–о–дожде, когда ворота были разрушены.

*Кимписё*⁶⁵⁴ говорит нам, что в случае засухи самой первой обязанностью придворных чиновников было чистить Парк Священного Источника. Затем император приказывал им отправляться в парк с некоторыми слугами, дабы разбрызгивать воду по камням у пруда (это, разумеется, являлось разновидностью симпатической магии) и громко выкрикивать следующие слова: «Пошли дождь, Морской царь—дракон!»

Очевидно, легенда о пруде Анаватапта была забыта, иначе они не называли бы его морским драконом.

⁶⁴⁶ 軍荼利, царь Якшасов.

⁶⁴⁷ 大威徳明王, идентифицируется с Ямантака, манифестацией Манджушри, как «Победителя Яма».

⁶⁴⁸ Ср. выше с китайскими драконами из глины.

⁶⁴⁹ Гл. III, К.Т.К., Vol. XV, с. 80.

⁶⁵⁰ Гл. XVIII, с. 471.

⁶⁵¹ Гл. XII, XIII, К.Т.К., Vol. XIV, pp. 195 and 1212.

⁶⁵² Гл. X, К.Т.К., Vol. XIV, p. 813.

⁶⁵³ Гл. II, *Гунсё руйдзю*, № 4876 Vol. XVII, p. 657.

⁶⁵⁴ См. выше; *Гунсё руйдзю*, Vol. XVI, nr 467, Ch. 下, p. 1073.

Таков был обычай во времена автора, но не ранее. Когда эта церемония не приносила результата, несмотря на повторение в течении семи дней, другие придворные чиновники занимали их место. Когда их труды увенчивались успехом, т.е. когда проходил дождь, они доносили об этом императору и получали в виде вознаграждения еду и одежды, после чего танцевали в дворцовом саду, или у входа во дворец. Что касается других ритуалов, то *Кимписё* упоминает моление о дожде у императорских гробниц и чтение сутр в Тайкёкудэн, строении во дворце, или в семи великих буддийских монастырях в Нара (Тодайдзи, Кофукудзи, Гэнкодзи, Дайандзи, Якусидзи, Сэйдайдзи и Хорюдзи), либо — в различных синтоистских святилищах. В буддийских храмах читалась *Сэйюкё*, т.е. *Махамегха сутра*, а в синтоистских святилищах — *Конго-ханьякё*, т.е. *Ваджра-праджняпарамита-сутра*. Иногда, например — в эпоху Ова (961–963) в Парке Святого Источника молились Великому Медведю, дабы получить дождь.

Интересную легенду рассказывают о драконе Парка Священного Источника в *Тайхэйки*⁶⁵⁵. Хотя она не имеет отношения к дождю, мы можем упомянуть здесь о ней в связи с другими историями о том же драконе. Она такова. — В 1335 г. император Годайго был приглашен Дайнагоном Сайондзи Киммунэ, одним из Фудзивара, к нему домой осмотреть новую ванну. Это приглашение было сделано с целью убить Его Величество, который, как предполагалось, наступит на подломленную доску пола и упадет вниз на острия ряда поставленных вертикально мечей. К счастью, император был спасен драконом из пруда в парке, который в ночь перед тем, как он собирался идти в роковой дом, явился ему во сне в образе женщины, одетой в красные *хакама* и накидку с изображением светлых цветов. Она сказала ему: «Перед тобой — тигры и львы, за тобой — коричневые и пятнистые медведи. Не ходи завтра». На его вопрос о том, кто она, последовал ответ, что она много лет жила в Парке Священного Источника. Затем она удалилась. Когда император проснулся, он посчитал свой сон очень странным, но, поскольку он обещал быть в доме Сайондзи, то решил сдержать свое слово. Однако, на пути туда он зашел в парк и помолится Богу-Дракону. И вдруг внезапно вода в пруду забурлила, волны яростно ударились о берег, хотя не было ни ветерка. Это настолько соответствовало его сну, что он не продолжил свой путь, но стал размышлять, как поступить, и в тот момент пришел Кимисагэ Тюнагон с предостережением о коварных намерениях Сайондзи, о которых услышал в то утро. После этого Годайго вернулся во дворец, а Сайондзи сослали в Идзумо, которого он не достиг, так как был убит по пути.

В *Кимписё*⁶⁵⁶ говорился следующее: «В 1211 г. *онъёси* (陰陽師, придворные гадатели) организовали праздник, называвшийся Горюсай (五龍祭), 'Праздник Пяти Драконов', называвшийся также 'Амагои-но мацури' (雫祭), или 'Праздник молений о дожде'». Три дня *онъёси* постились и не выходили за двери (т.е. находились в храме в парке); император, однако, [не участвовал в празднике, так как] ел рыбу и не жертвовал одежды и зеркала. Чтение сутр в 'Драконовой пещере' (龍穴, *рю-кэцу*) также были весьма успешны, как и чтения в Парке Священного Источника, или подношения Суйтэн (水天, 'Водяной Дэва', объясняемый комментатором, как 'Тэмбу-но ками', 'Божество небесного отдела'), когда несколько лиц читали эти сутры, или делали эти приношения.

Что касается «Праздника Пяти Драконов», то мы читаем в *Фусо рьякки*⁶⁵⁷, что его проводили в 904 г., на восьмой день седьмого месяца, когда стояла сильная засуха. Тогда император приказал Онъёрё (Департаменту Гаданий) праздновать его в Китаеяма, на горе рядом с Киото, в месте, называемом Дзюнигацу кокко. Поскольку руководителями этого праздника были не буддийские служители, а *онъёси*, очевидно, что отправлялся он не в честь Нага, но — китайских драконов.

Автор *Тайхэйки*⁶⁵⁸ жалуется, что в его время (около 1382 г.) парк находился в запущенном состоянии из-за войны и предполагает, что это может очень не понравиться Царю-Дракону, который, вероятно, оставил это место из-за того, что в пруду оставалось очень мало воды. Что касается Суты-молений-о-дожде, т.е. *Махамегха-сутры*, то в его время она все еще рассматривалась, как действенное средство для вызывания дождя.

Перед тем, как оставить этот предмет, мы можем заметить, что, по *Кокуси дайджитэн*⁶⁵⁹, парк неоднократно уничтожался и восстанавливался, но пруд все еще там, а на маленьком островке посреди него стоят две часовни; одна посвященная Дзэннэ, Царю-Дракону, а другая — Бэнтэн. Итак, этот дра-

⁶⁵⁵ Ср. XIII, cc. 5 seq.

⁶⁵⁶ L.I., Ch. F, p. 1072.

⁶⁵⁷ Гл. XXIII, К.Т.К., Vol. VI, p. 669.

⁶⁵⁸ Гл. XII, с. 13а.

⁶⁵⁹ С. 1338 s.v. Синсэнъэн.

кон, идентифицируемый с индийскими Нагами, посылал в Японии дождь на протяжении одиннадцати столетий!

§ 5. «Пещера Дракона» на горе Муробу.

Об упоминавшейся выше Пещере–дракона (*рю—кэцу*, 龍穴), где читали сутры для вызывания дождя, говорится в *Кодзидан*⁶⁶⁰, где приводятся следующие детали.

Пещера дракона на горе Муробу в провинции Ямато являлось прибежищем Царя–Дракона Дзэн-тацу (善達, Судатта? Сударчана?⁶⁶¹), который жил сперва в пруду Сарусава в Нара. В старые времена, когда в этом пруду утопилась куртизанка, Царь–Дракон улетел на гору Касуга, где жил до тех пор, пока в его пруд не бросили труп человека низкого происхождения. Он вновь улетел и остановился на горе Муробу, где буддийский настоятель Кэнкэй жил суровой аскетической жизнью. Другой служитель по имени Ниттай, который на протяжении многих лет лелеял надежду увидеть и поклониться священному образу Царя–Дракона, в поисках его вошел в пещеру. У входа стояла крошечная тьма, однако, продвинувшись вглубь, он подошел к величественному дворцу под голубым небом. Через щель в оконных шторах (*сударэ*), сделанных из жемчужин, колыхавшихся на ветру, он увидел часть *Хоккэжэ*, «Садхарма—пундарика сутры», лежавшей на столе из драгоценных камней. Затем он услышал голос, спрашивающий, кто он такой, и, когда назвал свое имя и причину своего проникновения в пещеру, Царь–Дракон (ибо невидимым говорившим был именно он) сказал: «Здесь ты не сможешь увидеть меня. Оставь эту пещеру, и ты встретишь меня на расстоянии около 3 *тё* от входа». И вот, Ниттай вышел из пещеры и действительно встретил Царя–Дракона, который поднялся из земли, одетый в халат и шапку, и исчез после того, как монах поклонился ему. Последний построил на том месте синтоистское святилище и воздвиг изображение Царя–Дракона, которое все еще находилось там во времена написания труда (начало XIII в.). Сутры читались в этом святилище, когда люди молились о дожде; а, когда Царь–Дракон благосклонно внимал этим молениям, над пещерой нависало темное облако. Это облако распространялось по всему небу, и начинался дождь.

Так рассказывается в *Кодзидан*; нам немедленно бросается в глаза, что буддийский монах воздвиг синтоистское святилище в честь Нага. Легенда, очевидно, была изобретена буддистами, дабы обратить эту пещеру дракона, вероятно, служившую местом пребывания одного из горных драконов древней Японии, упоминавшихся выше, в буддийское святилище. Они обратили древний синтоистский культ в церемонию поклонения Нагам, однако не стали заходить слишком далеко и не заменили синтоистский храм буддийским. Рюкэцу–дзиндзя, «Синтоистский храм Пещеры Дракона» был позже назван Рю–о–ся, или Храмом Царя–Дракона; он славился способностью обитавшего там дракона насыщать дождь⁶⁶².

Того же дракона называют Дзэннэ (善女, «Хорошая Женщина», ср. *Дзэннэ*, 善如, в Парке Священного Источника, идентифицировавшимся с Анаватапта), вместо *Дзэнтацу*, в *Гэнко сякусэ*⁶⁶³, где говорится, что буддийский монах Ринга, 琳賀 умерший в 1150 г., был столь могуществен, что, когда он молился о дожде, появлялся Дзэннэ, Царь–Дракон. В той же работе рассказывается, как буддийский монах Кэйэн⁶⁶⁴ прожил тысячу дней отшельником рядом с пещерой дракона на горе Муробу. На пути оттуда в другое место он пересекал по мосту реку, как вдруг появилась женщина благородного облика, прекрасно одетая, и, не открывая своего лица, вежливо попросила его дать ей *мудра* (магическую фигуру из сложенных определенным образом пальцев), с помощью которой немедленно становишься Буддой. На его вопрос — кто она, та отвечала: «Я — дракон Дзэннэ». Тогда он научил ее *мудра*, после чего она сказала: «Это та же самая *мудра*, что была у семи прошлых будд»; когда же монах попросил ее показать свое лицо, она ответила: «Мой образ столь ужасен, что ни один человек не сможет взглянуть на него. Однако, я не могу отказать твоему желанию». После этого она поднялась в воздух и выставила

⁶⁶⁰ Ch. V, K.T.K., Vol. XV, p. 119.

⁶⁶¹ Д-р Нандзэ любезно указал мне, что 善達 может быть Судатта, однако Дракона–Царя с таким именем нет; однако, Сударчана приводится в списке Нага–раджа.

⁶⁶² Ср. Есида Того, «Географический Лексикон», т. I, с. 286, s.v.

⁶⁶³ Гл. XI, K.T.K., Vol. XIV, с. 828.

⁶⁶⁴ 慶圓, 1143—1223.

вперед мизинец правой руки. Он оказался на самом деле когтем более десяти *сяку* в длину, испускавшим пятицветный свет. Затем она немедленно исчезла⁶⁶⁵.

Говорили, что дракон с тем же именем (Дзэннэ) жил в Дзэннэ рю-о ти, 善女龍王池 или «Пруды Царя-Дракона Дзэннэ» рядом с «Часовней тридцати охранительных божеств»⁶⁶⁶ на вершине горы в провинции Кавати, районе Исикава, под названием Томё-дакэ, или «Вершина-фонарь», названной так из-за драконьего фонаря, который видели там⁶⁶⁷, и в озере на горе Васио в той же провинции, районе Кавати (теперь — Нака-Кавати) рядом с синтоистским храмом. В обоих местах ему молились о ниспослании дождя с немалым успехом⁶⁶⁸.

§ 6. Возрождение в виде дракона, посылающего дождь.

В *Кодзидан*⁶⁶⁹ мы читаем о настоятеле Гонкю из Кадзан, которому явился священный дракон среди густого облака, вместе с монахом Сёкю 性救 из Западной пагоды⁶⁷⁰ на Хиэйдзан. Этот дракон был «истинным обликом» Гобё (御廟) Дайси, т.е. настоятеля Дзиэ⁶⁷¹, которого Гонкю всегда хотел увидеть и молился об этом. Когда он спросил, отчего монах предстал в обществе дракона, то ему сообщили, что Сёкю станет родственником этого божества (т.е. дракона). Как только Гонкю проснулся, он послал человека в монастырь Сайто справиться о здоровье Сёкю. Услышав, что монах болеет уже более десяти дней, он навестил его и рассказал о своем сне. Сёкю пролил слезы радости, ибо теперь он был уверен, что его моления о том, чтобы стать родственником Гобё Дайси были услышаны. После смерти он был похоронен рядом с гробницей последнего. Во время засухи там читали *Дайханья кё*, т.е. *Махан-радженяпарамита сутру*, чтобы отвратить бедствие, как вдруг маленькая змейка появилась на каменном полу гробницы, медленно завернула за могилу Сёкю и вошла в нее. Из могилы к небу поднялось небольшое облачко, которое, понемногу расширяясь, заполнило весь воздух и стало огромным; затем разразилась буря, и на изголодавшуюся землю пролился дождь.

Немного далее⁶⁷² мы читаем, что Дзиэ, в бытность настоятелем (*дзасу*, 座主) Хиэйдзан, предстал в чьем-то сне трансформацией Утпала, одного из восьми Великих Царей-Драконов.

§ 7. Буддийские монахи, овладевающие драконами.

В *Кодзидан*⁶⁷³ упоминается замечательный ответ, данный настоятелем Дзэкаем 定海 императору, когда последний высказал свое восхищение силой монаха, потому что после двухдневных молитв Дзэкаю несколько часов шел сильный дождь. «Ваше Величество, — сказал он, — это не мой дождь, и я не могу принять за него никакой награды. Однако, мой дождь придет завтра с северо-запада. Тогда вы можете меня наградить». И действительно, на следующий день с северо-востока пришли тучи, и дождь шел три дня.

Мастером вызывания и управления драконами был также буддийский монах Дзёкан, 靜觀 который в эру Энги (901–922) спас страну от страшной засухи, побудив драконов двигаться среди грома и дождя⁶⁷⁴. Тот же монах победил ядовитого дракона на Хиэйдзан. На этой горе была скала в форме открытой драконьей пасти, и монахи, жившие неподалеку в Сайто, 西塔 и в особенности в монастыре Сэндзю-ин, 千手院 все вскоре умерли. Наконец, обнаружили, что причиной их смерти была скала, и с тех пор ее называли «Ядовитой Драконьей Скалой»⁶⁷⁵. Больше никто там не жил, и Сайто и Сэндзю-ин

⁶⁶⁵ *Гэнко сякусё*, Гл. XII, с. 840.

⁶⁶⁶ *Сандзю бансин до*, 三十番神堂

⁶⁶⁷ *Юхо мэйсё ряку*, 遊方名所略, написано в 1697 г. Рю-эй, 了榮; Гл. IV, с. 59.

⁶⁶⁸ Там же, Гл. IV, с. 51.

⁶⁶⁹ Гл. III, сс. 69 sq.

⁶⁷⁰ Сайто, 西塔

⁶⁷¹ 慈慧大師, Дзиэ Дайси, знаменитый монах школы Тэндай, живший 912–985 гг. и ставший главным настоятелем Хиэйдзан в 966 г.

⁶⁷² Гл. III, с. 70.

⁶⁷³ Гл. III, с. 83.

⁶⁷⁴ *Удзи сюи моногатари*, Гл. II, К.Т.К., Vol. XII, pp. 31 seq.

⁶⁷⁵ *Докурю-но ива*, 毒龍ノ岩

были заброшены и пришли в упадок. Затем на это место пришел Дзёкан и молился семь дней и семь ночей перед скалой. В последнюю ночь небо покрылось тучами, в воздухе произошло сильное движение, и вся Хиэйдзан покрылась облаками. Однако, через некоторое время они разошлись и вот! скала исчезла, а на ее месте осталась лишь кучка мусора. После этого в Сайто жить стало безопасно, а имя Дзёкана оставалось в благодарной памяти монахов с горы еще во времена автора. Очевидно, ядовитый дракон оставил то место из-за молений, которые во времена засухи были столь сильны, что возмущали драконов и облака⁶⁷⁶.

По *Фусо рякки*,⁶⁷⁷ на 21-й день второго месяца 1065 г. монахи с Хиэйдзан собрались в киотоском храме Камо, где молились о дожде и читали сутру *Нинно*. Затем появилась маленькая змейка и выплнула небольшое количество дыма перед святилищем, после чего прошел небольшой дождь.

В *Гэмэй сэйсуйки*⁶⁷⁸ рассказывается, что в 1174 г. стояла такая сильная засуха, что реки пересохла, а поля невозможно было возделывать. Тогда монах с Хиэйдзан по имени Тёкэн, 澄憲 имевший ранг *гонсёсодзу*, 伴少僧都 дабы помочь крестьянам, написал письмо богам-драконам и прочел его вслух, глядя в небо. В этом письме он упрекал драконов, убеждая послать дождь. Небожители (боги) и божества-драконы, писал он, не должны стыдиться, исправляя свои упущения, и поэтому им, драконам, следует послать «сладкий дождь» (甘雨), дабы положить конец этой страшной засухе. Драконы прислушались к этим словам и послали продолжительный дождь, так что и император, и народ исполнились глубоким уважением к силе Тёкэна, а также почтением к буддийскому учению.

§ 8. Женщины-драконы в прудах.

В *Сансю кидан*⁶⁷⁹ содержатся следующие легенды. В окрестностях семи прудов в горах Энума, в районе провинции Кага, происходило много странных вещей. Были люди, слышавшие там голоса нескольких сотен человек среди ночи, и видевших, как эти люди зажигают факелы над прудами. Рыболовы видели, как вода начинала подниматься безо всякой на то причины, и, чем дальше они отступали, тем выше поднималась вода, покуда они наконец не прекращали рыбалку и не бежали домой так быстро, как только несли их ноги. Оглянувшись с расстояния в один, или два *тё* от прудов, они видели серебряного дракона (銀龍) в образе мальчика (*гинрю-но варабэгата*, 童形), появлявшегося над водой. Между этими прудами была дорога, где иногда возникало огромное лицо; в одну из ночей казалось, что там дерутся несколько мужчин.

В засушливые времена люди поклонялись этим прудам и рядом с ними молились о дожде. Однажды жители близлежащего монастыря обнаружили там маленькую девочку. Они взяли ее домой и воспитали, но через двенадцать лет она начала постоянно говорить о своем желании совершить паломничество в Исэ, и хотя ей отвечали, что это против законов Империи (поскольку она была женщиной), она продолжала говорить об этом. Наконец ее приемные родители сдались, в тайне наняли переносную повозку и позволили ей посетить Исэ. Она отправилась с удовольствием, но, подойдя к озеру, сказала: «Это, должно быть, мое озеро, отнесите меня на берег», и, когда носильщики так и сделали, она поправила свои одежды и сказала: «Я хорошо знакома с этими местами; вы можете идти домой». Затем, в своих прекрасных одеяниях, она прыгнула в воду и исчезла в глубине. Она была красивой девушкой, но с удлинненным лицом (признак чего-то неестественного⁶⁸⁰). Хотя автор об этом не говорит, очевидно, то был дракон-женщина, временно обратившийся девушкой.

Другой дракон-женщина жил в так называемом Веревочном пруду (*нава га икэ*, 繩方池) в провинции Эттю. Это был пруд в горах диаметром около двух *ри*. Сильные бури и дожди часто разражались в его окрестностях, когда повсюду стояла хорошая погода. Вплоть до времен автора дракон-

⁶⁷⁶ *Удзи сюи моногатари*, 1.1.

⁶⁷⁷ Гл. XXIX, К.Т.К., Vol. VI, p. 807.

⁶⁷⁸ Гл. III, *Тэйкоку Бунко*, Vol. V., 69.

⁶⁷⁹ Гл. I, *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XLVII, с. 671.

⁶⁸⁰ У женщин-колдуний лица, как считается, часто бывают вытянутыми. См. *Сансю кидан*, Гл. I, с. 673, где гигантская женщина с огромным лицом считается лисицей, или *тануки*; в любом случае — духом (精) некоего старо-го существа.

женщина проживал в пруду, который из-за этого никогда не высыхал; его современники приписывали ему большое влияние на погоду⁶⁸¹.

О схожем пруде говорится в *Сансю кидан кохэн*⁶⁸². Считалось, что там живет злая змея (*акудзя*, 悪蛇), творящая странные вещи. Когда кто-то стоял на берегу пруда и смотрел в воду, начинал дуть такой сильный ветер, что человек этот спешил домой. Если там молились о дожде, то слова эти обычно бывали услышаны. Автор не был уверен, была ли ужасно выглядевшая женщина, которая как-то ночью явилась на соседнем мосту человеку, возвращающемуся с праздника в легком подпитии, змеей из пруда, или оборотнем *тануки-ветра*⁶⁸³. Она стояла на балюстраде моста, взбивая вверх свои волосы и громко смеясь широко открытым ртом, показывая свои черные зубы. Ее злобное лицо было квадратным и очень уродливым; казалось, что у нее всего одна нога. Когда люди приблизились к ней с факелами, она убежала прочь. В другой раз она напала на человека, который также пригубил добрую чашу сакэ и возвращался домой среди ночи. Она стащила его с дороги в траву, а затем исчезла, однако бедняга был болен целый месяц. Поскольку вода из этого пруда протекала у деревни и под мостом, возможно, говорит Хотта, что женщина являлась змеей из пруда, хотя ее тело, с которым она так ловко управлялась, мгновенно исчезая, не напоминает змею-дракона (龍蛇) (который всегда пользуется облаком, как средством передвижения). Название пруда *Сиросюто* (白醜人)—*но икэ*, или «Пруд Белого Безобразного Человека», вероятно было связано с превращением змеи в уродливую женщину.

§ 9. Раздражение драконов путем бросания в их пруды железа, или мусора.

Если в «Веревочный пруд», упоминавшийся в § 8, бросали железную утварь, землю внезапно окутывала тьма, и вихрь разметывал рисовые поля. По этой причине крестьяне строго запрещали посторонним приближаться к пруду без достаточной на то причины. Рассказывали, как жадные торговцы, покупавшие рис, бросали в пруд металлическую стружку, чтобы вызвать бурю и дождь, которые бы уничтожили урожай и заставили взлететь цены на рис⁶⁸⁴. Этот способ раздражения драконов с помощью железа, которое они очень не любили, был заимствован из Китая, как мы видели выше⁶⁸⁵; его практиковали также у «Пруда Уродливой Женщины», упоминаемого в *Сансю кидан кохэн* (выше, § 8), когда в течение одного дня после того, как некто бросил металлическую стружку в пруд, действительно поднялась сильная буря, и струями полил дождь.

Мы можем сравнить это с отрывком из *Мацуноя хикки*⁶⁸⁶, где читаем, что жители (района) Цукуи-агата, провинции Сагами, часто бросали лошадиный навоз, старые сандалии и прочий мусор в соседний пруд Тояма, когда стояла засуха. Сделав это, они немедленно убегали из страха перед рассерженным драконом, который тут же поднимался, вызывая ужасную бурю и сильный дождь. Как мы писали выше, идея вызывания дождя с помощью приведения дракона в ярость — чисто китайская.

Именно пруд, населенный драконом, или змеей, мы находим упомянутым на с. 653 *Сансю кидан* (Гл. I). Летом, когда люди ждали дождя, они приходили к нему, резали на куски макрель и бросали это в горный пруд, одновременно молясь о дожде. Такое моление всегда бывало услышано, и дождь начинался немедленно. Это представляется подношением дракону, однако может быть еще одним способом его раздражения путем плохого обращения с одним из его подчиненных — рыбой — у него на глазах.

§ 10. Дракон, выгравированный на сосуде для благовоний, считался дарователем дождя. Сосны побуждали облака сгущаться и вызывали дождь.

⁶⁸¹ Там же, Гл. V, с. 839.

⁶⁸² Гл. V, с. 952.

⁶⁸³ 風狸, *кадзэ-дануки*, см. мою работу “The Fox and Badger in Japanese Folklore”, *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. XXXVI, Part III, p. 103.

⁶⁸⁴ *Сансю кидан*, Гл. V, с. 839.

⁶⁸⁵ Кн. I, Гл. V, § 3.

⁶⁸⁶ Гл. 109, с. 23 (новое печатное издание, Т. 7 III, с. 411).

Дракон был так тесно соотнесен с дождем, что даже сосуд для благовоний, декорированный «облачным драконом», *унрю* (雲龍), считался причиной того, что в день праздника Инари всегда шел дождь. Этот сосуд сохранялся среди драгоценных объектов в храме, посвященном Рисовой богине, однако прятался, когда возникало подозрение, что в день Инари он может вызвать ненужный дождь⁶⁸⁷. Однако, дело было не в этом, так как дождь шел как до этой меры, так и после ее принятия. Как только наступил день, назначенный для детских танцев во славу Инари. В дни почитания Санно, Сува и Тада Хатиман погода была хорошей, однако праздник Инари постоянно портил дождь. Наконец, причина этому была выяснена. Доски сцены, на которой исполнялись танцы, были сделаны из дерева некой священной сосны, принадлежавшей соседнему синтоистскому храму, но проданной жителями деревни во время денежных затруднений. Человек, купивший эти деревья, положил их рядом с храмом Инари и, поскольку древесина была очень крепкой, ее использовали для постройки сцены для священных танцев в этом храме. Теперь люди вспомнили, что каждый раз, когда пользовались этой древесиной (такие сцены бывали лишь временными, после праздника их разбирали), и над помостом светило солнце, вскоре начинал накрапывать дождь. По этой причине в деревню, откуда была взята древесина, был послан гонец, чтобы разузнать поподробнее о деревьях. Он вернулся с известием, что два дровосека, срубившие их, умерли через несколько дней в невменяемом состоянии, как будто ими вдруг овладел злой дух. Это подтвердило людские подозрения о том, что именно сосна была причиной дождя в день праздника Инари; поэтому древесину сняли и положили у зала молений (вместо того, чтобы построить из нее подмости). Они сказали: «Мы слышали, что в Китае во времена правления императора Хуан Ди династии Цинь (246–210 до н.э.) сосна внезапно стала огромным деревом и не давала идти дождю. Как же теперь эти сосны вызывают дождь? Говорят, что эти сосны, будучи покрыты чешуйчатой корой, обращаются драконами, когда стареют. Вероятно, в этом причина того, что они обладают чудесной силой собирать облака и вызывать дождь». Так говорили люди, и все они дивились волшебному воздействию сосновых деревьев⁶⁸⁸.

§ 11. Восемь Царей–Драконов.

Синтоистский (!) храм, посвященный восьми Царям–Драконам, упоминается в *Сэки-но акикадзэ*⁶⁸⁹. Автор этой работы сам молился там о дожде, и его слова были услышаны. Затем он приказал жителям деревни починить храм. После, когда хляби небесные отверзлись и не закрывались слишком долго, он вновь удачно помолился дракону, — на этот раз о прекращении дождя.

§ 12. Самоубийство буддийского дракона.

В *Нихон сюкё фудзокуси*⁶⁹⁰ приводится старая запись, объясняющая названия трех буддийских храмов в провинции Симоса. В 730 г., когда настоятель Сяку-мё по приказу императора молился о ниспослании дождя, он добился замечательного успеха, и в то же время в воздухе появился дракон, разрезавший свое тело на три части и умерший. Средняя часть упала в районе Имба, где храм назвали Рюфукудзи, 龍腹寺, или «Храм Живота Дракона». Хвост упал в районе Катори (также в Симоса), и в его честь был воздвигнут храм Рюбидзи (龍尾寺, «Храм Драконьего Хвоста»), а голова опустилась в месте, где вышеуказанных монах молился, и где теперь стоит храм Рюакаудзи, 龍角寺, или «Храм Драконьего Рога» (в деревне Сакаи, района Симохабу) и напоминает верующим о древних драконах.

Подобная же легенда содержится в *Юхо мэйсё ряку*⁶⁹¹, где цитируется *Сясэкисю*. Синий дракон, услышав, как монах излагает учение Будды, столь расчувствовался, что его тело разделилось на три час-

⁶⁸⁷ Ср. выше, где мы читали о старом зеркале с рукояткой в форме дракона, использовавшемся в Китае в виде магического инструмента для побуждения драконов даровать дождь.

⁶⁸⁸ *Сансю кидан*, Гл. II, с. 712.

⁶⁸⁹ 関ノ秋風, написано Сиракава Ракуо, 白川楽翁, «Веселым стариком из Сиракава» (т.е. Мацудайра Саданобу, 松平定信, жившим 1756–1829 гг.); *Хякка сэцуриин*, т. 正上, с. 977.

⁶⁹⁰ 日本宗教風俗志, написано в 1902 г. Като Кумаитиро, 加藤熊一郎, с. 247.

⁶⁹¹ Гл. III, с. 54.

ти. Там, где упала голова, построили храм Рютодзи, «Храм Драконьей Головы» (рядом с Нара); в другом месте в Нара, куда упал драконий хвост, был воздвигнут Рюбидзи; его туловище дало название Рюфукудзи, также в старой столице, — единственному из трех храмов, все еще существовавшему во времена Мудзю (т.е. в начале XIV в.).

§ 13. Выводы.

Отрывки, приводившиеся в этой главе, ясно показывают нам, что с древних времен в Японии существовало три способа вызывания, или прекращения дождя. Самым старым, вероятно — исходно японским — хотя, в то же время, и китайским — способом было принесение в жертву белых, черных, или красных лошадей речным богам в облике драконов (красных лошадей — только для прекращения дождя). Затем следует китайский обычай моления императора четырем областям Вселенной, а также совершенно китайская идея причинения драконам беспокойства большим шумом (что было предпринято придворными чиновниками в 877 г. у пруда в Парке Священного сточника). Та же мысль обнаруживается в обычае, превалировавшем в гораздо более поздние времена, а именно — бросание в пруды, где обитали драконы, железных предметов. Змея, а, следовательно, и дракон, относящийся, как считалось, к тому же классу, сильно ненавидит и боится железа, и многих могучих змеев убивали, или прогоняли с помощью единой иголки. Таким образом, когда в пруд, населенный драконом, бросали железо, это божество дождя неминуемо сердилось и поднималось к небу из своего прибежища, которое немедленно заволакивалось облаками. Затем дракон давал выход своей ярости в виде ужасной бури, сопровождавшейся сильными ливнями, и цель лица, бросавшего железную утварь, или стружки в пруд, была достигнута.

Третий способ вызывания дождя, т.е. буддийский способ, взял свое начало у противоположной точки зрения. Вместо того, чтобы побуждать драконов подниматься, раздражая их, буддийские монахи читали сутры, производившие такое впечатление на преданные Учению умы Нагов, что те немедленно помогали людям и освобождали их от тяжелых страданий, причиняемых долгой засухой. Иногда читалась сутра о птицах Гаруда, смертельных врагах Нагов, которых те очень боялись, вероятно, чтобы последние почувствовали себя зависимыми от могущественной защиты Будды. По мере все более широкого распространения буддизма, этот тип молений о дожде стал превалирующим в Японии. Однако, в XVIII в., похоже, стали возрождаться китайские методы раздражения драконов. Сегодня, когда в седьмом и восьмом месяцах в основном стоят продолжительные засухи, и крестьяне с ожиданием смотрят в небо, боясь, что урожай может пропасть, они часто ходят процессиями, стуча в барабаны и поднимая большой шум, точно так же, как делали придворные в 877 г. Настолько укоренились китайские идеи в сознании людей.

ГЛАВА IV.

ИНДИЙСКИЕ НАГИ В ЯПОНИИ.

Как мы видели выше⁶⁹², легенды об индийских Нагах уже во времена *Нихонги*, т.е. в начале VIII в. следили для украшения старинных сказаний о японских морских богах. Величественный дворец Оо-ватацуми-но Микото на дне моря и «Драгоценность, исполняющая все желания» императрицы Дзинго не оставляют сомнений в их индийском происхождении. Неудивительно, что чем шире в Японии распространялось буддийское учение, тем более исходно японские морские и речные божества уступали индийским завоевателям; поэтому большинство драконов, упоминаемых в поздних работах, являются Нагами. В Главе III мы видели, что моления о дожде, сперва возносившиеся исключительно к синтоистским божествам, в особенности — речным в облике драконов, с IX в. начинают адресоваться и к Нагам. Во времена засух императоры все чаще прибегали к услугам буддийских монахов, видя в них самых могущественных охранителей страны, и большие толпы монахов школы Сингон читали свои сутры во дворце, а также у пруда дракона в Парке Священного Источника, дабы побудить Нагов послать всей стране дождь.

Что касается легенд, приводимых в этой Главе, то многие из них, хотя и относятся к Нагам, имеют притом китайские черты. Это вполне ясно, поскольку именно через Китай индийские сказания пришли в Японию. Более того, многие исходно японские драконы, к которым прилагались китайские легенды, позже идентифицировались с Нагами, в результате чего образовалось смешение идей.

§ 1. Цари-Драконы почитают буддийское учение.

*Сандай дзицуроку*⁶⁹³ (901) цитирует письменное моление Повелителя Харима, Сугавара-но Корэси (812–880) к Великому Будде из Нага (в 861 г.), где мы читаем такие слова: «Ты даешь движение Тьме и Свету; Цари-Драконы отступают в глубины водных областей, а по всему небу появляются звезды (т.е. от воздействия твоего учения)». В том же молении мы обнаруживаем хорошо известный термин *рюдзин хатибу*, 龍神八部, «Драконы, Духи, (или божества-Драконы) и (прочие существа) восьми отделений», — вариант *тэнрю хатибу*, 天龍八部, или *рютэн хатибу*, 龍天八部.

*Сясэкисю*⁶⁹⁴ (до 1312 г.) упоминает сутру, озаглавленную *Синтикан-кё* 心地觀經, где мы читаем: «Если некто оденет хотя бы одно священное буддийское одеяние, он сможет пересечь море нетронутым ядовитыми драконами». Столь велико было почтение даже этих опасных созданий к Будде и его приверженцам.

§ 2. Драконы появляются при освящении буддийских храмов.

В *Фусо рьякки*⁶⁹⁵ (ок. 1150 г.) говорится, что в 596 г., когда в Нара освящался буддийский храм Хокдзи 法興寺, с неба спустилось пурпурное облако и закрыло пагоду и павильон Будды; затем облако стало пятицветным и приняло форму дракона, или феникса, либо — человека, либо — животного. Через некоторое время оно исчезло в западном направлении.

Гораздо более поздняя работа, *Юхо мэйсё рьяку*⁶⁹⁶ (1697 г.) содержит легенду о буддийском храме под названием Унрюдзан, «Храм Облачного Дракона», в районе Фува провинции Мино. Когда настоя-

⁶⁹² Книга I, Гл. I, §§ 5, 6.

⁶⁹³ Гл. V, с. 82. В другом тексте вместо 深 дается 琛; в этом случае смысл таков: «Цари-Драконы перемещают драгоценные камни из морских областей».

⁶⁹⁴ Гл. VI, 上, с. 17.

⁶⁹⁵ Гл. III, К.Т.К., Vol. VI, p. 497.

⁶⁹⁶ Гл. VI, с. 47.

тель Рюсю 龍湫, живший в 1307–1388 гг., воздвигал это святилище, в день начала работ появился дракон с жемчужиной во рту, — очень добрый признак. По этой причине он назвал гору Рюсюхо, «Вершина драконовой жемчужины» (龍珠峯). Когда строительство завершилось, с небес пролился дождь из цветов.

§ 3. Драконы, живущие в прудах, или озерах, в основном — рядом с буддийскими храмами.

В истории Ситэнно-дзи, «Монастыря Четырех Царей-Дэва», буддийского монастыря, построенного Сётоку Тайси в Намба (совр. Осака), мы читаем, что в одном из строений комплекса этого монастыря, называвшегося Кэйдэн-ин, был глубокий пруд, называвшийся Корёти, в котором, как предполагалось, жил синий дракон⁶⁹⁷.

На расстоянии 36 *тё* от храма Хакусан Гонгэн, «Проявление Горы Хакусан» (буддийское название старинного синтоистского божества этой горы, расположенной на границе провинций Мино, Хида, Этидзэн и Кага) был, как сказано в *Кодзидан*⁶⁹⁸, (1210–1220) священный пруд под названием Микурия-но икэ, или «Пруд Кухни Его Величества». Говорили, что там собираются все Цари-Драконы для приготовления себе пищи (供養, *күё*, жертвенная пища). Человеческие существа не могли к нему приблизиться, так как, как только они задумывали это, разражалась ужасная буря, в которой посягатели гибли. Однако, два святых человека помолвились Хакусан Гонгэн, чтобы тот позволил им зачерпнуть немного воды из своего пруда. Другой монах, услышавший это, тридцать семь дней оставался в храме, непрерывно повторяя ту же молитву. Затем он пошел на берег пруда и с полнотой искренности отправил *күё-хо*, «способ подношения пищи». Небо оставалось ясным, не было ни грома, ни дождя, которые бы прогнали его. Однако, как только он зачерпнул в кувшин немного воды, его рассудок помутился, и он почувствовал, что умирает. Однако, он смог вернуться домой, собравшись с мыслями. Больные, кто пил эту воду, или растирался ею, непременно выздоравливали силой буддийского учения.

В *Удзи Сюи моногатари*⁶⁹⁹ (1213–1218) содержится история о молодом буддийском монахе, жившем в период Нара (719–784) и однажды пошутившем следующим грубоватым образом. На берегу пруда Сарусава (рядом с храмом Кофуку) он установил плакат, надпись на котором объявляла, что в определенный день и час дракон поднимется из пруда. Все проходившие мимо верили этому, и в указанный день из провинций Ямато, Кавати, Идзуми и Сэтцу собралась громадная толпа людей, желавших увидеть чудо. Сам монах, стоявший у ворот храма Кофуку, сильно развеселился, видя, каким успехом увенчалась его шутка, и смеялся в рукав, глядя на толпу, находившуюся в состоянии жадного ожидания. Когда опустился вечер, и никакого дракона так и не появилось, все разошлись по домам, сильно разочарованные.

*Гэмэй сэйсуйки*⁷⁰⁰ (ок. 1250) рассказывает нам, как в 717 г. дзэнский монах Синью был приглашен неизвестной богиней, говорившей, что она всегда охраняла императора и других людей, взойти на вершину горы Хакусан, чтобы поклониться там ее «истинному облику». Когда он пришел туда и помолвился у пруда на горе, одновременно совершая возгласия (*кадзи*) и делая три священные *мудра* (магические фигуры из пальцев), из середины пруда появился огромный девятиглавый дракон в форме змеи. Монах, однако, заявил, что это — не настоящий образ божества, и усилил воздействие своих мантр (магических формул), покуда наконец то не обрело вид божественной одиннадцатиликой Каннон.

Сопоставив эту легенду с вышеупомянутым отрывком из *Кодзидан*, мы можем легко предположить, что священный пруд на горе Хакусан с древних времен являлся прибежищем исходно японского дракона, который дал начало различным буддийским легендам о драконах в отношении этого пруда.

В *Гэнко сякусё*⁷⁰¹ (до 1346 г.) мы читаем, как за день до прибытия монаха Дзицухана 實範 в Дайгодзи (в Киото), Гэнкаку 嚴寛, настоятель этого монастыря, увидел во сне синего дракона, вылетающего из пруда в саду, поднимающего голову и выплевывающего изо рта чистую воду. Поняв значение это-

⁶⁹⁷ *Фусо рьяки*, Гл. III, с. 495.

⁶⁹⁸ Гл. V, К.Т.К., Vol. XV, p. 119.

⁶⁹⁹ Гл. XI, К.Т.К., Vol. XVII, p. 225.

⁷⁰⁰ Гл. XXXIX, с. 742.

⁷⁰¹ Гл. XIII, с. 853.

го сна, настоятель на следующее утро приказал послушникам чисто убраться в монастыре, чтобы достойно встретить достопочтенного ученика, который, действительно, скоро прибыл.

В гораздо более поздней работе, *Сансю кидан кохэн*⁷⁰² (1779) мы находим следующие подробности истории о старой женщине, которая излечивала все виды болезней. Считалось, что в нее вселилось божество из соседнего пруда, — речная выдра (*кава-осо*, 水獺), или змея-дракон. Это была странная, бедная, старая женщина, которая ела лишь вареную муку и отказывалась принимать деньги от своих пациентов. Ее слава была столь велика, что сотни людей приходили к ней сблизы и издалека, чтобы получить какое-либо снадобье. Это были необычные лекарства, поскольку в реальности ничего собой не представляли. После того, как пациент рассказывал ей о своих бедах, она удалялась внутрь, клала на голову грубую циновку и, немного посидев в сосредоточении, выходила из дома и давала воображаемое лекарство больному, говоря: «Вот тебе средство на семь дней. Если поверишь в меня и подумаешь, что действительно проглотил лекарство, оно непременно поможет. Если через семь дней не будет результата, приходи снова». Если человек следовал ее советам, он неизменно выздоравливал. Неудивительно, что больные собирались со всех концов страны. Поскольку она была занята с утра и до ночи, то раздавала талисманы, на которых было написано «Наму Амида Буцу», или что-либо в том же роде, и приложена ее печать, вместо того, чтобы следовать дольшей процедуре, которую она применяла вначале. Если кто-то пытался обмануть ее, она узнавала об этом немедленно. Это было столь поразительное создание, что некоторые предлагали купить ее (у деревенских жителей?) за семьсот *рё* и отвезти в столицу, но власти воспрепятствовали этому. Странная пища, которую она употребляла, возбудила подозрения, не одержима ли она *тануки*, в особенности из-за того, что ела она, почти полностью опустив лицо в миску. Другие считали ее матерью Хо-гуня (鮑君, Повелитель Соленая Рыба[?]), или женой «Великого Царя в соломенных сандалиях»⁷⁰³, т.е. одним из Нинно. Однако врач той местности придерживался иного мнения. Он сказал Хотта, автору *Сансю кидан кохэн*: «Этой старухе помогает какой-то водный демон. Я часто слышал от деревенских, что она 'очищает себя'⁷⁰⁴, как она это называет, дважды в день, входя в пруд и несколько раз ныряя под воду, так что не видно даже ее головы. Поговорив с несколькими пациентами, она омывала себе голову колодезной водой; если же ее голова не влажна, она не может видеть больного. Это создание, несомненно, связано с колодезем, — будь то речная выдра, или змея-дракон. Тридцать, или сорок лет назад, когда ее муж был еще жив, в одну из зим пришла буддийская монахиня и поселилась в их доме; она стирала и ухаживала не только за собой, но и за другими. После она останавливалась там каждый месяц на три-четыре дня, а затем уходила домой. Наконец мужчина, предупрежденный соседом, проследил за ней с верхнего этажа жилища своего приятеля, когда она выходила из его дома. Отойдя на некоторое расстояние в человеческом облике, она обратилась полосой белого пара (白氣), влетела в пруд и исчезла под водой. Мужчина, чрезвычайно напуганный этим, пошел в близлежащий буддийский храм и попросил настоятеля читать о нем молитвы. Более того, он наклеил на стены своего дома священные буддийские тексты и заклинания, чтобы отвратить зло. Этого оказалось достаточно, так как монахиня больше не появлялась ни разу. Однако, через пару лет мужчина умер, и теперь, более, чем через тридцать лет, вновь в том же доме стали происходить странные вещи. Вероятно, старухой овладел Хозяин (主, *нуси*) пруда». Так говорил врач, безусловно, завидовавший ее лекарской славе, но, одновременно, выражавший народные предрассудки того времени. Термин «змея-дракон», похоже, указывает на Нага, — змея, идентифицировавшегося с драконом; более того, буддизм в этой истории играет важную роль.

До Реставрации [Мэйдзи] так называемый «Праздник бога-дракона» (Рюдзинсай, 龍神祭) ежегодно отправлялся монахом храма Гонгэн в Хаконэ, хорошо известной горной деревне в провинции Сагами. Триста тридцать три *го* (合) «красного риса» (*сэкихан*) в новой деревянной бочке подносились Богу-дракону озера Хаконэ следующим образом. Буддийский монах (в настоящее время храм Иэясу принадлежит синтоистам) выплывал на лодке на середину озера и там клал бочку на воду, после чего лодка плыла дальше, причем ни гребец, ни монах не оборачивались. Затем они слышали звук водоворота в том месте, куда было положено подношение, и боченок исчезал под водой⁷⁰⁵.

⁷⁰² Гл. VII, сс. 978.

⁷⁰³ 草鞋大王, *со-ай тай-о*.

⁷⁰⁴ 垢離ヲ取ル, *кори-о тору*.

⁷⁰⁵ *Нихон сюкё фудзоку си*, с. 213.

§ 4. Перерождение в виде дракона.

В *Тайхэйки*⁷⁰⁶ (ок. 1382 г.) мы находим следующую легенду. Вторым сыном императора Годайго, принца Таканага, также называвшийся Ити-но Мия, которого сослали в Хата, в провинции Тоса, так сильно скучал по своей наложнице, оставшейся в Киото, что послал своего преданного вассала Хада-но Такэбуми в столицу, чтобы тот привез ее к нему в место ссылки. Когда последний находился в пути, направляясь в Тоса с женщиной, и они ожидали попутного ветра в Ама-га Саки, в провинции Сэтцу, некий самурай по имени Мацуура Горо, влюбился в прекрасную женщину, выкрал ее, привез на свой корабль, который немедленно отчалил. Как только Такэбуми понял, что произошло, он немедленно громким голосом приказал кораблю вернуться, но единственным ответом ему был насмешливый хохот, и корабль продолжил свой путь. Тогда бедный Такэбуми, не зная, что делать, сказал: «Сегодня я обращусь божеством-драконом на дне моря и остановлю этот корабль». С этими словами он распорол себе живот и прыгнул в море. Есть хорошо известный водоворот, называемый Ува-но Наруто, «Звучащая дверь» (т.е. небольшой водоворот) в Ува», между Сикоку и Авадзи, который, как говорили, являлся Восточными Вратами дворца дракона. Именно там месть Такэбуми проявилась в своей ужасной форме, поскольку корабль, попавший в водоворот, кружило около трех дней, и попытки задобрить божество-дракона, бросая за борт всевозможные ценные вещи, такие, как луки, мечи и одежду, ни к чему не приводили. Тогда команда пришла к выводу, что дракон желает саму женщину, и Мацуура был уже готов бросить ее в бушующие воды, когда буддийский монах посоветовал ему не вызывать ярость дракона человеческими жертвоприношениями, которые неизменно вызывали у дракона отвращение, поскольку он являлся чистым существом, верующим в Будду. Лучше, сказал служитель, читать сутры и молиться. После этого вся команда помолилась Каннон, и вот! На волнах появился дух Такэбуми, машущий кораблю, как он делал это до своей смерти, перед которым находились несколько его слуг на конях. Хотя на том месте часто случались всяческие чудесные вещи, на этот раз, без сомнения, именно озлобленный дух Такэбуми вызвал эту напасть. Поэтому они посадили женщину с одним моряком в маленькую лодку, надеясь умиловить духа таким образом и отделаться от нее, не убивая. Как только это было сделано, корабль наконец-то выбрался из водоворота и исчез в западном направлении; больше о нем ничего не было слышно. Что касается женщины, то она счастливо добралась до острова, где была встречена гостеприимными жителями, и там оставалась до конца своих дней, не рискуя быть вновь похищенной.

В озере Фусэ в провинции Эттю, как рассказывает нам Хотта, автор *Сансю кидан* и *Сансю кидан кохэн*⁷⁰⁷, утопился разочарованный влюбленный; считалось, что его страсть (執念, *сюэнэн*) конденсировалась в форме белого дракона (иными словами, его душа, по причине страстного состояния в момент смерти, реинкарнировалась драконом). Уже во времена Хотта (XVIII в.) это была старинная легенда, а озеро стало в десять раз уже, чем раньше, так что дракон уже не жил в воде, но в так называемой «драконьей дыре» (龍窟, *рю-куцу*) под землей, где «драконьи пары», или «драконье дыхание» (龍氣) поднимались вверх, как признак присутствия демона (китайские моменты). В начале эры Анъэй (1772–1780) люди, переправлявшиеся через речку, впадавшую в озеро, видели длинное белое чудовище, плывущее из озера в русло реки. Когда оно очутилось на дне потока, вода стала совершенно белой. Иногда дракон показывал свою снежно-белую спину, но не голову и не хвост. Некоторые, кто видел его редко показывавшуюся голову, говорили, что она квадратная. В один из дней, поразвлекавшись и поплавав вдоль берега, он исчез. Говорили, что дракон жил в окрестностях долгое время, и что его называли «белый мужчина» (白男, *сиро-отоко*); Хотта предполагает, что это — тот самый когда-то утопившийся человек, принявший такой облик после измены своей возлюбленной, «белой девушки», и живший после под землей, потому что озеро стало слишком узким. Поскольку он не мог затопить землю и уничтожить поля, то просто время от времени предпринимал прогулки к соседнему морскому побережью. У той же переправы жило создание, называвшееся *сига*, растягивавшееся и задерживавшее лодки, когда снег начинал таять; это тоже было некое «дыхание» (氣); вероятно, говорит Хотта, то же «драконье дыхание»,

⁷⁰⁶ Гл. XVIII, с. 14а.

⁷⁰⁷ Гл. VII, сс. 988 seqq.

что наблюдалось одним отчаянным человеком во время эры Кэйтё (1596–1614), как сказано в работе под названием *Тюгайдэн*⁷⁰⁸.

В соответствии с более современным трудом, *Нихон сюкё фудзоку си*, упоминавшимся выше, в деревне Касахара провинции Тотоми есть пруд, называющийся «Сакура-га икэ», «Пруд вишневого дерева». В нем живет огромный дракон, которому те, у которых есть особое желание, молятся в средний день *хиган* (彼岸, «тот берег», семидневный период обоих равноденствий; средний день — непосредственно равноденствие), одновременно делая ему подношения, состоящее из корзинки затвердевшего вареного риса (*ковамэси*, 強飯, т.е. *сэкихан*, 赤飯 «красный рис», рис сваренный с красными бобами), который они пускают плыть по воде. Если позже они находят корзинку пустой, то это — признак того, что дракон съел рис, приняв подношение и выслушав просьбу, однако, если рис все еще находится в корзинке, то просьба не будет исполнена. Этот дракон есть реинкарнация буддийского монаха Гэнко, 源皇, из школы Тэндай на Хизайдзан, учителя Хонэн сёнин, 法然, жившего 1132–1212 гг. Гэнко желал стать драконом, так как его жизнь была слишком коротка, чтобы обрести достаточное знание буддийского учения. В один из дней он услышал от одного из своих учеников, что вышеуказанный пруд есть прекрасное местожительства для дракона. Тогда он сел в религиозном сосредоточении (*самадхи*), капнул водой себе на руку, с помощью чего вызвал облака и дождь, и полетел по воздуху к пруду. Там он умер в медитации, а, когда пришли ученики и позвали его, громадный дракон появился из воды и заплакал. По просьбе учеников он принял прежнюю человеческую форму и долго говорил с ними.

Мы можем упомянуть здесь старую легенду, которую находим в *Гукансё*⁷⁰⁹, где говорится, что Иноуэ-но Найсинно, императорская принцесса Иноуэ, дочь императора Сёму и наложница императора Конины, обратилась драконом еще до своей смерти. Ее обвинили в практиковании *у-цзу*, 巫蠱, китайской магии, где использовались рептилии и насекомые⁷¹⁰, чтобы ее принц стал наследником престола. Из-за этого ее заточили в земляную нору в 722 г. по приказу премьер-министра Фудзивара-но Момокава, а три года спустя и она, и ее сын умерли. Однако, по народному поверью она обратилась драконом еще до своей смерти.

§ 5. Морские цари-драконы задерживают ход кораблей, чтобы получить в качестве подношений буддийские сокровища.

В *Фусо рьяки*⁷¹¹ (1150) излагается следующая легенда о настоятеле Досё (道昭), который отправился в Китай в 651 г., перед возвращением в Японию получил от Сюань-цзана, знаменитого паломника, побывавшего в Индии в 629 г. и вернувшегося в 645 г., помимо реликтов Будды и сутр, маленький котелок для приготовления лекарств. Сюань-цзан привез этот котелок из Индии и говорил, что ценность его огромна, поскольку любые болезни можно излечить с помощью приговленных в нем лекарств. Это оказалось правдой, так как один из спутников Досё, заболевший перед тем, как они покинули Китай, был немедленно излечен с помощью этого чудесного предмета. По пути в Японию, посредине океана, корабль внезапно остановился и не двигался семь дней, а волны и ветер ужасно ревели вокруг. Затем прорицатель сказал: «На борту есть нечто, чего хочет морской бог. Я думаю, это — котелок». Сперва настоятель отказывался отдать свое сокровище, говоря, что Царю-дракону нет никакой причины просить эту вещь. Однако, когда остальные, опасавшиеся за свои жизни, настоятельно просили его последовать совету прорицателя, настоятель сдался и бросил котелок в воду. Немедленно шторм стих и волны исчезли, а корабль мог продолжать свой путь, и вскоре они прибыли в Японию. Очевидно, Царь-Дракон действительно хотел получить подношение в виде котелка.

В *Кондзяку-моногатари*⁷¹² описывается, как премьер-министр, везший для своего повелителя драгоценный образ Будды из-за моря, попал в ужасный шторм. Безрезультатно бросал он всевозможные ценные предметы в море; Царь-Дракон, очевидно, желал чего-то другого. Наконец, министр понял, чем его ублажить, и, молясь за свою жизнь, он предложил ему жемчужину из междубровья изображе-

⁷⁰⁸ 中外傳 (время написания и автор неизвестны).

⁷⁰⁹ К.Т.К., Vol. XIV, Гл. VII, с. 597.

⁷¹⁰ См. De Groot, *Religious System of China*, Vol. V, Ch. II, pp. 826 seqq.

⁷¹¹ Гл. IV, К.Т.К., Vol. VI, p. 514.

⁷¹² Гл. XI, К.Т.К., Vol. XVI, pp. 571, seq.

ния Будды. Царь–дракон протянул свою руку и взял жемчужину, после чего шторм утих. Хотя опасность прошла, министр, уверенный, что ему отсекут голову, когда он признается повелителю в утрате драгоценной жемчужины, горько рыдал и умолял Дракона вернуть ему ее. Тогда морской бог явился ему во сне и пообещал возвратить жемчужину, если тот остановит девять черепах, причинявших драконам страдания. Обрадованный, тот проснулся и, обращаясь к морю, ответил, что желает освободить драконов от черепах с помощью переписывания и подношения священных буддийских писаний. И, когда он так и сделал, Царь–Дракон выполнил свое обещание и вернул жемчужину, однако та потеряла свой блеск. И вновь морской бог явился министру во сне и сказал, что жемчужина освободила его от черепах змеиной дороги (蛇道), но *Конго–ханья–кё* (*Ваджра–праджня–парамита сутра*), которую он переписал для него (дракона), явилась еще более действенной, так как устранила все его страдания.

§ 6. «Драгоценность, исполняющая все желания» (*чинтамани*).

В Северной Индии жил буддийский настоятель по имени «Обет Будды»⁷¹³, искавший ради блага людей «Драгоценную жемчужину, исполняющую все желания»⁷¹⁴. Он взошел на корабль и, когда был уже посреди моря, с помощью Будды воззвал к Царю–Дракону. Связав его с помощью магической формулы (*мантра*), он потребовал от него жемчужину, после чего дракон, будучи не в состоянии бежать, вынул жемчужину из своей головы и был готов отдать ее служителю. Тот вытянул вперед свою левую руку, одновременно делая правой «знак меча», *мудра* (магическую фигуру из пальцев). Однако, Царь–Дракон сказал: «В прежние времена, когда дочь Царя–Дракона Сагара дала драгоценную жемчужину Шакьямуни, тот принял ее сложенными руками; отчего же ученик Будды принимает ее одной рукой?» Тогда служитель сложил руки, прекратив делать *мудра*, но, когда он собирался взять жемчужину, дракон, которого более не подавлял мистический знак, освободился из его рук и взлетел в небо, оставив служителя с пустыми руками и в поврежденной лодке. Единственным спасшимся был сам служитель. После он же встретился с Бодхидхармой⁷¹⁵, патриархом, прибывшим морем из Южной Индии (в 526 г.), и вместе они поехали в Японию⁷¹⁶.

§ 7. Восемь Царей–Драконов.

Во время, когда Дзиэ⁷¹⁷ был главным настоятелем (*дзасу*, 座主) Хиэйдзан, некто увидел во сне семь из восьми Великих Царей–Драконов, пересекающих большое море на кораблях; на восьмом судне дракона не было видно. Когда он спросил о причине отсутствия этого Царя–Дракона, то получил ответ, что отсутствующий дракон в настоящее время является главным настоятелем Хиэйдзан. Очевидно, Дзиэ был превращенным Утпала⁷¹⁸, последним из Восьми Великих Царей–Драконов. То, что этот дракон был его «истинным обликом», мы видели выше⁷¹⁹.

В *Тайхэйки*⁷²⁰ сосланный на острове Садо молится различным богам, чтобы те послали корабль в его удаленное место. Среди этих божеств мы видим: «Гонгэн (Проявления), Конго додзи (Ваджра кумара), Тэнрю (Небесные Драконы), Яся (Якшасы) и восемь Великих Царей–Драконов»⁷²¹. Очевидно, упомянутые в конце Наги считались отличными от Небесных Драконов, образующивавших один из четырех классов Нагов, упоминавшихся выше. Восемь Царей–Драконов, вероятно, относились ко второму классу Нагов, «Божественным Драконам» (神龍).

⁷¹³ 佛誓, Буссэй.

⁷¹⁴ 如意宝珠, *нё—и ходзю*, *чинтамани*.

⁷¹⁵ 波羅門, Барамон, «Брахман, глядящий в стену».

⁷¹⁶ *Фусо рьякки*, 拔萃 (Сёму Тэнно), К.Т.К., Vol. VI, p. 564.

⁷¹⁷ Жил 912—985 гг., см. выше, Книга II, Гл. III, § 6, с. 170, прим.

⁷¹⁸ 優鉢羅龍王, Ухатира Рю—о.

⁷¹⁹ Кн. II, Гл. III, § 6.

⁷²⁰ Гл. II, с. 9а.

⁷²¹ 權現金剛童子天龍夜叉八大龍王

§ 8. Цари—Драконы внутреннего и внешнего морей.

В *Гэмпэй сэйсуйки*⁷²² говорится, что Фудзивара—но Ясуёри, сосланный на остров Кикай—га сима вызвал сострадание у «богов—драконов внутреннего и внешнего морей и (у прочих существ) восьми направлений». То же выражение, т.е. «боги—драконы внутреннего и внешнего морей», мы находим в *Тайхэйки*⁷²³, где читаем, как в 1333 г. Нитта Ёсисада, преданный генерал императора Годайго, призывал их. Он двигался к Камакура с целью наказать Сиккэн Ходзэ Такатоки и, прибыв на Инамурадзаки — мыс между Эносима и Камакура — молился «богам—драконам внутреннего и внешнего морей», чтобы море отступило, и он смог перейти с войсками по берегу и, таким образом, легко достичь Камакура. Они явно слышали его молитвы, так как в ту же ночь был такой маленький прилив, что корабли Такатоки не смогли причалить к берегу, и стрелы его солдат не долетали до войск Нитта, которые шли сухим берегом прямо к Камакура. Там они проложили себе путь в город и принудили Такатоки вспороть себе живот.

§ 9. Дворцы драконов.

По *Гэнко сякусё*⁷²⁴, китайский монах Цзянь Чжэнь⁷²⁵, пересекая море по пути в Японию, был приглашен царем—драконом посетить его дворец и проповедовать ему⁷²⁶. Исполнив его просьбу, монах продолжил свой путь и наконец (в 762 г.) прибыл на Кюсю (тогда называвшийся Дадзайфу).

Знаменитая легенда о Товара Тода, которую мы находим в *Хонтё кайдан кодзи*⁷²⁷, является смесью китайских и индийских мотивов. В ней повествуется следующее. В храме Хидэсато, синтоистском святилище у моста Сэта в провинции Оми, Товара Тода 倭藤太, «Тода — рисовый мешок», почитается вместе с Суйфусин 水府神, «Божеством Водного Отдела». Если принести в этот храм многоножку (*мукадэ*), животное немедленно погибнет, и вот по какой причине. В старые времена, когда Фудзивара—но Хидэсато (живший в первой половине X в.) пересекал мост, поперек него лежала большая змея. Герой, однако, ничуть не испугался, и спокойно переступил через чудовище, которое немедленно исчезло в воде и вернулось в облике прекрасной женщины. Она сказала, что живет под этим мостом две тысячи лет, но никогда не видела такого храбреца, как он. Поэтому она просит его уничтожить ее врага — громадную многоножку⁷²⁸, убившую ее сыновей и внуков. Хидэсато обещал ей это и, вооруженный луком и стрелами, стал ждать многоножку на мосту. С вершины Миками—яма показались два ярких источника света, как будто то были двести факелов. Это были глаза многоножки, и Хидэсато послал три стрелы в ее направлении, после чего свет погас и чудовище умерло. Женщина—дракон, исполненная радости и благодарности, взяла героя с собой в прекрасный дворец драконов, где угостила изысканными блюдами и подарила кусок шелка, меч, доспехи, храмовый колокол и мешок (*тавара*) риса. Она сказала, что шелк всегда будет оставаться, сколько бы он ни отрезал от куска, а рисовый мешок никогда не опустеет⁷²⁹. Что касается храмового колокола, то это была самая большая ценность во дворце дракона.

После возвращения в мир людей, Хидэсато поднес колокол в Миидэра, знаменитый буддийский монастырь рядом с Оцу в провинции Оми. Однажды его украл монах с Хиэйдзан, но, поскольку он не издавал никаких звуков, кроме слов: «Я хочу вернуться в Миидэра», он со злобой выбросил его в доли-

⁷²² Гл. VII, с. 183.

⁷²³ Гл. X, с. 7b.

⁷²⁴ Гл. I, К.Т.К., Vol. XIV, p. 642.

⁷²⁵ 鑑真, Кансин.

⁷²⁶ В тексте сказано лишь: «он пошел во дворец к дракону», но комментатор объяснил причину этого.

⁷²⁷ Гл. I, № 16, с. 29.

⁷²⁸ Многоножки, по *китайскому* верованию, являются смертельными врагами змей; их способность убивать змей столь велика, что они считаются прекрасным средством от пресмыкающихся, а также используются для излечения от болезней, вызванных колдовством *ку*. См. De Groot, *Religious System of China*, Vol. V, pp. 863 seqq.

⁷²⁹ В поздней версии этой легенды он получает коробку из белого дерева со сторонами в три—четыре *сун*, называемую *дэбэбако*, 出米箱, «коробка, выдающая рис». Ее поставили на чердак, и, если кто—либо ставил под нее другую коробку и, указывая на верхнюю, говорил: «Риса назавтра на столько—то лиц», то на следующее утро указанное количество риса оказывалось в нижней коробке. Эта чудесная вещь оставалась в семье на протяжении многих поколений, сохраняя способность дарования риса, пока однажды ее не снесли вниз, чтобы почистить, и по ошибке не уронили на камни в саду. Тогда она раскололась, и из нее выпала мертвая белая змейка. После этого риса больше не появлялось, однако и коробка, и змея все еще хранятся в семье.

ну, где его нашли монахи из Миидэра и вернули в монастырь. Затем появилась маленькая змейка, помачала хвостиком по трещинам в корпусе колокола, и те немедленно исчезли, так что драгоценная вещь стала точно такой же, как и прежде.

*Тайхэйки*⁷³⁰, где также приводится легенда о Тавара Тода, рассказывает, что колокол был украден во время войны между Миидэра и Хиэйдзан, когда первый монастырь был охвачен пожаром, и что он развалился на куски в долине, однако змея восстановила его за одну ночь. Змея была, вероятно, женщиной–драконом, или посланником из дворца драконов. В версии *Тайхэйки* змея, которую Хидэсато встретил на мосту, обернулась не женщиной, но странным маленьким человеком; это был сам Царь–Дракон. По названию этого чудесного рисового мешка героя и стали называть Тавара Тода, «Тода — рисовый мешок»⁷³¹.

Юхо мэйсё ряку (1697)⁷³² упоминает буддийского монаха по имени Нандзо, жившего в эру Энкю (1069–1073), молившегося на протяжении трех лет в храме Кумано Гонгэн, дабы сподобиться глубокого понимания буддийского учения. Наконец, из божественного откровения он узнал во сне, что, если он пойдет к большому и глубокому озеру на горе Котовакэ у границ провинций Хитати и Муцу, то превратится в дракона и проживет долгую жизнь. Сильно обрадовавшись от успеха в своих молениях, он последовал божественному совету и поселился в землянке у озера, где проводил свои дни, читая сутры и ведя суровый, аскетический образ жизни. Однако, дракон–женщина, которая ежедневно посещала его в образе красавицы, чтобы слушать чтение сутр, влюбилась в него и пригласила во дворец драконов на дне озера. Он последовал за ней, неся с собой восемь свитков сутр, и далее жил с женщиной в роскошном особняке, где обратился восьмиглавым драконом (по количеству принесенных с собой свитков). Часто можно было слышать его голос, читающий сутры в озере. Приблизительно в трех *ри* от того места есть другое озеро в Нука–га такэ, которое ранее было населено девятиглавым драконом. Это был муж вышеупомянутой женщины–дракона, и, когда его место занял восьмиглавый соперник (превратившийся служитель), он пошел в другое озеро, где имел сражение с обидчиком, однако был убит. По этой причине в озере Нука–га такэ больше не живут драконы.

Наконец, мы можем упомянуть название, данное сперва морской звезде по той причине, что она напоминает формой веретено для наматывания нити, а именно — Рюгу–но итомаки, «веретено дворца драконов»⁷³³.

§ 10. Драконы, связываемые с буддийскими монахами.

В *Гэнко сякусё* сказано, что синий дракон явился тэндайскому монаху Эйсаю (榮西), когда он в 1168 г. поднялся на китайскую гору Тай (台), священное место школы Тэндай⁷³⁴. В той же работе мы читаем, что царь–дракон Ко–таку (廣澤) объявил во сне китайскому учителю Фан Аня (方菴) и Эндзи (圓爾, т.е. японскому монаху Бэньэну 辯圓), что два этих его ученика теперь готовы стать священнослужителями. В результате этого сна учитель отослал последнего обратно в Японию, чтобы тот проповедовал там Учение⁷³⁵. Третья легенда, которую мы находим в той же работе, рассказывает о дочери императора Судзюку (930—946), которая сошла с ума и, одетая в жалкие обноски, пришла в хижину буддийского отшельника, умоляя его прочесть ради нее молитвы (т.е. изгнать злого духа, овладевшего ей). Отшельник согласился, и принцесса вернулась домой. Среди ночи она (т.е. дух, пребывавший в ней) внезапно воскликнула: «Помогите, помогите! Дракон собирается перерезать мне горло мечом, а мальчик связывает меня веревкой!» Служанки были очень напуганы, но на следующее утро больная выздоровела. Дракон и добрый дух, вызванные молитвами служителя, изгнали злого демона⁷³⁶.

⁷³⁰ Гл. XV, с. 5.

⁷³¹ В действительности имя Тода записывалось, как 田原, а не как 俵. Тавара, 田原, является именем знатного семейства в Аки (провинция Бунго), а также название местности в Микава.

⁷³² Гл. X, с. 39; этот отрывок цитируется в *Нихон сюкё фудзоку си* (1902), с. 247.

⁷³³ *Интэй дзакко*, 筠庭雜考, Гл. IV, написано Китамура Синсэцу 喜多村信節, (1783—1856); *Хякка сэцурин*, 続下

— с. 520.

⁷³⁴ Гл. II, К.Т.К., Vol. XIV, p. 658.

⁷³⁵ Гл. VII, с. 747.

⁷³⁶ Гл. XI, с. 822.

§ 11. Восемь драконов, на который буддийское божество едет по небу.

В *Тайхэйки*⁷³⁷ описывается видение одного человека, который провел ночь в молитвах у Внешнего Храма (Гэгу) в Исэ. Он видел огромное божество с двенадцатью лицами и сорока двумя руками, размахивавшее мечами и копьями и несущееся по воздуху на восьми драконах среди ветра и дождя, во главе многих прочих, ехавших на колесницах среди облаков. Они возникали со всех сторон, всего количеством в две, или три тысячи, на колесницах, или верхом, а в небе блистал драгоценными камнями и серебром величественный дворец.

§ 12. Проклятья драконов.

В *Синтёмонсю*⁷³⁸ проклятья драконов упоминаются в слудующих отрывках. «В старину говорили, что божество–охранитель храма Рюмон⁷³⁹, буддийского святилища, где прежде всего проводились службы по усопшим родственникам г–на Могами Гэнгоро, в провинции Дэва, было драконом. В один из дней каменная стена этого храма упала, так что пришлось многим поработать там, собирая камни, как вдруг змея шести–семи дюймов в длину, появилась из–под камней; за ней погнались и убили ее. Те, кто убивал, немедленно почувствовали головокружение и умерли на месте; другие, кто только гонялся за ней, были больны на протяжении пятидесяти, или шестидесяти дней. Тело змеи, говорится в записях, помещено теперь в храме Кэйо напротив Асакуса в Эдо».

Не менее жестоким было проклятье другого дракона в облике змеи. Дом старосты деревни под названием Рё–но икэ, или «Драконий пруд» в районе Ума провинции Иё, считался построенным над водоемом, в котором в давние века жил дракон. Пруд в саду со стороны в три–четыре сяку, напоминавший о том водоеме, никогда не пересыхал, даже во время засухи. В 15–й день 7–го месяца (Улламба, Бон — праздник мертвых), в 1638 году деревенские жители танцевали (*бон–одори*, или «танец бон») в этом саду и производили такой шум, что не сразу услышали, что хозяин дома зовет на помощь. Вбежав в комнату, они нашли его, стоящего в темноте и держащего за горло животное, заглотившее руку восьмилетнего ребенка. Они изрубили зверя на куски, однако он становился все больше и больше, пока не заполнил всю комнату. Это оказалась громадная змея, которая, однако, проникла в помещение через небольшое отверстие, просторное разве что для червя. На песке у пруда был виден след — тонкая линия, показывавшая, что дракон выполз из пруда в форме земляного червя. Вскоре на них обрушилось ужасное проклятие чудовища, так как все семейство, более семидесяти человек, умерли один за другим, за исключением одного слепого певца–исполнителя, который и рассказал позже всю историю⁷⁴⁰.

Человек, чей корабль наткнулся на огромную змею тринадцати кэн в длину, убил чудовище мечом и, чтобы избежать его проклятья, разрезал его туловище на три части, похоронил их вместе с головой и заказал молитвы по душе убитого животного. Но все было напрасно, так как тринадцать лет спустя, в тот же день того же месяца, и даже в тот же час он воскликнул: «Я пью воду!», захлебнулся и умер. Люди были уверены, что его смерть наступила от воздействия змеи. Эта водяная змея, разумеется, была драконом⁷⁴¹.

§ 13. Останки драконов, сохраняемые в буддийских храмах.

В Нода, провинции Микава, есть буддийский храм, называемый Сэнрю–ин, или «Храм драконьего источника» (泉龍院), где хранятся три драконьих черепа. Перед тем, как храм был построен, его основатель, Морин Сёнин, молился на том месте еженощно, и каждый раз послушать его приходила пре-

⁷³⁷ Гл. XII, с. 9б.

⁷³⁸ *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XLVII, гл. IX, с. 126.

⁷³⁹ 龍門寺, «Храм Драконьих Врат».

⁷⁴⁰ Гл. IX, с. 128. Ту же легенду можно обнаружить в *Ямато–кай–и–ки*, Гл. III, с. 13б.

⁷⁴¹ Гл. IV, с. 48.

красная женщина, покуда она, наконец, не приняла свой естественный облик — огромной змеи, прыгнувшей в располагавшийся поблизости пруд и исчезнувшей. Монах, сострадавший этому созданию, наполнил пруд и построил над ним храм. В святилище сохраняются три черепа, оставленные драконом⁷⁴².

Одно из сокровищ другого буддийского храма под названием Рюгэндзи, или «Храма драконьего источника» (龍源寺) в деревне Хаги, провинции Микава, является зуб «спрятанного дракона» (潜龍, *сэнрю*), преподнесенный монахом Сютзем⁷⁴³.

§ 14. «Собрание драконьего цветка».

В *Буккё цроха дзитэн* Миура Кэнскэ⁷⁴⁴, в статье *Рюгэ-э*, 龍華絵, или «Собрание драконьего цветка», мы читаем, что, когда Майтрейя «оставит мир и найдет истину Будды», он соберет огромную толпу и изложит свое учение. Тогда все деревья на земле примут форму золотых драконов и откроют свои цветы. Таково значение религиозного собрания, упомянутого выше.

⁷⁴² *Нихон сюкё фудзоку си* (1902), с. 197.

⁷⁴³ Там же.

⁷⁴⁴ Т. II, с. 63.

ГЛАВА V.

КИТАЙСКИЕ И ИНДИЙСКИЕ ДРАКОНЫ, ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫЕ, ИЛИ СВЯЗЫВАЕМЫЕ СО СТАРИННЫМИ ЯПОНСКИМИ БОЖЕСТВАМИ.

Поскольку, как мы видели это в предыдущих главах, китайские и индийские идеи настолько проникли в японское сознание, нет ничего удивительного, что с ними идентифицировали, или связывали многих древних синтоистских божеств. Морские, или горные божества в форме змей особенно часто представляли в таком свете, а в XIII в. и позже никто уже не колебался, объясняя древние легенды о богах по-своему, часто используя слова «Бог–Дракон», и «Царь–Дракон». Следующие отрывки иллюстрируют эту тенденцию.

§ 1. Сагара, Царь–Дракон, Ямато–но Ороги, Антоку Тэнно и меч Кусанаги.

*Гукансё*⁷⁴⁵ (до 1225 г.) повествует нам, что Ицукусима–но Мёдзин (巖島ノ明神 богиня острова Ицукусима во Внутреннем море) являлась по поверьям дочерью Царя–Дракона, переродившегося в облике Антоку Тэнно, несчастного императора, утонувшего на седьмом году жизни во время сражения при Дан–но ура (1185 г.). Его бабушка, Нии–но ама, вдова Киёмори, прыгнула за борт вместе с маленьким императором, когда увидела, что сражение проиграно. Так дочь Царя–Дракона вернулась к своему отцу.

Детали этой легенды мы находим в *Гэмтэй сэйсуйки*⁷⁴⁶ (ок. 1250 г.), где сказано, что эта богиня была внучкой Амаэрасу, Богини Солнца, и дочерью Царя–Дракона Сагара⁷⁴⁷. В другом месте той же работы⁷⁴⁸ приводится причина того, почему дракон переродился, как Антоку Тэнно. Как мы читаем там, ушедший на покой император Го–Сиракава безрезультатно искал меч Кусанаги⁷⁴⁹, одну из трех регалий императорской семьи, которую Сусаноо–но Микото нашел в хвосте восьмиглавого змея Ямато–но Ороги. После того, как на протяжении семи дней он молился в храме Камо, во сне ему было божественное откровение, что этот меч можно найти на дне моря в Дан–но ура, и двум местным ныряльщицам — Оимацу и Вакамацу, матери и дочери, было приказано искать его. Как результат этого сна, Ёсицунэ был послан в Дан–но ура, и двум женщинам приказали нырять за мечом. Они подчинились и оставались под водой целый день (!) Затем они вынырнули на поверхность, и мать сказала, что там внизу — очень странное место, куда нельзя проникнуть без мощной поддержки Будды; поэтому ей нужна *Нёхо–кё*, сутра, которую следует переписать и обернуть вокруг ее тела. Немедленно было собрано большое количество почитаемых монахов, которые переписали сутру; женщина обернула ее вокруг своего тела и нырнула вновь. На этот раз она оставалась под водой не менее одного дня и одной ночи, и вновь вынырнула без меча. Ёсицунэ спросил, что она видела, но она ответила, что может рассказать об этом одному императору. Тогда он привез ее в Киото, где она сообщила императору следующее. Она вошла в ворота величественного строения, очевидно — дворца Царя–Дракона и, когда сказала, что пришла посланницей императора Японии с просьбой об обретении драгоценного меча, две женщины провели ее в сад, к старой сосне, где она могла заглянуть в комнату сквозь наполовину поднятые шторы (*сударэ*). Там она увидела большого змея, двадцати *сяку* в длину, с мечом в пасти, а в кольцах его тела — ребенка семи–восьми лет. Глаза у чудовища были большие и сияли, как солнце и луна, а красный язык беспре-

⁷⁴⁵ Гл. V, К.Т.К., Vol. XIV, p. 533.

⁷⁴⁶ Гл. XII, *Тэйкоку бунко*, т. V, с. 323.

⁷⁴⁷ 婆竭羅, Сякацура, т.е. Сагара, один из восьми Великих Царей–Драконов. См. выше, Введение, § 1; Книга II, Гл. IV, § 6. По Eitel, *Handbook of Chinese Buddhism*, дочь Сагара, восьми лет от роду, стала Буддой под руководством Манджушри.

⁷⁴⁸ Гл. XLIV, с. 1158.

⁷⁴⁹ *Кусанаги—но цуруги*, 草薙劍.

станно находился в движении. Змей сказал женщине: «Передай императору, что этот меч не принадлежит Японии, но — Дворцу Дракона. Мой второй сын⁷⁵⁰, выгнанный из дворца за неблагоприятный проступок, обратился восьмиглавым змеем в верховьях реки Хи в Идзумо (Ямато—но Ороту) и был убит Сусаноо, который вынул меч из хвоста змея и дал его Аматаэрасу. При правлении императора Кэйко (71–130), когда принц Ямато—дакэ подчинил себе варваров, Аматаэрасу передала меч Уцуки—но мия⁷⁵¹, который дал его принцу. Затем мой второй сын принял облик большой змеи, десяти сяку в длину и лег на пути Ямато—дакэ у подножия Ибукияма (в провинции Оми), чтобы испугать принца и отобрать меч. Принц, однако, не испугался змеи и переступил через нее, расстроив, таким образом, планы моего сына⁷⁵². Наконец, он переродился, как император Антоку и прыгнул в море с мечом, который вернул мне. Этот ребенок — мой сын в человеческом облике, а меч, который я держу в пасти, — тот самый, который ты просишь. Но я не могу отдать его императору». Получив это сообщение, Го—Сиракава был сильно расстроен и подумал, что драгоценный предмет потерян для него. Это было, однако, не так, поскольку настоящий меч сохранялся в Великом Святилище (Дайдзингу) в Исэ, а меч Антоку являлся лишь копией. Как странно, что Царь—Дракон не знал этого!

Другая легенда по-иному связывала меч Кусанаги с Царем—Драконом. В 674 г. корейский монах украл меч из синтоистского храма Ацута в провинции Овари и спрятал его под своей накидкой. Однако перед храмом опустилось темное облако, взяло сокровище и положило его обратно в святилище. Монах же, помолившись сто дней, вновь украл меч и бежал в провинцию Оми. И вновь появилось темное облако, отобрало у грабителя его добычу и улетело с ней в восточном направлении (в Ацута). В третий раз кража, казалось, увенчалась успехом, так как монаху удалось тайно пронести меч на борт корабля, направлявшегося в Корею, как вдруг поднялся сильный шторм, сбивший корабль с курса. В отчаянии, кореец бросил меч в море, где его подобрал Царь—Дракон и вернул в Ацута⁷⁵³.

§ 2. Бог грома, пойманный Сукару, идентифицируемый с Царем—Драконом.

В *Гэмэй сэйсуйки*⁷⁵⁴ мы находим следующий примечательный рассказ. «Во времена императора Юряку (двадцать второй император, 457–479) у Его Величества был высокопоставленный вассал по имени Осибэ Сукару. Однажды, когда этот человек вошел во дворец Хацусэ Асакура и в апартаменты императора, остановившегося там, последний пребывал в интимных отношениях с императрицей. Так как в этот момент загремел гром, правитель, стыдясь того, что его застали врасплох, и чтобы избавиться от посетителя, приказал ему пригласить ревущий гром (во дворец). Вассал, получив верховное повеление, оставил дворец и поехал верхом по дороге из Абэ—но Ямада к Тоёра—дэра, глядя в небо и крича: «Ты, Божество Грома, ревущего в небе, Его Величество приказывает тебе спуститься вниз!» Гром, однако, продолжал удаляться, и в воздухе перекачивалось лишь его эхо. Тогда Сукару вновь прищипил своего коня и воскликнул: «Хоть ты и Божество Грома, но ты реешь в небе Японии. Как ты смеешь ослушаться императорского приказа?» Тогда с громким шумом Царь—Дракон вернулся и опустился на землю между Тоёра—дэра и Ииока. Сукару немедленно позвал синтоистских служителей, приказал им посадить Царя—Дракона в кресло—повозку и вернулся во дворец. Когда он доложил о случившемся императору, Гром поднял свою чешую, посмотрел на дворец широко раскрытыми глазами, а его сияние осветило все строение. Этот вид испугал Его Величество и, сделав Божеству Грома все виды подношений, он немедленно отослал его к тому месту, где он спустился вниз. Теперь оно называется 'Холм Грома' (Икадзути—но ока)».

⁷⁵⁰ По другим версиям легенды, это была его дочь.

⁷⁵¹ 嚴宮. По оригинальной легенде, Аматаэрасу передала меч своему внуку Ниниги. Ямато—дакэ воспользовался им дожде в войне с варварами, а после его смерти меч был помещен в синтоистском храме Ацута в провинции Овари.

⁷⁵² См. *Нихонги*, Гл. VII, К.Т.К., Vol. I, p. 148: Божество горы Ибуки приняло облик большого змея, но принц переступил через него и продолжил путь. Тогда божество «нагнало облака и вызвало ледяной дождь» (Aston, *Nihongi*, Vol. I, p. 209).

⁷⁵³ *Гэмэй сэйсуйки*, Гл. XLIV, сс. 1157 seq.

⁷⁵⁴ Гл. XVII, с. 451, под заголовком «Как Сукару поймал Гром».

Это — очень старая легенда, которую мы обнаруживаем в *Нихонги* и в *Рёи-ки*. Версия *Нихонги*⁷⁵⁵ следующая: — «На седьмом году правления императора Юряку (463) в третий день седьмого месяца Его Величество сказал Осибэ-но Сукару, государственному министру (*мурадзи*, 連): ‘Я желаю увидеть облик бога холма Миморо (Миморо-но ока, также называвшегося горой Миморо). Поскольку ты превосходишь остальных силой, то пойдешь и, лично поймав его, принесешь его сюда’. Сукару отвечал: ‘Я попробую это сделать’, и, взобравшись на холм Миморо, он поймал большую змею (大蛇), которую показал императору. Поскольку последний не отправлял религиозного воздержания (в честь божества), то загремел божественный гром, а глаза его засверкали. Император был напуган, закрыл глаза и не смотрел на бога, но спрятался в глубине дворца и приказал отпустить змею обратно на холм. По этой причине император изменил имя божества на ‘Икадзути’ (‘Удар Молнии’)).»

Что касается *Рёи-ки*⁷⁵⁶, то там приводятся те же детали, что и в *Гэмэй сэйсуйки*, которая, очевидно, позаимствовала всю легенду. Однако, вместо «Царя-Дракона», или «Бога-Дракона» древняя работа просто называет божество «Богом Грома» (雷神), что показывает, что идентифицирование этого божества с Царем—Драконом датируется более поздним периодом. Автор *Гэмэй сэйсуйки*, переводя старый текст на современный японский язык, следовал представлениям своего века и, изменив сочетание «Бог Грома», которое один раз оставил неизменным, на «Царь-Дракон» в одном месте, и «Божество-Дракон» во втором, он добавил слова: «Встопорщил чешую и широко раскрыл глаза». Тот факт, что *Нихонги* говорит о горном божестве в образе змея, сделало идентифицирование с драконом вполне логичным. Автор *Гэмэй сэйсуйки* опустил последнюю часть легенды, которая в *Рёи-ки* предстает следующим образом: «После, когда Сукару умер, император своим указом приказал отложить похороны на семь дней и семь ночей. Он похвалил его за преданность и распорядился, чтобы гробницу установили на том же месте, где спустился Гром. Над могилой он воздвиг каменный монумент со следующей надписью: ‘Это — могила Сукару, ловителя Грома’. Гром, рассердившись от такого оскорбления, с громкими раскатами спустился вниз и тяжело ударил в каменный памятник, однако, пока он бил в него, (дух Сукару) схватил его. Когда император услышал об этом, то освободил Гром, который не умер, но, совершенно ошеломленный, оставался там семь дней и семь ночей. Император приказал построить другой каменный монумент со следующей надписью: ‘Это — гробница Сукару, который при жизни и после смерти поймал Гром’. Такова причина того, что во времена старой столицы (т.е. столицы Суйко Тэнно, Оварида-но Мия, 小治田宮; императрица Суйко правила 593–628) это место называлось ‘Холм Грома’».

§ 3. Ватацуми-но Ками, морское божество, идентифицируемое с Царем-Драконом.

Подобное же изменение старого текста автором *Гэмэй сэйсуйки* мы находим в легенде о принце Ямато-дакэ, которого, когда его корабль был захвачен ветреной и штормливой погодой по пути из Мусаси в провинцию Кадзуса, спасла его талантливая наложница Отото Тасибана-химэ, прыгнувшая в море, принеся собой жертву Богу-Дракону ради принца, чем успокоила бурные волны⁷⁵⁷. Эта легенда заимствована из *Нихонги*⁷⁵⁸, однако там мы читаем лишь о Ватацуми-но Ками, «Морском Божестве» (海神).

§ 4. Драконья нора в храме Гион.

Драконья нора в синтоистском храме упоминается в *Дзоку Кодзидан*⁷⁵⁹. Говорили, что эта нора находилась в *ходэн* («зале сокровищ», где сохранялись *синтай*, или «божественные тела») в киотосском храме Гион. В 1221 г., когда храм был уничтожен огнем, Насимото, главный буддийский настоятель

⁷⁵⁵ Гл. XIV, с. 242; см. перевод Астона (*Nihongi*, Vol. I, p. 347), где имя записано, как “Сукару Тихисако Бэ-но Мурадзи”. В *Гэмэй сэйсуйки* (Гл. XVII, с. 451), однако, сбоку иероглифов 少子部 каной написано: Осибэ.

⁷⁵⁶ Гл. I, *Гунсё руйдзю*, ном 447, т. XVI, с. 23.

⁷⁵⁷ Гл. XLIV, с. 1157.

⁷⁵⁸ Гл. VII, К.Т.К., Vol. I, p. 146.

⁷⁵⁹ Гл. IV, *Гунсё руйдзю*, № 487, т. XVII, с. 681.

(дзасу) Хиэйдзан попытался измерить глубину норы, однако даже на отметке в 50 дзэ (500 сяку) дна так и не достали.

§ 5. Змея–дракон, поднесенная Божеством моря храму Сада.

В *Сёкоку ридзиндан*⁷⁶⁰ говорится следующее: «В синтоистском храме Сада в районе Акика, провинции Идзумо, поклонения проводятся различными способами. Между четырнадцатым и пятнадцатым днем десятого месяца из открытого моря приплывает маленькая змейка, около одного сяку в длину, качаясь на волнах и приближаясь к берегу. Это — прекрасное, золотистого цвета животное, называемое змеей–драконом (龍蛇, рюдзя). Настоятель храма, очистив себя, выходит на берег и ожидает змею, которую затем приносит, свернувшуюся на морских водорослях, в храм. Это — подарок морского бога святилищу».

§ 6. Змея–дракон, как древесный эльф на Коя–сан.

Другое повествование в той же работе⁷⁶¹ говорит о древесном эльфе в виде змеи из ивы, называвшейся дзя–янаги, 蛇柳, или «змеиная ива», на Коя–сан. Это была большая змея, или дракон, с давних времен жившая на священной горе, откуда Кобо Дайси не принудил ее отойти оттуда на расстояние где–то в полмили. Он заставил демона пообещать сделать это, насылая на его (демона) тело ядовитых змей, так что тот безмерно страдал и с готовностью удалился. После этого Кобо Дайси запретил приносить на гору флейты из опасения, что их звуки, напоминавшие драконий плач, могут привлечь змею и заставить его вернуться на прежнее место обитания. Об этом один монах рассказал Хидэеси, когда тот, остановившись на горе в качестве паломника, приказал известному актеру театра Но, которого привез с собой, устроить представление. Монах предостерег его, что не следует поднимать дракона игрой на флейте, однако Хидэеси лишь посмеялся над ним. Однако, как только по горе пронеслись звуки флейты, как ясное небо заволкло облаками, которые вскоре окутали всю землю. Яростная буря потрясла горы и долины; деревья вырывало с корнем, а дождь лил сплошными струями. Хидэеси, напуганный такими ужасными признаками присутствия дракона, бежал из монастыря и скрылся в маленьком домике у подножия горы. Когда прошло около двух часов, буря стихла, однако Хидэеси уже более никогда не сомневался в мудрости Кобо.

§ 7. «Колодец Небесного Дракона» в храме Сува.

По *Хонтё дзокугэнси*⁷⁶², одним из семи чудес знаменитого синтоистского святилища Сува–мёдзин у озера Сува (諏訪湖, Сува–ко), где начинается Тэнрю–гава (天龍川, «Река Небесного Дракона»), является Тэнрю–но идо, или «Колодец Небесного Дракона» (天龍ノ井). Со свисающей крыши храма в этот колодец всегда капала вода, и этот феномен приписывался дракону. Когда армада Хубилай–хана атаковала Японию, бог Сува полетел в форме длинного пятицветного облака, напоминавшего змею, из озера на Запад, дабы помочь японцам в борьбе с вторгшимися иноземцами⁷⁶³.

По соседству от той же «Реки Небесного Дракона» в провинции Тотоми в буддийском храме Дзуда–дэра (頭陀寺) сохранялась большая голова дракона. Ее привозили в Эдо и показывали там людям. Название реки, как считается, пошло от этого дракона⁷⁶⁴.

⁷⁶⁰ Гл. I, *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XX, с. 879.

⁷⁶¹ Гл. I, с. 891.

⁷⁶² 本朝俗諺志, написано в 1746 г. Кикиока Сэнрё, 菊岡沾涼(также его звали Бэйдзан, 米山), Гл. I, с. 19, цит. в *Сиодзири*, 塩尻, написано в 1749 г. Дзансэцуся Соку, 斬雪舎素及, Гл. II.

⁷⁶³ *Тайхэйки*, Гл. XXXIX, с. 12.

⁷⁶⁴ *Сиодзири*, Гл. II, с. 11.

§ 8. Курикара Мё-о, горное божество в облике дракона.

Другой синтоистский храм, Курикара Мё-о, 俱梨迦羅明王, был посвящен горному божеству в облике дракона, которое, как считалось, проживало в водопаде на горе Ояма в провинции Сагами. Как рассказывает нам *Нихон сюкё фудзоку си*⁷⁶⁵, (1902), в стародавние времена буддийский монах Рёбэн однажды молился там, как вдруг разразилась сильная буря, а вода в земной трещине забурлила. Из нее появился громадный дракон и сказал монаху: «Я — божество-охранитель горы. Услышав твои моления, я желаю служить Будде». Тогда Рёбэн поклонился дракону, а после на том месте было построено маленькое синтоистское святилище, посвященное дракону, которое называли по-буддийски «Курикара Мё-о», «Курикара, Царь Света» (т.е. Видья-раджа, где слово «свет» используется в знаменнии [мистического] Знания, *видья*).

Очевидно, это был исходно японские бог горы в форме дракона, которого буддисты идентифицировали с драконьим обликом Фудо Мё-о; однако, синтоистский храм остался в виде его святилища. Курикара, как мы читаем в *Буккё ироха дзитэн* Миура⁷⁶⁶, есть «Самая»(三魔耶)—форма Мё-о, черный дракон, обернувшийся вокруг меча.

⁷⁶⁵ С. 214.

⁷⁶⁶ Т. III, с.57, s.v. Курикара; см. ниже, Гл. VI, пар 10.

ГЛАВА VI.

ФОНАРИ ДРАКОНОВ.

Среди многих *ignes fatui*⁷⁶⁷ Японии Фонари Драконов (*ryūto*, 龍燈) занимают важное место. В большинстве случаев они поднимаются из моря и летят оттуда к горам, где их видят висящими на некоторых особых старых соснах, или криптомериях перед (чаще всего) буддийскими храмами. В отношении этих фонарей старые сосны особенно примечательны, поскольку на них повисают подношения морских драконов божествам, или буддам, или бодхисаттвам, которым поклоняются в этих храмах. Существует невероятное количество легенд, в которых говорится о фонарях драконов, появившихся на морском побережье Японии. Чтобы выяснить людские представления в этом отношении может быть достаточным приведение нескольких отрывков, поскольку все они напоминают друг друга, а в их основе лежат одно и те же выводы.

В старых анналах не говорится о фонарях драконов; также мы не находим упоминаний о них в прочих трудах, написанных до XIV в.

§ 1. Изображение Якуси Нёрай работы Дэнгё Дайси.

В *Кигэгава Якуси энги*⁷⁶⁸ говорится о следующем: «Изображение Якуси Нёрай в Дзёкодзи (также называемый Сёрюдзан, 青龍山, «Монастырь Синего Дракона»), в районе Кацусика, провинции Симоса, сделано Дэнгё Дайси⁷⁶⁹. Когда Дзикаку Дайси⁷⁷⁰ остановился в Асакуса-дэра (знаменитый храм Каннон в Асакуса, хорошо известном районе Эдо), ему явился седовласый старик и сказал: 'На северо-востоке есть святое место, где я освятил чудесное изображение, сделанное Дэнгё Дайси'. После этого человек исчез, а Дзикаку вышел наружу и посмотрел на северо-восток. Внезапно появилось счастливое облако (瑞雲, *дзуй-ин*, облако со счастливой расцветкой), и в нем был виден синий дракон. Затем Дайси тайно покинул храм и пошел на поиски этого синего дракона, покуда не пришел к строению, (где жил вышеупомнутый старик, получивший тот образ). Затем он поклонился изображению и увидел синего дракона, который все еще был там. Дзикаку повернулся к счастливому облаку и, обратясь к дракону, изрек следующее: 'Я хотел бы сказать тебе несколько слов, святой дракон, послушай меня. Я хочу построить здесь храм, который ты должен охранять и оберегать от бедствий. С этого момента я назначаю тебя божеством-хранителем храма'. Когда Дайси закончил говорить, дракон, который все это время слушал неподвижно, с почтительно опущенной головой, исчез. Монах счел это хорошим признаком, и назвал святилище 'Храмом Синего Дракона'. Вплоть до сегодняшнего дня время от времени там появляется драконий фонарь, как чудесное, доброе предзнаменование, вероятно — в связи с вышеупомнутым (т.е. оттого, что синий дракон — божество—охранитель храма)».

Из *Эдо мэйсё ки*⁷⁷¹ мы узнаем, что с древности в этот храм ходило много паломников; его называют также Дзёкодзи (淨光寺, «Храм Чистого Света»), дабы прославить драконий фонарь, который непременно возникает перед изображением Якуси Нёрай на восьмой день каждого месяца и наутро в Новый год.

§ 2. Дух Кобо Дайси.

⁷⁶⁷ Лат. «блуждающих огоньков».

⁷⁶⁸ 木下川薬師縁起, написано в 1327 г. буддийским монахом Гидзюном, 義純, *Гунсё руйдзю*, т. XV, nr 442, с. 637.

⁷⁶⁹ 傳教大師 (767—822), основатель школы Тэндай в Японии.

⁷⁷⁰ 慈覺大師 (794—864), в 854 г. назначен главой (*дзасу*) школы Тэндай.

⁷⁷¹ 江戸名所記, написано Асаи Рё-и, 浅井了意, жившим 1639–1709 гг., и напечатано в 1662 г.; Гл. III, с. 19.

В Томиока Хатиман сяки, «Истории синтоистского храма Хатимана в Томиока»⁷⁷², мы читаем, что в 1628 г. дух Кобо Дайси явился во сне монаху школы Сингон и приказал всем служителям этой школы в Канто, за исключением глав Коя и Сэкигаку, собраться в Эйтайдзима (в Эдо). Они последовали приказу святого и отправлял церемонии на протяжении девяноста дней не прерываясь. В то же время, они воздвигли храм, посвященный духу Кобо Дайси (Микагэ-до), и с того времени перед ним стал возникать драконий фонарь.

§ 3. Дух Дзигэн Дайси.

В *Дзигэн Дайси дэн* 慈眼大師傳, биографии Дзигэн Дайси, т.е. буддийского настоятеля Тэнкая 天海, которого весьма уважал Иэясу, умершего в 1643 г., есть следующий отрывок. — «Вечером второго дня одиннадцатого месяца двенадцатого года эры Канъэй (1643) особая служба была проведена (ради духа Дзигэна) в храме Сэмбакита (в Мусаси), когда из колодца поднялся драконий фонарь и повис на верхушке криптомерии у южной стены *кюкюдэн* (“зал приемов” храма). Монахи и миряне в изумлении уставились на свет и поклонялись ему. Немедленно был послан быстроногий гонец в храм Никко, чтобы объявить о случившемся, и всех переполняло восхищение (святостью Дзигэна, поскольку его дух, как считалось, явно был связан со светом, как в случае с Кобо Дайси в предыдущей легенде)»⁷⁷³.

§ 4. «Сосны драконовых фонарей».

Очень часто упоминаются так называемые «Сосны драконовых фонарей» (*рюто-но мацу*, 龍燈松), стоявшие перед буддийскими храмами, и на ветках которых, как говорили, регулярно появлялись драконовые фонари. То здесь, то там мы читаем о таких деревьях, стоявших у синтоистских святилищ, однако подавляющее количество отрывков, в которых они упоминаются, так же, как и драконовые фонари в целом, относятся к буддийским храмам.

Перед часовней Мондзю (Манджушри), называвшейся Мондзюдо (文殊堂), в Ама-но хасидатэ (одно из *Нихон санкэй*, трех самых красивых мест в Японии) в районе Ёса, провинции Танго, расположенном рядом с так называемой Кудзэ-но то, или Кирэ-то, стояла «сосна драконового фонаря». В полночь шестнадцатого дня каждого месяца из северо-восточного моря там появлялся драконий фонарь и прилетал на это дерево; ночью же шестнадцатого дня первого, пятого и девятого месяцев другой источник света, называвшийся «Небесный Фонарь» (*тэнто*, 天燈) спускался с неба. И третий источник, называвшийся «Исэ-но го то», или «Святейший Свет Исэ», упоминаемый в *Юхо мэйсё ряку*⁷⁷⁴ (1697), где его называют *синто* (神燈, «Священный Свет»), созданный божеством из Дайдзингу в Исэ (Аматэрасу), видели в том же месте. Образ бодхисаттвы Манджушри (Мондзю босацу), которому там поклонялись, считался индийского происхождения, появившимся из моря.

О том же храме говорится в *Кири дзодансю*⁷⁷⁵, где мы читаем следующие подробности относительно этого света: — «Он возникал из глубокого места в море, в двух *тё* от “Развитой Двери” (Кирэ-то) в Хасидатэ, где, как считалось, находились Врата во дворец дракона. В хорошую погоду, когда ветер и волны спокойны, он переходит от Кирэ-то в храм Мондзю. Неверящие не могут его увидеть, либо, если видят, то считают его производимым фонарем какого-то рыбака. Он останавливается на вершине высо-

⁷⁷² 富岡八幡社記, цитируется Курихара Рю-ан, (1793–1870) в его *Рю-ан дзуйхицу*, написанной в 1819 г.; *Хякка сэиурин*, т. 續下二, с. 487.

⁷⁷³ Странно реалистично, в виду этих отрывков, звучат слова из *Энсэй мэйбуцу кохои* (Гл. VIII), цитируемые на той же странице *Рюан дзуйхицу*: «Дьявольские светлячки (*кирин*, 鬼燐) и драконьи фонари, появляющиеся над болотами, прудами, широкими равнинами, горными храмами, могилами и проч. есть 'zwavelstofgas', выходящий из гниющих тел животных и растений». Слово «zwavelstofgas», написанное каной, является голландским по происхождению и обозначает «zwavelwaterstofgas», т.е. гидроксид серы.

⁷⁷⁴ Гл. XIII, с. 18.

⁷⁷⁵ 奇異雑談集, «Собрание всевозможных чудных повествований», написано «сыном Накамура, Повелителя Будзэн» в эру Тэмбун (1532–1554) (см. *Мацуноя хикки*, Гл. III, с. 4, и саму книгу, Гл. II, с. 15, где автор заявляет, что его отец, Накамура, Повелитель Будзэн, жил в эру Буммэй (1469–1486).

кой сосны, расположенной где-то в 20 *кэн* от Мондзюдо. Через полчаса, или менее, он тухнет. Время от времени на верхушке этого дерева видят мальчика, держащего в руке лампу, называемую *тэндо*, 天灯, “Небесный Фонарь” (это слово может быть также записано 天童, *тэндо*, “Небесный Мальчик”). Прежде этот мальчик (ангел) появлялся часто, а сейчас — редко».

В *Нихон сюкё фудзоку си*⁷⁷⁶, (1902) упоминается старая «Сосна фонаря дракона», которая все еще стоит рядом с синтоистским храмом, называемым Ухара дзиндзя (宇原神社), в деревне Кариды, района Кёто, провинции Будзэн. Там Тоётама-бимэ, дочь морского божества в образе дракона родила сына, и в то же время свет (драконьего фонаря) вылетел из моря и повис на той же сосне⁷⁷⁷.

Мы можем упомянуть здесь другой синтоистский храм, Сирахигэ дзиндзя (白鬚神社) в районе Сига провинции Оми, где, как говорили, драконий фонарь входил время от времени в зал поклонения (*хайдэн*), вместо того, чтоб висеть на сосне⁷⁷⁸; и Дзёгу (常宮), синтоистский храм в Цуруга провинции Эттидэн, где каждую новогоднюю ночь возникал такой свет в «Сосне драконьего фонаря», стоявшей в храмовом саду⁷⁷⁹.

Перед буддийской часовней Касай Якуси (笠井薬師), расположенной на горе к северу от Окаяма, в провинции Бидзэн, стояла «Сосна драконьего фонаря». Каждую ночь, в особенности летом, там были видны блуждающие огоньки⁷⁸⁰.

§ 5. Приливные камни, связываемые с драконьими фонарями.

На вершине Канэяма, горы, располагавшейся очень близко к вышеупомянутой часовне Касай Якуси, лежал большой камень с дырой, площадью около *сяку*. Когда прилив бывал высоким, эта дыра заполнялась водой, а когда низким — высыхала⁷⁸¹. Похоже, эти камни считались связанными с драконами, посылавшими драконьи фонари, так как и на мысе Сата в районе Хара, провинции Тоса (30 *ри* к западу от Коти) в те же времена (1746) был так называемый Уси-иси (潮石), или «Приливный камень», вогнутый, заполнявшийся водой при высоком приливе и пустевшем при отливе, а в том же месте, рядом с синтоистским храмом Асидзури-но Мёдзин (蹉跎ノ明神), из моря появлялся драконий фонарь одновременно со спусканием с неба Божественного Света (*тэнто*, 天燈). Последний был одним из семи чудес того места. Еще одним из этих чудес была лошадь-дракон, выходявшая иногда в час быка (01–03 ч.) и поедавшая побеги бамбука, который по этой причине постепенно захиревал в окрестностях храма⁷⁸².

Связь между приливными камнями и драконами немедленно напоминает нам о легендах про Тоётама-хико, морского бога, давшего сокровище прилива Хико-хоходэми⁷⁸³, и про императрицу Дзингу, которой помогали боги Касуга и Каваками с помощью драгоценностей высокого и низкого приливов, взятых у Сагара, Царя-Дракона⁷⁸⁴.

§ 6. Свет в горах и драконий фонарь Гаммокудзан в провинции Эттю

*Тоюки кохэн*⁷⁸⁵ говорит следующее о храме школы Дзэн в районе Ниикава, провинции Эттю, называвшемся Гаммокудзан (眼目山), или Саккадзан. Когда этот храм был открыт его основателем, монахом Дайтэцу, учеником Догэна (道元, Сёё Дайси, 1200–1253), ему помогали бог гор и бог-дракон, являя всяческие чудеса. Еще во времена автора (вторая половина XVIII в.) ежегодно в 13-й день 7-го месяца

⁷⁷⁶ С. 436.

⁷⁷⁷ См. *Будзэн кокуси*, 豊前国志, написано в 1865 г. Такада Ёситика, 高田吉近, который не называет свет драконьим фонарем, однако заявляет, что он появлялся и при его жизни.

⁷⁷⁸ *Юхо мэйсё ряку* (1697), Гл. VI, с. 16.

⁷⁷⁹ *Торюки кохэн*, с. 113.

⁷⁸⁰ *Хонтё дзокудэнси* (1746, см. выше, Книга II, Гл. V, пар 7), Гл. IV, с. 10.

⁷⁸¹ Там же.

⁷⁸² *Сёкоку ридзиндан* (1746), Гл. III, Разд. VI, с. 928.

⁷⁸³ См. выше, Книга II, Гл. I, пар 6.

⁷⁸⁴ См. выше, Книга II, Гл. I, пар 7.

⁷⁸⁵ *Дзюки кохэн*, написано в 1797 г. Татибана Нанкэем 橘南谿, (1752–1805), *Дзоку Тэйкоку бунко*, т. XX (*Кико бунсю*, 紀行文集), с. 113.

(возможно — дата открытия храма) два источника света появлялись на вершущке сосны в храмовом саду. Один из них (принадлежавший богу гор) прилетал с вершины горы Татэяма, а другой (бога-дракона) поднимался из моря, и оба останавливались на сосне. Их называли Горный свет и Драконов фонарь (Санто, Рюто); их видели каждый год окрестные жители. «Хотя, — говорит Татибана Нанкэй, — есть много случаев, когда фонари драконов появляются из моря, это редко случается одновременно с горным светом, да еще на одной и той же сосне, как в случае с этим храмом».

§ 7. Драконий фонарь Каннон в Рюкодзи.

На Итодзаки-яма в провинции Этиидзэн, района Ханнан (современный Сакаи) есть буддийский храм Рюкодзи (龍興寺, «Храм подъема дракона»), построенный китайским монахом, прибывшим из Китая на спине громадной черепахи, привезя с собой драгоценное изображение Каннон. Приближаясь к берегу, черепаха испустила мощный луч света, и увидевшие это рыбаки вышли их встречать и вынесли образ на берег. Храм был посвящен этой Каннон, и каждую ночь там появлялся синий дракон в так называемой «Сосне драконьего фонаря», неся с собой свет во славу этого божества. Когда он появлялся, вместе с ним являлось большое количество святых служителей, одетых в величественные одежды, от которых по воздуху разливалась божественная музыка. Монахи могли их видеть, однако простым людям была слышна лишь музыка⁷⁸⁶.

§ 8. Томё-дакэ, Кумано Гонгэн в Ногами; Комёдзи в Камакура; Дзэнкодзи в Нагано.

Иногда вершину горы называли в честь драконьего фонаря, как это было, напрмер, с Томё-дакэ (燈明嶽), или «Вершина Света» в провинции Кавати, районе Исикава (современный район Минами Кавати), где такой свет появился в Кокидэра, буддийском храме, божество-покровитель которого был синтоистским горным богом Ивабунэ Мёдзин⁷⁸⁷. В последнюю ночь года, в час быка (01–03 ч.) обычно был виден драконий фонарь рядом с храмом Кумано Гонгэн в деревне Ногами, провинции Суво, и, в то же самое время, другой «священный свет» (*синка*, 神火) прилетал, быстрый, как стрела, с соседней «Горы драконьей пасти». Поклоняясь этому свету, деревенские жители вступали в Новый год⁷⁸⁸.

Другой драконий фонарь, как говорили, ежегодно поднимался из моря к облакам в окрестностях Комёдзи (光明寺), «Храма Яркого Света» в Камакура на протяжении двух ночей во время храмового праздника, который длился десять дней⁷⁸⁹. А с 14 по 16 седьмого месяца подобный же свет взлетал из Сайкава, реки в провинции Синано, и, прыгая по вершинам деревьев, освещал юго-западный фронтон главного строения Дзэнкодзи, значенитого буддийского святилища в Нагано⁷⁹⁰.

§ 9. Свет в Ёцукура.

Прославленный драконий фонарь был в Ёцукура, деревне на побережье провинции Хитати. Его описывали, как блестящий огненный шар, одного *сяку* в диаметре, распростравший очень яркий свет. Рыбаки объясняли это (как и все прочие так называемые драконьи фонари) массами летучих насекомых, рождающихся над водой, которые рассеиваются и исчезают, как только к ним приближаются люди. Поэтому они никогда не появляются во время шторма и дождя (потому что они боятся шума). «Иногда, — говорят они, — эти насекомые сцепляются в единую массу, которую можно увидеть висящей на вершине деревьев, или на свесах крыш храмов, и которая выглядят, как огненный шар. Так называемые *сирану-би* (不知火, “неизвестный огонь”) — то же самое»⁷⁹¹.

⁷⁸⁶ *Юхо мэйсё ряку*, Гл. V, с. 16.

⁷⁸⁷ Там же, Гл. IV, с. 59.

⁷⁸⁸ *Сёкоку риндзиндан*, Гл. III, Раздел VI, сс. 928.

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ *Хонтё дзокугэнси*, Гл. III, с. 8.

⁷⁹¹ *Осю—банаси, Онти сёсё* (温知叢書), т. XI, с. 50, 52.

Большее количество деталей о свете в Ёцукура можно найти в *То-о кико*⁷⁹², где говорится, что он движется, плывя по воде от моря по реке Камадо вверх до ручьев в долине.

У подножия горы Акаи-дакэ он взлетает, и вскоре его можно видеть висящим между ветвей большой криптомерии, покуда он не исчезнет в глубине леса, а за ним следуют другие источники света, бесконечной чередой, с вечера и до рассвета. При ярком свете луны световые точки маленькие, но темными ночами они большие, как огненные шары, или факелы. Странно, но увидеть их можно лишь с так называемого Энсэки (Ласточкиного камня) на выступающей части горы. Автор называет их *инка* (陰火, огни *инь*), — выражение, заимствованное из китайских книг, и сравнивает со «Священными Огнями» (神燈) и «Холодным пламенем» (寒炎), упоминаемыми китайскими авторами.

§ 10. Огни в Усидзима, Исидодзан и Курикара.

В последнюю ночь года — время, когда появляется много драконьих фонарей, как говорит нам вышеприведенная легенда — три странных света появлялись из различных мест рядом с островом Усидзима и соединялись вместе, а затем летели к «Сосне Драконьего Фонаря» у Асахидзан Дзёнитидзи, буддийского храма в Хими, маленьком местечке в провинции Эттю, районе Хими, и были видимы висящими между ветвей⁷⁹³. Это был также тот драконий фонарь, который буддийский монах Нансан видел на старой сосне, когда переходил гору Исидодзан в 806 г.; там появился Амида Нёрай, сидевший на прекрасном облаке. Нансан построил буддийский храм на том месте и поместил в нем изображение Амида Нёрай. Четыре века спустя, когда император Дзюнтoku (1211–1221) прибыл в провинцию Садо, и его корабль стало бросать по волнам жестокой бурей, внезапно раторского судна, которое благополучно смогло достичь берега⁷⁹⁴.

В горах Курикара⁷⁹⁵ являющимися границей между Эттю и Кага, был храм школы Сингон под названием Тёракудзи, или Курикара-сан с изображением Фудо Мё-о. В этом святилище творились невозможные чудеса; оно было также знаменито «Горным светом» и «Драконьими фонарями»⁷⁹⁶.

§ 11. Блуждающие огоньки в целом. Драконий фонарь — единственный, возникающий из моря и летящий в горы.

Не только в связи с драконьими фонарями, но и в других отношениях старые сосны были известны появляющимися на них блуждающими огоньками. Так, мы читаем о «сосне золотого огня» на дороге из Комацу в Канадзава, где видели, как фосфоресцирующий свет, т. наз. *ринка* (磷火), или *кинка* (金火, золотой огонь), взлетал и опускался. Однако, этот огонь не приходил с моря, подобно драконьим фонарям, но приписывался тому факту, что ранее под этим деревом обезглавливали преступников, чья кровь, проникая в землю, становилась так наз. *кирин* (鬼燐), или «огнем демонов»; еще одна версия — некто в великом возбуждении совершил самоубийство на этом месте, и «огонь его сердца зажег сосну»⁷⁹⁷.

Идея того, что кровь вызывает подобные магические огоньки, позаимствована из Китая; мы читаем у де Гроота⁷⁹⁸, что кровь, идентифицированная с *цзин ци*, дыханием, или духом *ян*, переполняемым жизненной энергией, в особенности — кровь человека, убитого оружием, а также лошадей и коров, вызывает блуждающие огоньки. Это — огоньки душ, часто наблюдаемые на полях сражений. Идентифицирование крови и души — не единственно китайская концепция⁷⁹⁹, мы обнаруживаем ее среди некоторых индейских племен Северной Америки, о чем сказано у Фрэйзера в «Золотой Ветви»⁸⁰⁰. Что касается Китая, то там верили, что блуждающие огоньки возникают в особенности на старых деревьях и от ста-

⁷⁹² 東奥紀行, написано в 1760 г. Нагакубо Гэнсю, 長久保玄珠, и цитируется Курихара Рю-ан в его *Рю-ан дзуйхи-цу*; *Хякка сэиурин*, т. 續下二, с. 487.

⁷⁹³ *Сансю кидан кохэн* (1779), Гл. VII, с. 990.

⁷⁹⁴ *Сансю кидан* (1764), Гл. IV, с. 815.

⁷⁹⁵ См. выше, Гл. V, § 8; Курикара Мё-о — Фудо Мё-о в облике дракона.

⁷⁹⁶ *Сансю кидан*, Гл. V, с. 835 (*санто, рюто*, 山燈龍燈).

⁷⁹⁷ Там же, Гл. II, с. 713; «Золотой огонь Хатимана».

⁷⁹⁸ *Religious System of China*, Vol. IV, p. 80.

⁷⁹⁹ De Groot, I. I., Vol. I, pp. 217, 268, note 2.

⁸⁰⁰ Vol. I (second edition), p. 353.

рой крови⁸⁰¹. Также считалось, что демоны вызывают блуждающие огоньки, что ясно показывают слова *кирин* и *они-би* (鬼火), «демонический огонь». Более того, животные, с древности считающиеся оборотнями, такие, как *тануки* и *мудзина*, особенно примечательны в этом отношении⁸⁰².

Кроме *тануки-би*, *кицунэ-би* (барсучий и лисий огонь) и *они-би*, блуждающие огоньки назывались еще *инка* (陰火, или огонь *инь*, Огонь Тьмы), *кумо-но хи* (蜘蛛ノ火, паучий огонь), *кайгэцу-но хи* (海月ノ火, огонь морской луны)⁸⁰³, *сускэ андо* (煤行灯, закопченный фонарь), или *бодзу-би* (坊主火), монашеский огонь⁸⁰⁴. Однако, не всегда демоны⁸⁰⁵, или старые животные, или драконы вызывали блуждающие огоньки; они также считаются не только проявлениями озлобленных душ мертвых⁸⁰⁶, ибо будды и синтоистские божества также могут производить эти чудесные *бурари-би*, или «покачивающиеся огоньки». Сам Амида Нёрай, как мы видели выше, появлялся с драконьим фонарем на Исидодзан, а название *Буцу-то* (佛燈), или «Буддийские огни» есть достаточное свидетельство такого верования. Что касается синтоистских божеств, то мы можем упомянуть блуждающие огоньки рядом с деревней Гофуку в Эттю, которые, как считалось, вызваны ревнивым духом богини Фукура-химэ-но Микото, чей супруг, бог Ното-хико, во время ее отсутствия, взял вторую жену, из-за чего она забросала его храм камнями⁸⁰⁷. А в 1770 г. бог Санно произвел священный свет (神燈, *синто*) посреди ночи в зале поклонений его храма в Сэбамати, у западного устья Намикава. Через две ночи он потушил его, после того, как ему были сделаны подношения, а также в его честь исполнены танцы *кагура*⁸⁰⁸.

Итак, мы видим, что в Японии существует большая вариативность блуждающих огоньков. Однако, драконьи фонари — единственные, возникающие из моря и летящие к горам; все остальные возникают и пребывают в лесах, либо летят оттуда к морскому побережью, где иногда падают в воду⁸⁰⁹.

Причина этого различия очевидна: драконьи фонари считаются подношениями, делаемыми морскими драконами божествам, буддам, или бодхисаттвам в горах, тогда как прочие огни, напротив, приписываются самим этим божественным существам, или демонам, животным, или духам умерших, которые все пребывают в горах и лесах, либо — на травянистых равнинах полей сражений.

⁸⁰¹ De Groot, 1.1., Vol. IV, p. 80.

⁸⁰² См. мою статью *The Fox and the Badger in Japanese Folklore*, Transactions of the Asiatic Society of Japan, Vol. XXXVI, Part III, pp. 151 seq., 156.

⁸⁰³ *Сансю кидан кохэн*, Гл. VI, с. 955 seq.

⁸⁰⁴ *Сансю кидан*, Гл. III, с. 752.

⁸⁰⁵ *Мати*, 魔魅, см. *Сансю кидан*, Гл. III, с. 770.

⁸⁰⁶ *Сансю кидан*, Гл. I, с. 664; Гл. V, с. 840.

⁸⁰⁷ *Сансю кидан*, Гл. V, с. 840.

⁸⁰⁸ *Сансю кидан кохэн*, Гл. VIII, с. 1001.

⁸⁰⁹ См. *Сансю кидан кохэн*, Гл. VI, с. 956: рыбак поймал их в сети, однако бесчисленные маленькие огоньки проскользнули сквозь ячейки, взлетели и слились в один массивный огненный шар, улетевший прочь; вероятно, говорит автор, это было превращение старой крови.

ГЛАВА VII.

КИТАЙСКИЕ ДРАКОНЬИ ЯЙЦА В ЯПОНИИ.

§1. Зародыш дракона оставался в яйце три тысячи лет.

В XVI в. нашей эры японский автор⁸¹⁰ говорил о старой (наверняка — китайской) традиции, в соответствии с которой зародыш дракона на протяжении тысячи лет живет в море, еще тысячу лет — в горах, и после того, как побудут среди людей («в деревне», сказано в тексте) такой же долгий период, наконец рождаются, становятся драконами и улетают на небо⁸¹¹. На протяжении этих трех тысяч лет фетус пребывает в очень маленькой змейке внутри камня, драконьего яйца, которое сперва лежит на дне моря, затем переходит в горы (каким образом — не объясняется), где после тысячи лет его подбериает кто-то и относит к себе домой, где хранит по причине его красивой раскраски, или использует в качестве чернильного камня (*судзури*, 硯). Поскольку во всех случаях он обладает чудесной способностью непрерывно источать воду (элемент дракона), т.е. это действительно очень удобный чернильный камень⁸¹². Однако горе тому, кто обладает таким камнем в конце тысячелетнего периода, который плод должен провести среди людей, ибо, тогда камень трескается и из него выползает маленькая змейка, которая через несколько мгновений становится все больше и больше, и со страшным шумом прокладывает себе путь в небо, разбивая крышу среди грома и молний и взлетая в темное облако. Маленькая рептилия превращается в громадного четырехногого дракона, который оставляет узкие рамки человеческого мира и освобождается таким кошмарным способом.

§ 2. Драконы, рождающиеся из красивых камней, подобранных в горах.

Замечательный чернильный камень хранился в древности, говорится в *Киш дзодансю*⁸¹³, в дзэнском монастыре в Канагава, провинция Мусаси. Из него непрерывно выходили капли воды, и никто не мог понять природу этого странного феномена. Однажды, в очень жаркий летний день, когда монахи сидели все вместе в прохладной комнате, внезапно чернильный камень треснул сам собой, и маленький червь, около 2 бу (0.24 дюйма) выполз из него. Монахи хотели его убить, но настоятель запретил им делать это и бережно вынес его на веере в сад, где положил у лотосового пруда. Все монахи последовали за ним, и пока они смотрели на червя, они с удивлением наблюдали, как тот, сжимаясь и растягиваясь, все рос и рос в размерах. В большом страхе они побежали обратно к дому, но и там вскоре не могли чувствовать себя в безопасности, поскольку небо, до этого совершенно чистое, мгновенно затянулось облаками, загремел гром и заблестала молния, и кромешная тьма окутала сад и все строения. Тогда все они выбежали из ворот и издалека увидели дракона, поднимавшегося в небо в огромном облаке: сперва его голова, затем туловище с четырьмя лапами, и, наконец, громадный хвост. Когда он исчез, облака рассеялись, а небо стало таким же чистым, как и ранее. Однако, сад, пруд и строение были в ужасном состоянии. Тем временем люди из окрестных деревень прибежали на помощь, посчитав, что монастырь объят пожаром.

⁸¹⁰ *Киш дзодансю* (1532—1554), Гл. III, с. 16.

⁸¹¹ См. выше, Книга I, Гл. III, § 16, с. 88 sqq.

⁸¹² В *Хякка сэцуриин* (т. 続下二, с. 487) мы находим следующие названия чернильных камней: *Рюрингэцу-кэн*, 龍鱗月硯, или «Лунный чернильный камень драконьей чешуи», и *Рюби-кэн*, 龍尾硯, «Чернильный камень драконьего хвоста».

⁸¹³ Гл. V, с. 1.

Писатель XVIII в. Киути Сэжитэй⁸¹⁴, описывает такой же инцидент, случившийся в Канадзава (а не в Канагава). Далее, он упоминает круглый камень, который был подобран мальчиком в горах рядом с Саммон, в провинции Оми. Поскольку из него всегда сочилась вода, мальчик впоследствии использовал его для смачивания своей чернильницы. Через пятьдесят лет, когда он получил ранг Архиепископа — камень, очевидно, принес ему преуспевание — странный предмет раскололся, и дракон поднялся в небо, пробив потолок и крышу. Этот камень все еще существовал во времена Сэжитэя, и в его середине было отверстие размером с боб.

Подобное же драконье яйцо использовалось буддийским монахом в Морияма, провинции Оми, в 1774 г. для размалывания чая, покуда не родился дракон и не взлетел в небо, оставив в середине камня круглую дыру.

В другом случае такое яйцо было распознано заранее великим ученым, глубоко начитанным в китайской литературе, знаменитым Ито Дзинсаем⁸¹⁵, предупредившим придворного, сказав, что находящийся у него прекрасный камень, квадратный и пятицветный, есть драконье яйцо, и что лучше бы выбросить его в отдаленное место. Тот послушал ученого и построил небольшой синтоистский храм в открытом поле вдалеке от столицы, в который и поместил камень. Через несколько лет храм был разрушен драконом, который поднялся в небеса. Это был так называемый *рюсё-сэки*, 龍生石, или «Камень, порождающий дракона»⁸¹⁶.

Название «Камень драконьей лошади» (*рюмэ-сэки*, 龍馬石) было дано другому замечательному камню, белому, как хрусталь, величиной с ладонь, лежавшему на полке у самурая из провинции Хидзэн. В его центре было видно шевелящееся существо, и камень сам поворачивался со стороны на сторону. Однажды этот человек поставил чашку, наполненную водой, на полку, а, когда вернулся, чашка была пустой. На следующий день он проделал такой же эксперимент с большим кувшином, и, пока он говорил со своими гостями в соседней комнате, они услышали шум ветра и волн. Они немедленно пошли посмотреть, в чем дело, и обнаружили ящерицу (*токагэ*, 石龍子, букв. «маленького каменного дракона»), бегущую от кувшина к камню, в котором она и исчезла⁸¹⁷.

Два «камня, порождающих змей» (*сё-дзя-сэки*, 生蛇石)⁸¹⁸ были обнаружены в норе в Киото в 1762 г., а в 1780 г. ребенок подобрал в горах «золотой змеиный камень» (金蛇石). Из него постоянно капала вода, покуда его не сварили, убив при этом дракона внутри. Когда камень раскололи, внутри обнаружили маленькую золотистую змейку⁸¹⁹.

Хотя это и не были драконьи яйца, мы можем упомянуть здесь два камня, связанные, как считалось, с драконами. Один из них — большой камень, лежавший в углублении, образовавшемся от водопада, рядом с деревней Каяо в районе Инуками, провинции Оми, принадлежавший, как говорили, богу-дракону того места и называвшийся деревенскими жителями «Камень Бога-Дракона» (龍神石, *рюдзин-сэки*). В эру Кёхо (1716–1735) пять, или шесть человек пришли к окрестным жителям и попросили их продать им женские волосы сплести веревку, с помощью которой они собирались отнести камень, как подношение Богу-Дракону Сэта. Через некоторое время камень действительно исчез, однако он был слишком тяжел, чтобы человеческие руки могли его унести (вероятно, те мужчины были превратившимися драконами)⁸²⁰. Второй камень, черного цвета, около трех *сяку* в длину, лежал в саду; говорили, что он может нагнать тучи даже на чистое летнее небо, если к нему кто-либо прикоснется. В 1764 г. камень был уже не вне, но внутри замка, так что проводить эксперименты не было возможности. «Вероятно, — говорит Хотта, автор Сансю Кидан, — это — так называемый 'облачный корень' (雲根, *ун-кон*)»⁸²¹.

Следующие детали мы находим в *Сёсан тёмон кисю* (1849)⁸²². Настоятель монастыря школы Сингон имел так называемый драконий драгоценный камень (龍ノ玉, *рю-но тама*), считавшийся чрез-

⁸¹⁴ 木内石亭, 1722–1801, в *Унконси кохэн*, 雲根志後編, «Продолжение записок о корнях облака», написано в 1779 г.; Гл. II, с. 2. Первый том этой работы (*дзэмлэн*) вышел в 1772 г., а третий (*самлэн*) — в 1801 г.

⁸¹⁵ 伊藤仁斎, *кангакуся*, 1626—1705.

⁸¹⁶ *Унконси кохэн*, Гл. II, с. 8.

⁸¹⁷ Там же, Гл. II, с. 10.

⁸¹⁸ Там же, Гл. II, с. 12.

⁸¹⁹ Там же, Гл. III, с. 7.

⁸²⁰ Там же, Гл. II, с. 13.

⁸²¹ *Сансю кидан*, Гл. IV, с. 788.

⁸²² *Дзоку Тэйкоку бунко*, т. XLVII, *Кинсэй кидан дзэнсю*, Гл. IV, сс. 572 seqq.

вычайно ценной вещью. В облачные дни он немедленно становился влажным, а когда шел дождь был совсем мокрым. В действительности, это был не драконий драгоценный камень, а драконье яйцо (*рю-но тамаго*, 龍ノ卵). Вылупляются из таких яиц посреди бури и дождя; затем они разрушают даже дворцы и вырывают с корнем большие деревья, поэтому их советуют выбрасывать заранее в пустынных местах в горах. Настоятель, однако, не посчитал необходимым принимать меры предосторожности с драконьим яйцом, находившимся в его распоряжении, так как оно было мертвым. «Тридцать лет назад, — говорил он, — яйцо мокрело, как только становилось облачно, а его блеск был великолепен; позже, однако, оно не выделяло влаги даже в дождливые дни, и не росло, так что оно очевидно мертво». Миёси Сёсан (автор) лично пошел в монастырь, чтобы увидеть это чудесное яйцо, и приводит его рисунок (с.573), на котором внутри изображен зародыш дракона. Его размеры: длина — 4 сун, 8 бу; ширина — 4 сун, 6 бу; он был похож на «камень-топор-грома алмазной природы» (玉質雷斧石, *гёку-сицу рай-фу-сэки*, называвшийся людьми Тэнгу-но оно 天狗ノ鉄, или «Топор Тэнгу»), однако казался еще тверже и острее, чем они. Он был красного цвета, с сине-серым отсветом, точно как камни горного топора, однако его блеск больше напоминал стекло, чем у последних. На яйце были несколько крапин, которые Сёсан счел грязью, оставленной драконом, снесшим его.

§ 3. Камни грома.

В том же монастыре хранится так называемый «рагоценный камень грома» (雷ノ玉, *рай-но тама*, или 雷玉, *рай-гёку*), который в 1796 г. упал с неба во время сильной бури, когда в землю рядом с Хасэда ударила молния. Он был белого цвета, с небольшими сине-серыми прожилками, похожий на сердолик, или мрамор. Такие грозовые бури назывались «громовыми топорами» (*райфу*, 雷斧), «громовыми ножами» (雷刀, *райто*), «громовыми молотками» (*рай-цуй*, 雷槌), «громовыми валунами» (雷礮, *райтан*), «громовыми кольцами» (雷環, *райкан*), «громовыми жемчужинами» (雷珠, *райсю*), «громовыми столбами» (雷楔, *райкэцу*), «громовыми чернилами» (雷墨, *райбоку*), «громовыми мечами» (*райкэн*, 雷劍), «громовыми булавками» (*райсан*, 雷鑽) и т.д. Их находят в местах, куда ударила молния. Черные — громовые топоры, белые с синими прожилками — громовые кольца, пурпурные с красны — громовые булавки. Если это не камень и не земля, но — лампа, или лакированное изделие, то здесь мы имеем дело с громовыми чернилами. Вышеупомянутые образцы являлись, по мнению Сёсана, разновидностью громовых жемчужин⁸²³. Из этого отрывка мы узнаем, что доисторические каменные орудия и утварь считались китайцами (ибо все их названия заимствованы из китайских трудов), а их имитации — японцами, как появившиеся от удара молнии; ту же концепцию мы находим повсеместно у примитивных народов. Разумеется, метеоры также считаются брошенными молнией на землю, либо — упавшими звездами. Что касается дракона, то его связь с дождем и громом возникла, очевидно, задолго до его рождения и проявляется наинагляднейшим способом сразу же после его рождения.

⁸²³ См. De Groot, *Religious System of China*, Vol. V, p. 866, где «камни молний» (霹靂礮), «громовые валуны» (雷楔, ср. 楔 в японском тексте), как считается, снимают воздействия яда-ку. На следующей странице де Гроот упоминает громовые молотки, громовые чаши, громовые топоры (предположительно использовавшиеся Богом Грома, чтобы разбивать различные предметы), громовые кольца (потерянные этим богом) и громовые жемчужины.

ГЛАВА VIII.

ТАЦУМАКИ, (龍卷) ИЛИ «ДРАКОНЬИ СВИТКИ».

Работы XVIII–го и XIX вв. объясняют сильные смерчи, вызывавшие водяные смерчи, которые в мгновение уничтожали предметы рук человека и все, что попадалось им на пути, поведением драконов, поднимающихся в небо. Соответственно, огромные колонны воды, выбрасываемые в воздух этими водяными смерчами, называются *тацумаки*, или «драконьими свитками».

§ 1. Драконы, взлетевшие на небо.

Помимо *тацумаки* мы можем вспомнить два отрывка из *Юхо мэйсё ряку* (1697), где говорится о том, как драконы взлетали в небо. В первом отрывке говорится о Тацута — месте, где Богу–Ветра поклонялись с незапамятных времен⁸²⁴, название которого приписывается тому факту, что там дракон поднялся в небо. Это был сам Бог–Грома, который в облике мальчика упал на Тацута–яма (район Хигури, провинция Ямато), в тридцати–сорока *тё* к юго–западу от Нара. Крестьянин взял ребенка к себе и воспитал его, и с того времени ветер и дождь в окрестностях той деревни были очень благоприятны. После ребенок обратился драконом и улетел на небо.

Второй отрывок⁸²⁵ объясняет название Сэннин–дзука (仙人塚, или «могила *сянь*») в деревне Наруми, района Аити, провинции Овари, как место, где в стародавние времена китайский *сянь* (*сэннин*), приплывший на этот берег на стволе дерева, жил там долгое время, покуда, наконец, не обратился драконом и не поднялся в небеса. Его душа почиталась в «Храме Небесного Дракона» (Тэнрю–но Мия, 天龍宮), построенном рядом с тем местом, где он жил.

В *Вакан сансай дзуэ* (1713)⁸²⁶ описывается, как в озере Бива человек увидел змейку, около *сяку* в длину, плывшую к берегу, взобравшуюся на водяной тростник, поизвивавшуюся, вновь сползшую на воду и плававшую по ее поверхности; она повторяла это несколько раз. Понемногу змея становилась все больше, покуда не выросла до 1 *дзё* (10 *сяку*); затем она поднялась в небо, которое какое–то время было затянуто черными облаками. Оно стало совершенно непроглядным, так что виден оставался лишь драконий хвост; пошел проливной дождь, покуда дракон не скрылся в небе, после чего стало так же ясно, как и прежде. «Поднятие на тростник и извивания, — говорит автор, — были, вероятно, приготовительными упражнениями перед тем, как подняться на небо».

§ 2. Тацумаки в Эдо.

В *Итыва итигэн*⁸²⁷ упоминается *тацумаки*, возникшее в 1735 г. в окрестностях Дворца–Особняка в районе Сиба в заливе Эдо, и уничтожившее крыши многих домов в районах Кёбаси и Нихонбаси; одновременно прошел сильный дождь и стало совершенно темно.

В эру Кансэй (1789–1800) в Эдо жил буддийский монах, ходивший по окрестностям и предрекавший, что вскоре дракон поднимется в небо посреди сильной бури, почему он советовал людям оста-

⁸²⁴ См. выше, Книга II, Гл. III, § 1.

⁸²⁵ Гл. VIII, с. 47.

⁸²⁶ Гл. XLV (龍蛇部), с. 673.

⁸²⁷ 一話位置言, написано Ота Нампо, 太田南畝 (1748—1823), Гл. XL, с. 41.

ваться в своих домах. Когда самурай спросил его, откуда это стало ему известно заранее, монах ответил: «Я знаю об этом из опыта. Когда небо остается чистым долгое время, и вдруг начинает идти дождь, как сейчас, друкон поднимается в небо». «Может быть, ты сам — этот дракон?» — спросил самурай, и, когда монах ответил утвердительно, попросил его подняться в небо немедленно. «Я не могу этого сделать, — ответил служитель, — поскольку у меня нет воды». «Нет воды? — воскликнул тот. — Да в соседней реке ее сколько хочешь!» «Она бесполезна для меня, — заметил монах, — так как это — проточная вода, а мне нужна вода небесная (дождь)». «Ну, тогда я дам тебе немного дождевой воды», — сказал самурай, и дал ему бутылку с водой от чернильного камня (использовавшегося для смачивания *судзури*). Монах взял ее и, радостный, пошел прочь, заявив, что теперь-то он улетит на небо. И действительно, несколько дней спустя внезапно разразилась сильнейшая буря, сопровождавшаяся сильным ветром и проливным дождем. Когда она стихла, деревья и трава стали совершенно черными. Один самурай знал этому причину: то была чернильная вода, которую он дал монаху, а тот использовал для подъема в облака. Автор *Миякавася мамтцу*⁸²⁸ слышал эту историю от сына самурая, а тому ее рассказал отец.

В 1744 г. возникновение сильных приливных волн, разрушивших маленькое синтоистское святилище рядом с заливом Эдо, а также несколько домов в самом Эдо и поваливших деревья, при чем было убито много людей, приписывалось дракону⁸²⁹.

Другой *тацумаки* возник в эру Тэммэй (1781–1788), когда дракон вылетел из знаменитого пруда Синобадзу в Уэно (Эдо). Черное облако возникло из пруда и уничтожило все дома в округе. Об этом писал Огава Кэндэ 小川顛道 в своем труде *Дзинтёдан*⁸³⁰, который добавляет, что этот дракон часто взлетает летними днями из моря в провинциях Садо, Этиго и Эттю. «Тогда опускается, — пишет он, — черное облако с неба, а вода в море, как водопад наоборот, с шумом поднимается вверх и соединяется с облаками. По традиции считается, что в это время дракон переходит из воды в облако... Рассмотрев случай, когда дракон вылетел из пруда Синобадзу, мы приходим к выводу, что драконы лежат на дне даже маленьких прудов, и что вода, в соответствии с погодой, поднимается, а облако спускается вниз, так что небеса и земля соединяются, и дракон может вознестись на небо».

§ 3. *Тацумаки* на море.

В 1796 г. рыбацьи лодки потонули, и все их команды погибли, преследуя кита в море рядом с Касима-но ура в провинции Хитати. Они попали в «драконье завихрение», которое внезапно покрыло небо темными облаками и сделало поверхность моря совершенно черной⁸³¹.

В *Сёсан тёмон кисю*⁸³² говорится, что морская выдра, поднявшаяся из моря в темном облаке и исчезнувшая в небе, проделала это тем же образом, что и «змеи-драконы». Происшествие описано так. На ясном небе внезапно появилось темное облако, в миг закрывшее все небо. Сильная буря возбудила волны и поднала в воздух песок; дождь полил потоками, горы затряслись. Охотник увидел таинственное существо, поднимающееся из моря в облако и улетающее в небо. Немедленно с оглушительным шумом облако полетело прямо в направлении охотника, и он увидел в его середине яркий свет. Когда он выстрелил в него пулей, оно рассеялось, дождь прекратился, и буря утихла. Несколько дней спустя на берегу обнаружили большую умирающую выдру с пулевым ранением глаза.

На следующей странице автор цитирует *Кодзи инъэнсю*⁸³³, где говорится, что в море Ивами рыбы поднимались в небо и становились «рыбами-драконами» (魚龍), а в примечании мы находим слова о том, что «есть несколько тысяч драконов, посланников божественных *сэннин* (神仙), и среди них есть

⁸²⁸ 宮川舎漫筆, написано в 1858 г. Миякава Сэйуном, 宮川政運; Гл. V, с. 13.

⁸²⁹ *Мадо—но сусами*, 窓ノ須佐美, написано Мацудзаки Гёсином, 松崎堯臣 (1681—1753), *Онти сосё*, т. VII, с. 130.

⁸³⁰ 塵塚談, написан в 1814 г.; *Онти сосё*, т. IX, с. 12.

⁸³¹ *Хитоё—банаси*, «Повести одной ночи», написаны в 1810 г. Маки Бокусэном, 牧墨僊; Гл. II, с. 9.

⁸³² Гл. II, с. 218.

⁸³³ 故事因縁集, автор неизвестен; вероятно, работа периода Токугава.

'рыбы–драконы' и 'выдры–драконы' (獺龍, *дацу-рю*), которые могут принимать всевозможные формы»⁸³⁴.

Забавный способ отгонять *тацумаки* описан в *Юхисай сакки*⁸³⁵. Темное облако опустилось на судно, плившее из Эдо в западном направлении, и моряки испугались, что дракон собирается поднять корабль и унести его на небо. Чтобы отпугнуть дракона, они срезали себе волосы и подожгли их. И, действительно, кошмарный запах, очевидно, явился для дракона чрезмерным испытанием, поскольку облака немедленно рассеялись.

Драконы любят деньги. Однажды, когда бушевал *тацумаки*, на землю упала пустая вязка для денег; монеты, очевидно, снял дракон, после чего выбросил веревку. В другой раз корабль с большим количеством денег на борту, был атакован драконом в виде жестокого шторма. Он пошел ко дну, и все попытки поднять ящик с деньгами пресекались жадными драконами, поднимавшими бурю каждый раз, когда люди пытались отнять их добычу⁸³⁶.

§ 4. Змеи, поднимающиеся в облака, как драконы.

Странный рассказ мы находим в *Фудэ–но сусаби*⁸³⁷, о женщине, у которой сильно болела голова в день, когда разразилась сильнейшая буря. В это время из ее головы вышла маленькая змейка, выскочила за дверь и поднялась в небо в черном облаке, появившемся совершенно внезапно.

В *Мими–букуро*⁸³⁸ представлена легенда о большой змее, жившей под верандой дома, которую ежедневно кормили тамошние обитатели. Если девушка, безуспешно желавшая выйти замуж, кормила эту змею и молилась ей, то очень скоро следует женитьба. Однажды, в третий месяц второго года эры Тэмэй (1782) животное выползло на веранду и улеглось там, как будто заболело. Пока муж с женой бережно ухаживали за ним, было облачно и непрерывно шел дождь. Змея подняла голову и посмотрела в небо, когда в сад спустилось облако. Затем животное выпростало свое тело и среди густого дождя поднялось в небеса.

⁸³⁴ О «собаках–драконах» (狗龍), разновидности кротов, живущих под землей, часто появляющихся в домах и пожирающих старых женщин, говорится в *Сансю кидан* (Гл. II, с. 732, cf. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, Vol. XXXVII, Part I, p. 32); а также о «золотых драконах» (金龍), вместе с «лисами–духами» (氣狐), которых показывал публике чародей в Киото (*Сансю кидан*, Гл. ШМб сю 821). В Гл. III (с. 517) *Сёсан тёмон кисю* мы читаем, что большие змеи (особенно так называемые *сэндзя*, 蝮蛇, или *увабами*), а также маленькие змейки являются разновидностью драконов, вызывающие дождь и ветер и взлетающих в небо. Все змеи входят в класс драконов.

⁸³⁵ 有斐斎筈記, написано Минагава Киэном, 皆川淇園, 1733–1807; цит. в *Тоюки*, *東遊記*, написано в 1795 г. Татибана Нанкэем, 橘南蹊; *Кохэн*, 後編, Гл. III, *Дзоку Тэйкоку Бунко*, т. XX, с. 129.

⁸³⁶ *Сайюки*, *西遊記*, написано в 1797 г. автором *Тоюки*. Гл. II, с. 259.

⁸³⁷ 筆ノ遊, «Развлечения кистью», написано Кан Тясаном, 管茶山, 1747–1827; *Хякка сэцурун*, т. 正上, с. 177.

⁸³⁸ 耳袋, написано в 1815 г. Фудзивара Моринобу, 藤原守信, *Сидайкисё*, *四大奇書*, № 4, с. 11, Гл. I.

ГЛАВА IX.

ЯПОНСКИЕ, КИТАЙСКИЕ И ИНДИЙСКИЕ ДРАКОНЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ХРАМОВЫХ НАЗВАНИЯХ, А ТАКЖЕ В ИМЕНАХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ.

В предыдущих главах мы часто упоминали горы и храмы, названные в честь драконов, которые жили в тех местах, или появлялись в то время, когда воздвигали храм. По всей Японии мы находим большое количество сходных названий; они приводятся в «Словаре географических названий Японии» (*Дай Нихон тимэй дзисё*) Ёсида Того. Следующие детали почерпнуты из этой книги.

§ 1. Японский дракон (*тацу*).

Тацу–но кути, или «Драконий рот» (龍口, или 辰口) — очень часто встречающееся название. Оно, к примеру, дано горячему источнику в районе Номи, провинции Кага, маленькому водопаду в районе Кодзимати, Токио, горе в районе Камакура, провинции Сагами, дамбе в районе Кудзи, провинции Хитати и двум горам в провинциях Бидзэн и Рикудзэн. На холме с этим названием в районе Камакура в период Камакура казнили преступников; он знаменит преданием о чудесном избавлении Нитирэна, по которому его жизнь была спасена, так как меч отказался рубить святую голову. Говорили, что холм образовался от мертвого тела дракона, который в древности жил в соседнем озере и чей рот был именно в этом месте⁸³⁹. Даже в эру Анъэй (1772–1780) там поклонялись пятиглавому дракону в маленьком синтоистском святилище⁸⁴⁰, а сегодня на том месте стоит «Синтоистский храм Драконьего Рта» (Тацу–но кути–но ся, 龍口社), а буддийский храм школы Нитирэн под названием Рюко–дэра (龍口寺), доказывает, что буддисты восприняли старое верование. На вышеупомянутой горе в Рикудзэн поклоняются большой скале в форме драконьей головы в синтоистском храме под названием «Тацу–но кути дзиндзя», или «Храме драконьего рта».

Тацу–га хана 龍鼻 («Драконий нос») — название скалы в провинции Оми, района Саката; Тацу–куси 龍串 («Драконий вертел») — горы в провинции Тоса, района Хатая. Тацу–яма 龍山 («Драконьи горы») мы находим в Харима, района Иннан и в Овари, района Хигаси Касугай; Тацу–ко–яма 龍子山 («Маленькие драконьи горы») — в Хитати, района Тага, а Тацу–дзаки 龍崎、辰崎 («Драконий мыс») — в Симодзукэ, района Сарусима, и в Ивасиро, района Исикава. В провинции Муцу, района Хагаси Цугару, мы находим Тацу–бама–дзаки 龍浜崎 («Драконий мыс–пляж»), также называемый Тацуби–дзаки 龍飛崎 («Мыс полета дракона»), а в Синано, района Саку — Тацу–ока 龍岡 («Драконий холм»). Далее, Тацу–но 辰野 («Драконье поле»), также называемое Тацу–но ити 龍市 («Драконий рынок») мы обнаруживаем в Синано, района Ина, а другой Тацу–но ити — в Ямато, районе Соз–но ками, где поклоняются синтоистскому божеству Тацу–но ити Мёдзин. В Харима, района Иихо (или Ихо), где есть Тацу–но 龍野 со старым замком с тем же названием, построенным Нитта Ёсисада в 1334 г. Наконец, мы находим деревни под названием Тацута 龍田 (Драконье рисовое поле) в провинции Хиго, районе Акутаку, и в Ямато, в районе Икома. Рядом с этим местом расположен хорошо известный синтоистский храм Тацута дзиндзя, посвященный Богу Ветра, где возносятся моления ветру и дождю. Можно также упомянуть Гору Тацута в тех же краях, а также реку под названием Тацута–гава. На упоминавшейся выше Тацу–яма в Овари стоял старый буддийский храм школы Тэндай, называвшийся Рюсэндзи 龍泉寺 («Храм драконьего источника»), который, как считалось, был построен за одну ночь Царем–Драконом; исходно японский бог–дракон той горы, вероятно, идентифицировался с Нагом монахами Тэндай. На «Драконь-

⁸³⁹ *Эносима энги* (время написания и автор неизвестны), цит. Ёсида, 1.1., с. 2715.

⁸⁴⁰ *Нитирэн тюгасан*, 日蓮註畫贊, цит. там же.

ем мысе» в Ивасиро есть водопад (известное прибежище драконов), а дерево *бодхи* — свидетельство доминирования буддизма в позднейшие времена.

подавляющее количество этих названий обнаруживается в Центральной Японии; на Юге и Севере они редки⁸⁴¹.

§ 2. Китайские и индийские драконы (*рю*, или *рё*).

А. Названия гор.

Горы называются Рю–дзан, или Рё–дзан 龍山 (в Ивасиро и Удзэн; рядом с последней есть место, называемое «Священным Хвостом» 神尾, что, вероятно, указывает на драконий хвост); Рю–га минэ 龍峰 («Драконий пик», в Хиго, напоминающий лежащего дракона, и в Хида); Рю–но (или –га) саки 龍崎 («Драконий мыс», с буддийским «Храмом синего дракона»), Сэйрюдзи 青龍寺 в Тоса и другой, в окрестностях которого есть буддийский храм под названием Кинрюдзи, 金龍寺 или «Храм золотого дракона» в Хитати); Рю (или Рё) –га такэ 龍嶽 («Драконий пик» в Исэ и Удзэн); Рюдзу–дзаки 龍頭崎 («Мыс драконьей головы» в Тоса); Рютэн–яма 龍天山 («Гора дракона–Дэва» в Бидзэн); Рю–о–дзан 龍王山 («Гора Царя–Дракона» в Битю с маленьким синтоистским храмом, посвященным Восьми Великим Царям–Драконам, на вершине, и двумя другими в Кавати и Сануки). Рю–о–такэ 龍王嶽 («Пик Царя–Дракона») мы обнаруживаем в Тикудзэн, а Рю–дзо–сан 龍爪山 («Гора драконьих когтей») — в Суруга с храмом Рю–дзо Гонгэн⁸⁴², «Проявление Рю–дзо», «Драконье хранилище (чрево)», буддийское название, данное горному божеству, вероятно — в облике дракона. Рядом с деревней Рю–ока 龍岡 («Драконий холм») в провинции Иго есть гора, на которой в древние времена буддийский монах успешно возносил моления о дожде. В Хитати есть Рюдзинсан 龍神山 («Гора бога–дракона») и старый синтоистский храм Бога–дракона, а в Кии мы обнаруживаем Рюмон–дзан 龍門山 («Гору драконьих врат»).

Б. Имена источников, водопадов и рек.

Горячий источник в Кии, знаменитый своими лечебными свойствами, называется «Источником Бога–Дракона» (Рюдзин–сэн 龍神泉). В Осуми, Ямато и Хиго мы находим «Водопады драконьих врат» (Рюмон–даки 龍門瀧), а в Симодзукэ — «Водопад драконьей головы» (Рюдзу–даки 龍頭瀑). Древние китайцы считали, что дракон тесно связан с водопадами, и указывали на это с помощью иероглифа «дракон», соединенного с радикалом «вода» (瀧). Реки, связанные с драконами: Рюгэ–гава 龍華川 («Река драконьего цветка», также произносимая, как Тацу–бана–гава) в Кавати; Тэнрю–гава 天龍川 («Река Небесного Дракона») в Синано и Тотоми; Рюкан–гава 龍閑川 («Река драконьего отдохновения») в Токё.

В. Названия островов, долин и мест.

Можно упомянуть два «драконьих острова» (Рю–га сима, или Рю–сима 龍島), один в Этиго, другой в Ава; также «Долину Царя–Дракона» (Рю–о–дани 龍王谷) в Будзэн. Такие названия, как Рю–маи 龍舞 («Драконий танец») в Кодзукэ, Рю–о 龍王 («Царь–Дракон») в Будзэн и Каи, Рю–току 龍徳 («Драконье достоинство») в Тикудзэн, Рю–гэ 龍華 («Дараконий цветок») в Оми и Рю–гэ 龍毛 («Драконьи волосы») в Уго — свидетельства большой популярности китайских и индийских драконов в Японии.

Г. Названия буддийских храмов.

⁸⁴¹ Что касается личных имен, то они редко связаны с *тацу*, за исключением трех следующих: *Тацу* (龍), *Тацуки* (龍木, Драконово дерево) и *Тацудзанэ* (龍実, Драконье зерно).

⁸⁴² 龍威權現; божествам с таким же именем поклоняются в синтоистских храмах в Удзэн и Ку.

Среди названий буддийских храмов, связанных с драконами наиболее часты: Рюдзодзи 龍藏寺 («Храм драконьего хранилища [чрева]»), Рюсэндзи 龍泉寺 («Храм драконьей весны»), Рюкодзи 龍興寺 («Храм драконьего подъема») и Рюмондзи 龍門寺 («Храм драконьих врат»). Далее, мы находим храмы драконьих рогов (Рюокаудзи 龍角寺), живота (Рюфукудзи 龍腹寺), рта (Рюкодзи 龍口寺) и головы (Рютодзи 龍頭寺). Более того, упоминаются храмы Драконьего облака (Рюундзи 龍雲寺), пруда (Рюэндзи 龍淵寺 и Рютандзи 龍潭寺), моря (Рюкай-ин 龍海院), долины (Рюкэйдзи 龍溪寺), источника (Рюгэндзи 龍源寺), реки (Рюсэндзи 龍川寺), дворца (Рюгудзи 龍宮寺), балдахина (Рюгайдзи 龍蓋寺), цветка (Рюгэдзи 龍華寺), сокровища (Рюходзи 龍寶寺), счастья (Рюфукудзи 龍福寺), отдыха (Рюандзи 龍安寺 и Рюондзи 龍穩寺 (院)), процветания (Рютайдзи 龍泰寺), справедливости (Рюсё-ин 龍正院), величия (Рюгондзи 龍巖寺) и т.п.

Д. Имена буддийских монахов.

Буддийские монахи часто имели подобные имена; в особенности Рюдзан 龍山 («Драконья гора») и Рюсю 龍洲 («Драконий остров») особенно часты. Далее, мы находим Рюсуй 龍水 («Драконья вода»), Рюсэн 龍川 («Драконья река»), Рютаки 龍澤 («Драконий водопад»), Рюти 龍池 («Драконий пруд»), Рю-эн 龍淵 и Рю-сю 龍湫 («Драконий бассейн»), Рюсин 龍深 («Драконьи глубины»), Рюсё 龍渚 («Драконий остров»), Рюдэн 龍田 («Драконье рисовое поле»), Рюто 龍登 («Взлет дракона»), Рюхо 龍峯 («Драконий пик»), Рюби 龍尾 («Драконий хвост»), Рюмин 龍眠 («Драконий сон») и т.п. Большое количество имен, упоминавшихся в этой главе, — весомое доказательство того факта, о котором часто говорится в легендах, т.е. великой популярности трех разновидностей драконов: японского, китайского и индийского в древней Японии.

ГЛАВА X.

ВЫВОДЫ.

Предыдущие главы еще раз показали, сколь велико было китайское воздействие на японские легенды и предрассудки с начала распространения китайской цивилизации в стране Восходящего Солнца и до настоящих дней. Мы также видели, как влиятельнейшая доктрина буддизма привела индийских Нагов в дальневосточные моря, реки и пруды, и населила японские горы и леса их злейшими врагами — Гарудами. Идея полубожественных царей в облике змей, живущих в роскоши в своих величественных дворцах на дне, была странной для китайских и японских умов; однако, способность этих существ принимать человеческий облик и посылать дождь на иссохшую землю, а также их природа водных божеств, сформировали связи между Нагами Индии и драконами в Китае и Японии. Китайские буддисты идентифицировали индийских змеев с четвероногими китайскими драконами, и эта смесь идей легко проникла в сознание японцев, которые не колеблясь ассоциировали своих собственных, в большинстве случаев — в змеином облике — речных и горных божеств с западными богами того же вида.

Из *Введения* мы видели, что Наги, как правило, были благожелательны к буддизму, но являлись опасными существами из-за своего вспыльчивого характера, смертельного яда и колоссальной магической силы. Они обладали бесчисленными драгоценностями и знали сильнодействующие заговоры, которые даровали тем, к кому бывали расположены, и кто часто останавливался в прекрасных дворцах Нагов на дне прудов, рек, или морей. Школа Махаяны говорит о восьми Великих Царях–Драконах, более сильных, чем другие, один из которых, Сагара, был хорошо известен, как дарователь дождя. Способность Нагов посылать дождь, не упоминающаяся в *джатаках*, очевидно, больше подчеркивалась северным, нежели южным буддизмом. В соответствии с оригинальными концепциями, эти полубожественные змеи, проживавшие в земле Патала, под землей, могли сгущать облака и вызывать гром, либо — сами появляться в виде облаков перед трепещущими людьми. Однако, северный буддизм превратил этих ужасных существ в приносящих дождь благодетелей людей, к которым возносились моления о дожде на специальных церемониях. Эти ритуалы исполнялись также в Китае и в Японии. Что касается подразделения Нагов на четыре касты: «Небесные, Божественные, Земные и Скрытые Наги», то это, вероятно, также северная особенность, поскольку нигде в *джатаках* я не нашел упоминаний об этом. Буддийское искусство Индии представляет Нагов, как змей, либо — как мужчин и женщин со змеями, выходящими из их шей и поднимающимися у них над головами, либо — как существ со змеиными хвостами и с человеческой верхней частью туловища, причем змеи появляются у них над головами. Жаркий ветер и горячий песок, внезапные бури и цари–Гаруда — это то, чего Наги боятся больше всего. Строго соблюдая буддийские ограничения, они могут возродиться в человеческом облике.

В Книге I мы видели, что в старейших китайских трудах говорится о драконах при гаданиях, как орнаментальных украшениях одежд и как о речных божествах, вызывающих наводнения своими битвами. Поскольку они относятся к четырем *лин* («духовным существам»), полных *Ян* (Света), они являлись предзнаменованием рождения великих людей, в особенности — императоров, и изобилия в целом, как драконы–лошади, но также — смерти и разрушения, когда их видели сражающимися, или находили их мертвые тела, или когда они появлялись в неурочное время и в неполюженном месте. Императоров не только называли драконами и сравнивали с ними, но иногда даже считали их отпрысками, или находящимися у них в услужении. Драконы поднимались на небо с ветром и облаками; на них сидели *сянь*, либо они спускались в глубокие колодцы. Количество их превращений было безграничным. Они могли становиться маленькими, как шелковичные черви, либо такими большими, что заполняли собой весь мир. Они превосходили мудростью всех прочих животных, а сила их благословения была велика. Рядом с этими положениями, ставшими любимыми предметами творчества поэтов и художников, огромное количество более простых верований превалировало среди простого люда с древних времен.

Главным водяным божеством является *цзяо–лун*, чешуйчатый дракон; другие важные драконы — *ин–лун* (с крыльями) и *цю–лун* (с рогом), а также *чи–лун* (синий и без рога). Затем есть несколько других

разновидностей драконов, но все они боятся железа, растения *ван*, многоножек, листьев *melia azederach*, пятицветной шелковой нити, а их основными врагами являются тигры и демоны засухи, которые их пожирают. Они любят красивые драгоценные камни, пустые камни с водой внутри (либо — живительный дух меди) и ласточкино мясо. Мужские и женские драконы различны по форме. Поскольку дракон очень похотлив, то совокупляется со всеми видами животных и, таким образом, производит девять различных видов, которые, в соответствии со своей природой, представлены на украшениях.

Вызывание дождя — самая основная функция китайского дракона; люди побуждают его к этому различными магическими средствами, в частности — создавая глиняные изображения драконов (и кладя их в воду), либо — бросая отравленные растения, или кости тигра (его смертельного врага) в пруды, либо — раздражая его ужасным шумом, или используя утварь, украшенную изображениями драконов, когда молятся о дожде. Драконов называют «Повелителями Дождя», а о дожде молятся перед их норами.

Они превращаются в стариков, прекрасных женщин и рыб, а иногда принимают облик деревьев и предметов, например мечей. Они имеют жемчужину под горлом, или во рту. Что касается их яиц, то это — красивые камни, которые находят в горах, или у рек; из них постоянно сочится вода, откуда они не лопаются, и наружу не появляется маленькая змейка, которая за короткое время становится все больше и больше, а затем в виде дракона поднимается в небо посреди грома, дождя и темноты. Бури и смерчи приписывают поднимающимся драконам. Их кости считаются очень действенным лекарством, а их слюна — самое ценное парфюмерное средство; их сброшенная шкура распространяет бриллиантовый свет. Драконьи лодки являлись развлекательными судами императоров и имели форму драконов и головы птицы *и*; однако, совершенно иными были драконьи лодки праздника пятого дня пятого месяца, что, вероятно, являлось предметом симпатической магии для обретения дождя. Что касается буддизма, то он привнес в Китай легенды о превращениях в драконов после смерти, о Царях–Драконах, их дворцах и т.д.

В первой главе Книги II, в которой я рассматривал исходно японских драконов, самая поздняя дата — X в. (*Энгисики*). Даже VIII в. украшал свои легенды китайскими и индийскими чертами, как мы видим из повествований о Тоётама–бимэ и Хико–хоходэми. Это было очень просто сделать, потому что японские морские и речные божества, имея облик драконов, или змей, напоминают китайских *лун*, или индийских Нагов. Неудивительно, что простые, посылающие дождь японские боги рек и морей, гор и долин, благодаря своему облику идентифицировались и были вытеснены подобными, но более фантастичными китайскими и индийскими божествами воды и дождя. «Водные отцы» (*мидзутти*), речные божества в форме драконов, которые, подобно китайским драконам, мешали людям, строившим набережные укрепления, однако умиротворяемые человеческими жертвоприношениями, вместо того, чтобы, как в Китае, быть отогнанными железом, вскоре уступили место Повелителям Дождя и Царям–Драконам Запада. Постепенно иноземные элементы добавлялись к древним легендам, и их оригинальные формы стали почти неузнаваемыми.

Вторая глава показывает, как все китайские концепции в отношении появления драконов и лошадей–драконов, как предзнаменований, были восприняты японцами и сохранены ими с IX–го до XIX–го столетия.

В третьей главе говорится об основной функции драконов, т.е. даровании дождя человечеству. Среди восьмидесяти пяти синтоистских храмов, куда двор во время засухи посылал гонцов, было много речных божеств в форме драконов. Что касается подношений, делавшихся синтоистским речным божествам для получения дождя, или чтобы те прекратили излишне обильное выпадение осадков, то это были конопля и нитки, черные, белые, или красные лошади (последние лишь для прекращения дождя). Однако, уже императоры VIII в. уже не вполне верили в достаточную силу этих божеств, так как одновременно буддийские ритуалы исполнялись в трех великих храмах в Нара. В особенности в IX в. буддийские монахи обретали все больше влияния, также и в этом отношении, и знаменитый «Парк Священного Источника» в Киото стал особой территорией молений о ниспослании дождя. Кобо Дайси объявил пруд в этом парке населенный индийским драконом, и на его берегах читались сутры толпами монахов, иногда в ходе молений к Царю–Дракону, иногда — пугая его смертельным врагом Гарудой. Однако, если они были безрезультатны, древние речные божества праздновали временный успех и возводились в высшие ранги. Однако их слава бывала недолгой, ибо очень скоро могучие иноземные захват-

чки вновь превозмогали. Либо китайский дракон, которого подымали звуками колоколов и барабанов, песнями и танцами на драконьей лодке в пруду Парка Священного Источника (либо лишая его главного элемента — воды), либо индийский Царь–Нага являлись божествами, от которых двор ожидал благословения дождем. Умный монах Кукай (Кобо Дайси) знал, как побеждать своих противников, и не только синтоистов, но и соперников среди буддийских настоятелей. Это прочувствовал на себе один из его могущественнейших коллег — Сюбин, настоятель «Западного Монастыря». Помимо молитв, приглашений и чтений сутр, Кукай воспользовался магическим изображением дракона (что напоминает нам о глиняных фигурках драконов в Китае); он стремился распространить свое учение посредством чрезвычайно выразительного искусства вызывания дождя. И успех его был полным.

Далее, мы видели, как на протяжении XIII в. во время засухи в том же «Парке Священного Источника», или где-либо еще отправлялся «Праздник Пяти Драконов», либо читались сутры перед драконьей норой на горе Муробу в Ямато, чтобы побудить Царя–Дракона, жившего там, ниспослать дождь. Примечательный факт, что буддийский монах воздвиг на том месте синтоистский храм для индийского дракона, указывает на то, что Наги заняли место синтоистского дракона, горного божества, жившего, как считалось, в этой норе с древних времен. В том же веке лошади все еще подносились императорами знаменитым божествам дождя в Нибу («Повелитель Дождя») и Кибунэ; белые — чтобы получить, а красные — чтобы прекратить дождь. Сами придворные ходили в Парк Священного Источника и молились «Морскому Царь–Дракону», одновременно отправляя ритуалы симпатической магии, брызгая водой на камни у пруда. Многочисленными были чудеса, являвшиеся буддийскими монахами в принуждении драконов к исполнению их воли. Однако, в позднейшие времена, в особенности в XVIII в., мы видим, как вновь появляются китайские методы вызывания дождя. Китайские концепции вызывания гнева этих божеств дождя с помощью шума, или бросания железной утвари, или металлической стружки, или грязных вещей в их пруды, что вызывало их подъем и дождь, отличались от синтоистской идеи молений и подношений речным божествам, а также от буддийских способов убеждения, или принуждения драконов к благодетельствованию человечества изобильным дождем. Как я замечал выше, китайские методы, возобладавшие в позднейшие века, все еще распространены среди японского населения в наши дни.

В четвертой главе приводятся японские легенды об индийских Нагах (Царях–Драконах). Поскольку индийские легенды достигли Японии через Китай и Корею, вполне логично, что в их японских вариантах просматривается много китайских черт. Среди восьми великих Царей–Драконов Сагара, который, как считается, живет в прекрасном дворце на дне моря, упоминается чаще остальных. Подобно другим Царям–Драконам, он обладает «драгоценной жемчужиной, исполняющей все желания» (*чинтамани*). Во время штормов рабыки пытались умиротворить Царей–Драконов, бросая в море всевозможные ценные предметы, и им это удавалось, если предмет, желаемый водными богами, предлагался вовремя. Пруды, в особенности — горные, очень часто считались местом жительства Царей–Драконов, которые, вероятно, во многих случаях занимали места древних японских божеств в драконьем обличи. Иногда один из восьми царей обращался неким знаменитым буддийским настоятелем, либо — дух человека становился божеством–драконом. Храмовый колокол в Миидэра, как считается, был получен Тавара Тода в драконьем дворце. Лазурные драконы (китайский момент) часто появлялись по случаям основания буддийских храмов и потому становились божествами–охранителями этих храмов. Иногда драконьи реликты, как, например, несколько чешуек, или зуб, сохранялись среди сокровищ буддийских святилищ. Наконец, восьми– или девятиглавые драконы считались обитателями горных озер, являясь иногда реинкарнациями буддийских монахов; вплоть до Реставрации рисовые подношения делались буддийскими монахами драконам в некоторых таких озерах.

Сильное влияние индийских и китайских идей относительно этого предмета на японское сознание проявляется также в том, как эти концепции прилагались к древним синтоистским божествам. В Главе V приводятся некоторые примеры, обнаруженные в работах XIII и XVIII вв. В первом восьмиглавый змей по имени Ямато–но ороты, убитый Сусаноо, а также несчастный маленький император Антоку, утопленный во время сражения при Дан–но ура (1185), чей дух считается синтоистским божеством Суйтэнгу, идентифицируются с женским божеством Ицукусима, дочерью Царя–Дракона Сагара! А драгоценный меч Кусанаги, обнаруженный в хвосте восьмиглавого змея, принадлежал дворцу этого Царя–Дракона, либо, по другой легенде, тщательно охранялся Царем–Драконом и был принесен обратно в

храм Ацута, откуда он был украден. Божество Грома, по одной из легенд пойманный Сукару, назывался «Царем–Драконом» автором *Гэмпэй сэйсуйки* (XIII в.), что было вполне правдоподобно, так как в версии *Нихонги* говорится об огромном змее. Далее, несколько старых синтоистских храмов, где, вероятно, с древних времен поклонялись богам в форме змей, или драконов, в позднейшее время, в XVIII в., считались связанными с китайскими, или индийскими драконами, и даже древние духи деревьев в облике змей назывались драконами и, как считалось, могли вызывать бурю.

Драконий фонарь, о котором идет речь в шестой главе, не упоминается в работах, написанных до XIV в. Он всегда поднимался из моря и в большинстве случаев являлся знаком охранения и поклонения буддийскому храму морского божества в виде дракона, либо, в некоторых случаях, — синтоистскому святилищу. Китайский «лазурный дракон» часто упоминается в этих сказаниях, и иногда он сам несет этот фонарь, который почти всегда опускается на какую–нибудь старую сосну, стоящую у храма, и висит на его ветвях. Эти «сосны драконьих фонарей» напоминают нам о старых китайских деревьях, производящих блуждающие огоньки.

Драконьи яйца, красивые камни, подбираемые в горах, из которых постоянно сочится вода, и которые по этой причине часто использовались, как чернильные камни, являлись на самом деле опасными сокровищами. Дело в том, что рано или поздно они лопались, из них выползала маленькая змейка, которая через несколько минут увеличивалась в размерах и наконец поднималась в небо в виде дракона, пробиваясь сквозь крышу и вызывая ужасную бурю. Книга I, Гл. III, § 16, в связи с Книгой II, Гл. VII, показывает, что это — китайские концепции, привнесенные в Японию, где они превалировали с XVI–го по XIX в.

Очень популярной была также идея смерче и водяных смерчей, вызываемых поднимающимися драконами, с помощью ветра прокладывающих себе дорогу в небеса. Мы находим ее как в Китае, так и в Японии, причем в последней — особенно популярной с XVII в. и по сегодняшний день. Японское название «тацу–маки» возможно, указывает, что оно не было заимствовано из Китая; однако, с другой стороны, тот факт, что мы не находим упоминаний о ней в работах до XVII в., побуждает меня думать, что общая склонность этих позднейших веков к китайским концепциям, которую мы наблюдаем также в методах вызывания дождя, могла быть вызвана также и распространенностью этой идеи.

Наконец, в девятой главе приводятся географические названия, как свидетельство того, что исходно японскому дракону поклонялись в основном в Центральной Японии, а популярность китайского и индийского драконов распространялась по всей Империи. Большое количество названий буддийских храмов и монашеских имен, связанных с индийскими драконами, показывает ту важную роль, которую Наги играли в японском буддизме.

Здесь я заканчиваю этот трактат о драконе на Дальнем Востоке с надежной, что он смог пролить свет на сложную природу индийских, китайских и японских божеств воды, грома, дождя и ветра.